

С.В. Шарко

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ВОЗМОЖНОСТИ И РАЗВИТИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Москва
2010

УДК
ББК

Ш 26

Рецензенты:

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук,
профессор *К.М. Долгов*;
доктор исторических наук, доктор филологических наук
К.Е. Черевко

Ш 26 **Шарко С.В.**

Россия и Китай: возможности и развитие региональной интеграции: Монография. — М.: ООО «Ин-кварто», 2010. — 272 с.

ISBN

В монографии исследуются актуальные проблемы перспектив региональной интеграции в АТР с участием России и Китая. На основе обобщения опыта сотрудничества РФ, КНР и азиатских государств предлагаются новые теоретические положения, дополняющие традиционную теорию интеграции и указывающие на многовариантность интеграционных процессов. Автор представляет новую интерпретацию модели сотрудничества и интеграции России и Китая. Её концептуальный смысл обогащается интеграционной составляющей систем нового типа (ШОС, БРИК) и разных форм многостороннего сотрудничества.

Работа представляет интерес для специалистов в области политологии, мировой политики и международных отношений, а также для широкой аудитории.

ISBN

© С.В. Шарко, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

Россия и Китай: геополитика, геоэкономика и геостратегия <i>Вступительная статья К.М. Долгова</i>	4
Введение	13
Глава I. Потенциал России и Китая в процессах региональной интеграции в АТР	21
§ 1. Роль и место России и Китая в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе	21
§ 2. Экономическая политика Китая как основа для развития регионального сотрудничества и интеграции	47
§ 3. Цивилизационный потенциал России и Китая и перспективы региональной интеграции	82
Глава II. Уровень и проблемы регионального сотрудничества между Россией и Китаем	106
§ 1. Состояние российско-китайского регионального сотрудничества к началу XXI века	106
§ 2. Основные проблемы в региональном сотрудничестве РФ и КНР в начале XXI века	129
§ 3. Российско-китайское сотрудничество в новых международно-политических условиях	143
Глава III. Российско-китайское сотрудничество как фактор развития интеграционных процессов в АТР	162
§ 1. Региональное сотрудничество России и Китая как условие стабилизации процессов интеграции в Центральной Азии	162
§ 2. Перспективы ШОС в качестве интеграционной системы нового типа	184
§ 3. Региональное сотрудничество России и Китая как фактор укрепления интеграционных связей в АТР ...	205
Заключение	231
Литература	247

Россия и Китай: проблемы геополитики, геоэкономики и геостратегии

Первое десятилетие XXI века открывает новый этап в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Идут активные геополитические, геоэкономические и геостратегические процессы перераспределения ролей на международной арене. Китай бурно развивается на волне экономической интеграции и все больше заявляет о себе как глобальной державе с широким спектром политических, экономических, военных, культурных и иных интересов, составляющих основу могущества современного государства.

Возрастающее стратегическое партнерство России и Китая уже сегодня беспокоит США, страны Европы и НАТО, а также Японию. Усиление интеграционных процессов на Западе и Востоке выдвинули на авансцену мировой политики вопрос об исторической перспективе России, Китая и всей Азии в целом.

Современный мировой порядок переживает тяжелейший кризис, о чем свидетельствуют неоднозначные последствия событий последних десятилетий. Все попытки решать проблемы международных отношений силовыми методами оказались тщетными — применение военной силы вызывает ответные силовые реакции. Соединенные Штаты стали единственной супердержавой, которая пытается навязать всему миру свою модель государственного и общественного устройства, свой «новый мировой порядок», своё понимание геополитики, геоэкономики и геостратегии, обеспечивающие гегемонию этого государства над всем миром — по существу мировое господство. Несмотря на то, что мировой финансовый кризис развеял миф об универсальности либерально-экономической модели Запада, возродив интерес к опыту Азии и Китая, США продолжают считать свою идеологию *Rax Americana* как нечто само собой разумеющееся и не поддающееся никакому сомнению. Можно сказать, не боясь ошибиться, что США представляют собой современную суперимперию со всеми вытекающими последствиями, которую можно назвать, с некоторыми оговорками, «демократической империей» или «империалистической демократией». Этот факт долго замалчивался и скрывался, и только в последнее время американские идеологи стали признавать, что США представляют собой новую самую мощную во всей истории империю.

В этих условиях России и Китаю предстоит сложный процесс укрепления позиций в мировой политике и экономике. Они уже пытаются сделать это за счет объединения своих потенциалов. Однако процессы российско-китайского сотрудничества и интеграционного сближения проходят не всегда гладко. Но их важность в новом раскладе мировых сил от этого не становится менее значимой. В связи с этим актуальность поли-

тологических исследований, касающихся возможностей и развития региональной интеграции, где игроками выступают Россия и Китай, с каждым годом будет только возрастать.

Геополитический баланс сил в АТР определяется сложными отношениями России, Китая и США. Тем, кто внимательно изучал США, бросалось в глаза внешнее сходство с Римской империей: Капитолий, Сенат, судебная система, вооруженные силы (военные базы), размещенные по всему миру, доллар как мировая валюта, высокий статус американского гражданина и т.д. Есть даже буквальные совпадения: Рим держал за границей около 300 тысяч своих легионеров, США постоянно содержат в разных частях мира тоже около 300 тысяч профессионально подготовленных солдат и офицеров. Примерно в это же время окрепла Китайская или что тоже самое Ханьская империя (221 г. до н.э.), которая переживала периоды подъема и упадка и снова возрождалась. Достаточно сказать, что политическое влияние империи Хань было огромным: оно распространялось на весь Китай, на весь юг Азии — до Индии, и на север, в сторону земель кочевых племен сунну, и на северо-восток — до тунгусских племен. Эти земли находились под китайской системой управления и под началом китайских губернаторов. В зависимости от успехов и поражений династии Хань, изменялись размеры и значения колоний, но цивилизационное влияние ханьского Китая оставило свой след в истории восточноазиатских и центральноазиатских народов. Изменялось и отношение сопредельных народов и их князей, которые спешили возвыситься в глазах местного населения за счет своей сопричастности к Китаю. До сих пор древние карты китайцев в геополитическом, геоэкономическом и геостратегическом контексте не дают отдельным китайским кругам покоя, что в свою очередь порождает недоверие соседних народов к Китаю. Не следует забывать, что Танская династия — это период возрождения Ханьской империи. Современный Китай находится в стадии своего интенсивного исторического ренессанса.

Разные империи по-своему обеспечивали своё господство: «Рим обеспечивал своё господство в основном с помощью более совершенной военной структуры и культурной притягательности. Китай в значительной степени опирался на эффективный бюрократический аппарат, управляя империей, построенной на этнической принадлежности, и укрепляя свой контроль за счет сильно развитого чувства культурного превосходства... Однако ни одна из этих империй не была действительно мировой. Даже Великобритания не была настоящей мировой державой. Она не контролировала Европу, а лишь поддерживала в ней равновесие сил. Стабиль-

ная Европа имела решающее значение для международного господства Британии, и самоуничтожение Европы неизбежно ознаменовало конец главенствующей роли Британии. Напротив, масштабы и влияние Соединенных Штатов Америки как мировой державы сегодня уникальны. Они не только контролируют все мировые океаны и моря, но и создали убедительные военные возможности для берегового контроля силами морского десанта, что позволяет им осуществлять свою власть на суше с большими политическими последствиями. Их военные легионы надежно закрепились на западных и восточных окраинах Евразии. Кроме того, они контролируют Персидский залив. Американские вассалы и зависимые государства, отдельные из которых стремятся к установлению ещё более прочных официальных связей с Вашингтоном, распространились по всему Евразийскому континенту»¹. А в настоящее время США контролируют Центральную Азию² и пытаются закрепить своё влияние на Кавказе³. По существу Соединенные Штаты контролируют почти весь мир, за исключением, может быть, Китая, Ирана и, частично, Германии и Франции.

Однако в условиях преодоления последствий глобального финансового и экономического кризиса о сверхдержавной роли США, где, собственно говоря и начался кризис с краха ипотечного кредитования, следует говорить с оговоркой. Как справедливо вытекает из смысловых конструкций монографии Шарко С.В., Китай настроен на глобальную экспансию в качестве активного участника в доминирующих сегментах мировой экономики. В условиях мировой рецессии китайская экономика начинает играть роль балансира в мирохозяйственной системе. Именно Китай, благодаря его экономике, а, следовательно, его политике, становится спасителем американской финансовой системы. По сути дела в этой позиции Китай выходит на новую роль, а именно на роль финансового союзника США, хотя Китай в принципе избегает каких-либо официально оформленных союзнических отношений. Это свидетельствует о новой тенденции — начале смены политических ролей на мировой арене настоящей и особенно будущей истории. В монографии Шарко С.В. выявляются новые узлы и новые проблемные сферы в мировом политическом процессе. Новаторство мысли автора также явственно проявляется в концептуальной и логическо-структурной схеме исследования с использованием сравнительных аналогий и харак-

¹ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. — М., 1999. — С. 32–34.

² *Hasan H. Karrar.* The New Silk Road Diplomacy. China's Central Asian Foreign Policy since the Cold War. UBS-press. Vancouver-Toronto, 2009.

³ *Ronald D. Asmus.* A little War that shook the World. Georgia, Russia, and the Future of the West. — Macmillan, 2010.

теристик процессов восточноазиатской и западноевропейской интеграции. Компаративный анализ позволил выявить ретроспективу и перспективу российско-китайского сотрудничества, а также политические последствия двух кризисов: Азиатский финансовый кризис конца прошлого века, имеющий глобальные последствия, и мировой финансовый и экономический кризис нового века, приобретший широкий региональный размах.

Если говорить о геополитике, геоэкономике и геостратегии в мировой политике именно в аспекте тенденций и перспектив развития интеграции в АТР, то в этих сферах в последние десятилетия произошли кардинальные трансформации. В сфере геополитики: традиционное господство над Евразией тем или другим евразийским государством сменилось на господство неевразийского государства — а именно Соединенных Штатов, что совершенно переворачивает традиционные международные отношения, ибо господство над Евразией почти автоматически означает господство над миром.

В сфере геоэкономике: глобализация как бы оттесняет традиционную геополитику и вводит в активный оборот геоэкономике с её экономическими, финансовыми, информационными и другими потоками, для которых уже не существует границ, и которые, с одной стороны, почти отменяют лоббирование, а с другой — активизируют его в самых различных сферах.

В сфере геостратегии: становится совершенно очевидным, что региональная интеграция в АТР меняет геостратегические приоритеты её участников и не оставляет равнодушными мощных внерегиональных игроков, проявляющих острейшую заинтересованность в происходящих изменениях и тщательно отслеживающих ситуацию в Азии. Как следует из монографии Шарко С.В., Китай длительное время избегал участия в каких-либо интеграционных группировках, опасаясь американского влияния на свою хозяйственную политику. Теперь же устремление Китая за счет активизации интеграционных связей направлено на исполнение главной роли в Азии, решительно отодвигая прежнего, но все пока еще сильного японского лидера. Посредством «мягкой экспансии» в орбиту влияния Китая всё больше подпадают страны АСЕАН, а также расширяется его присутствие в Центральной Азии, традиционной зоне российских интересов.

Интеграция как региональное продолжение процессов глобализации оказывает своё влияние на изменение геополитических, геоэкономических и геостратегических парадигм России и Китая в настоящее время и особенно в будущем. Согласно Шарко С.В., характерной особенностью восточноазиатской интеграции является её связь с процессами глобализации (хотя до сих пор не прекращаются споры о том, является ли региона-

лизация очередной ступенью глобализации или, наоборот, препятствует ей). Но уже никто не может сомневаться, что глобализация меняет социальные акценты и ориентиры: «бунт бедных» заменяет на «бунт богатых», значительно усиливает и обостряет «утечку мозгов» и «утечку капиталов», меняет иерархию ценностей — высшие ценности уступают место низшим, а подлинные ценности заменяются фальшивыми, культура — антикультурой, герои — антигероями, добро — злом и т.д. Вот почему автор монографии связывает развитие цивилизационного потенциала России и Китая с перспективами региональной интеграции. В настоящее время актуальны два вопроса: насколько российская и китайская цивилизации объективно способны в своём взаимодействии стимулировать или, наоборот, ограничивать глобальные тенденции и процессы? Каковы параметры цивилизационного сближения России и Китая? В данном исследовании речь идет о процессе теоретического осмысления и обновления методологических, а также концептуальных взглядов на развитие региональной интеграции с учетом цивилизационной специфики России и Китая. Монография Шарко С.В. относится к тем исследованиям, которые продолжают лучшие традиции российского востоковедения. В частности, стратегическая концепция развития и соразвития России и Китая широко представлена в фундаментальных трудах творческого коллектива Института Дальнего Востока РАН под руководством академика М.Л. Титаренко⁴.

Региональная интеграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе далеко не однозначна. Рыночная экономика привела к тому, что богатые страны ещё больше разбогатели, а бедные страны стали ещё более бедными. Рыночная или «свободная торговля» как и сам «свободный рынок» являют-

⁴ Вот лишь некоторые фундаментальные труды, посвященные России и Китаю, академика Титаренко М.Л.: Россия и Восточная Азия. Вопросы международных и межцивилизационных отношений. — М., 1994; Россия лицом к Азии. — М., 1998; Китай: цивилизация и реформы. — М., 1999; Россия: безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. — М., 2003; Китайская Народная Республика в 2006 г.: политика, экономика, культура. — ИДВ РАН, 2007, и др.; Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. — М., 2006; Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 томах / Т. 1 — Философия. — М., 2006; Т. 2 — Мифология и религия. — М., 2007; Т. 3 — Литература, Язык и Письменность. — М., 2008; Т. 4 — Историческая мысль, Политическая и Правовая культура. — М., 2009; Т. 5 — Наука, Техническая и Военная мысль, Здравоохранение и Образование. — М., 2009. Главный редактор этого уникального фундаментального труда — академик М.Л. Титаренко.

ся по существу формой экономического национализма развитых стран, и прежде всего Соединенных Штатов Америки, поскольку эта торговля и этот рынок «работают» именно на них, а не на слаборазвитые страны. Традиционно каждая страна имела свой рынок или несколько рынков. С приходом глобализации сформировался единый мировой рынок с одним глобальным и очень жестким законом — законом конкурентоспособности: неконкурентоспособное государство автоматически исключается из мирового политического процесса со всеми вытекающими из этого последствиями.

Соединенные Штаты уже давно провели опись «геостратегических действующих лиц» и «геополитических центров», опись, согласно которой каждому государству отведена своя роль и свое место в мировом политическом процессе или вообще отказано в какой-либо роли и в каком-либо месте. Что следует понимать под этими определениями?

«Активными геостратегическими действующими лицами являются государства, которые обладают способностью и национальной волей осуществлять власть или оказывать влияние за пределами собственных границ, с тем, чтобы изменить — до степени, когда это отражается на интересах Америки, — существующее геополитическое положение... Геополитические центры — это государства, чье значение вытекает не из их сил и мотивации, а скорее из их важного местоположения и последствий их потенциальной уязвимости для действий со стороны геостратегических действующих лиц. Чаще всего геостратегические центры обуславливаются своим географическим положением, которое в ряде случаев придает им особую роль в плане либо контроля доступа к важным районам, либо возможности отказа важным геополитическим действующим лицам в получении ресурсов. В других случаях геополитический центр может действовать как щит для государства или даже региона, имеющего жизненно важное значение на геополитической арене. Иногда само существование геополитического центра имеет очень серьезные политические и культурные последствия для более активных соседствующих геостратегических действующих лиц. Идентификация ключевых евразийских геополитических центров периода после холодной войны, а также их защита, являются, таким образом, принципиальным аспектом глобальной геостратегии Америки... В текущих условиях в масштабе всего мира по крайней мере пять ключевых геостратегических действующих лиц и пять геополитических центров (при этом два последних, возможно, также частично квалифицируются как действующие лица) могут идентифицироваться на новой евразийской политической карте. Франция, Германия, Россия, Китай и Индия являются крупными и активными фигурами, в то время как Великобритания, Япония

и Индонезия (по общему признанию, очень важные страны) не попадают под эту квалификацию. Украина, Азербайджан, Южная Корея, Турция и Иран играют роль принципиально важных геополитических центров, хотя и Турция, и Иран являются в какой-то мере... также геостратегическими активными странами»⁵. Все остальные страны определяются в соответствии с принадлежностью или отношением к этим геостратегическим лицам и геополитическим центрам, или по отношению к тем и другим.

Современная международная ситуация побуждает Россию и Китай к более глубокому обмену мнениями и опытом. Острота международных проблем требует совместных действий России и Китая, поиска новых механизмов сотрудничества и интеграции без использования политики силы и двойных стандартов. В научных кругах России имеет место понимание того, что у Китая на международной арене есть свои сильные и слабые позиции. В основу китайского подхода к мировым проблемам, по крайней мере, в обозримой перспективе положен принцип наблюдения со стороны, предполагающий сдержанную реакцию на любые международные события вне границ Китая, не затрагивающие непосредственно его национальные интересы. Такой внешнеполитический принцип предполагает обеспечение сохранения для Китая главного — времени и возможностей сосредоточиться на наращивании комплексной мощи современного государства, включая и военную составляющую. Однако следует иметь в виду и другой основной принцип китайской внешней политики — принцип полной самостоятельности в мировых делах. Это не означает, что Китай не намерен согласовывать свои действия со своими стратегическими партнерами на мировой арене, одним из которых является Россия. В то же время Китай проводит свою внешнюю политику таким образом, чтобы не оказаться втянутым ни в какие временные союзы, коалиции и в любые конфликты за его пределами. Китай оказывает политическую поддержку действиям России, но в определенных рамках. Оба государства, Россия и Китай, заинтересованы в продвижении современных форм сотрудничества и интеграции.

Следует отметить не только огромный интерес к политике Китая, перспективам интеграции России и Китая, но и явную нехватку подобных научных исследований. К тому же научные разработки китайских политологов по проблеме интеграционных процессов в Азии не настолько известны в России. Более тесному и плодотворному сотрудничеству России и Китая мешает и наличие стереотипов, сложившихся за непростую историю двус-

⁵ Бжезинский З. Указ. соч. — С. 54–56.

торонних отношений. Так, в своей книге «Восприятие в Китае образа России» академик С.Л. Тихвинский на основе документальных источников и устных свидетельств показал восприятие России различными слоями населения Китая за почти 400-х летнюю историю — и положительное и отрицательное восприятие, и одновременно положительное и отрицательное восприятие Китая в различных слоях населения России. «В целом на протяжении почти 400 лет отношения России с Китаем носили добрососедский характер, но бывали и периоды ухудшения отношений и, соответственно, негативного восприятия России в Китае... на различных этапах российско-китайских отношений автор попытался показать преимущественно доброе отношение китайцев к России и россиянам и в то же время выявить причины относительной живучести ряда недружественных России стереотипов в сознании отдельных представителей китайского народа и рассказать обо всем этом читателю в определенной исторической последовательности. Выражая надежду, что этот очерк позволит читателю лучше понять менталитет нашего великого соседа — китайского народа — и поможет крепить с ним добрососедство, дружбу и стратегическое партнерство, развивать всесторонние обмены в области культуры в целях преодоления еще бытующих кое-где превратных представлений друг о друге для достижения полного взаимопонимания»⁶. Академик Титаренко М.Л. выдвинул идею нового евразийства, которое имеет не только чисто русские, российские характеристики, но и глобальные. Новое евразийство несёт генетический код всей европейской культуры и направляет его на этническую почву и цивилизационную действительность. Оно предрасполагает народы, нации и культуры к открытости, гарантируя при этом бесконфликтность, сохранность и процветание каждой этнической культуры. Всё это подтверждает планетарную объективность евразийства, его глобальный характер. И в этом смысле духовная культура Китая не чужда этому евразийству. «В мировоззренческом измерении новое евразийство создает планетарное поле, в котором каждая культура, во-первых, конкретизирует своё место в отношении к другим культурам; во-вторых, осуществляет новое открытие собственных традиций, стимулирующих активность сознания в направлении самоидентификации; в-третьих, в соответствии со своей природой обретает собственный путь существования и развития; в-четвертых, совместно с другими культурами участвует в выработке умственного словаря человечества. Таким образом, все культуры обретают единство, в котором погашается возможность межкультурных конфликтов и достига-

⁶ Тихвинский С.Л. Восприятие в Китае образа России. — М., 2008. — С. 5–6.

ется состояние симфонии культур. В этом поле может осуществиться подлинный диалог китайской и российской культур. Со стороны Китая здесь станет человек *высокой духовности*, со стороны России — человек *нового евразийства*, которые и поведут диалог на языке умственного словаря человечества»⁷.

Исследование Шарко С.В. отличается хорошим знанием конкретного материала, глубиной анализа, объективностью, точностью и строгостью обобщений и выводов, высоким теоретическим уровнем и эрудицией. И это не случайно. Шарко С.В. относится к молодому поколению талантливых ученых-китаеведов. Он получил прекрасное образование: в 2007 году окончил с отличием факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, стажировался в Пекинском лингвистическом университете, окончил аспирантуру Российского государственного торгово-экономического университета, владеет китайским, японским и европейскими языками. Монография написана под руководством доктора политических наук, профессора В.П. Тоцкого и научного консультанта, доктора философских наук, профессора В.Г. Булова.

Монография Шарко С.В., на мой взгляд, имеет серьезное теоретическое и практическое значение и принесет пользу всем, кто интересуется политическими проблемами развития современной Китайской Народной Республики.

К.М. Долгов

*Заведующий Кафедрой философии, истории и культуры
Дипломатической академии МИД России,
главный научный сотрудник Института философии РАН,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор философских наук, профессор,
Президент Российской Эстетической Ассоциации*

⁷ Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. — Т. 1. Философия / Под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2006. — С. 29–30.

Введение

Современный мир переживает глубокие трансформации, связанные с глобальными вызовами и противоречивым характером региональных процессов. Одной из доминирующих тенденций в Азиатско-Тихоокеанском регионе является региональная интеграция. Динамика интеграционных процессов в регионе и мире выступает в качестве реального фактора растущей взаимозависимости национальных экономик и политических связей. Проблема включения отдельных стран, в том числе России и Китая, в систему региональных и глобальных связей имеет актуальное значение, что оказывает непосредственное влияние на полноценное развитие государств. Китай в XXI веке всё настойчивей превращается в одну из влиятельных региональных, а в дальнейшем и глобальных держав мировой политики. Для России имеется в виду стратегия интегрирования в систему региональных и мирохозяйственных связей с учетом потребностей, возможностей и национальных интересов. В случае, если этот важнейший фактор не будет учтен, России угрожает опасность все большего оттеснения на периферию интеграционных процессов в АТР.

Процессы региональной интеграции в АТР пока ещё далеки от своей завершенности. Перспективы интеграции России и Китая — актуальная проблема, однако её решение осложняется противоречивым характером процессов комплексного сотрудничества как на двустороннем уровне, так и в многостороннем формате. Кроме этого Восточная Азия как неотъемлемая часть АТР в значительной степени не стабильный регион, внутри которого не только развиваются интеграционные процессы, способствующие сближению государств, но и зреют конфликты, грозящие распадом ядерного оружия, и ряд других проблем. Сохранение серьезных внутрирегиональных проблем оказывает деструктивное влияние на весь комплекс проявления интеграционных тенденций, явлений и процессов в регионе. Поэтому в силу влияния тех или иных деструктивных факторов интеграционные тенденции не всегда перерастают в интеграционные процессы.

Стратегическая ситуация в регионе осложняется не только внутренними проблемами, но и за счет вмешательства внерегиональных мировых центров силы. Внешние факторы, т. е. политика любого третьего государства, в том числе США, стран ЕС или НАТО, оказывает воздействие на состояние интеграционных процессов. Россия и Китай выступают в роли потенциально усиливающихся стран, что встречает то или иное противодействие со стороны других участников мировой политики и побуждает РФ и КНР к взаимодействию в деле отстаивания своих национальных интересов и совпадающих интересов на международной арене.

В АТР сталкиваются интересы крупнейших мировых держав. Российско-китайские отношения в последние годы развиваются так или иначе в русле совместной оппозиции американской гегемонии в регионе и в мире, поскольку Россия и Китай выступают в сфере международной политики за многополярный мир. Но наряду с общими стратегическими задачами сохранения мира российско-китайские отношения имеют немало подводных камней и противоречий. В условиях, когда Россия ослабила свои инициативные позиции в регионе, по крайней мере, на ближайшую перспективу, явственно прослеживается и соперничество, и сотрудничество двух крупных государств будущего мира — США и Китая. Уже сегодня трудно отрицать рост экономического, геополитического, военно-стратегического и вместе с тем цивилизационного влияния Китая в Азии, несмотря на то, что КНР имеет широкий спектр нерешенных внутренних проблем.

Когда мы говорим о возможностях и развитии интеграционных процессов в АТР с участием России и Китая, то мы учитываем, что совпадение позиций и заинтересованность обеих стран зависит от уровня стратегических отношений, что и составляет основу перспектив региональной интеграции. При этом Россия и Китай имеют возможность консолидировать усилия по активному развитию этих процессов. Для нас обеспечение интересов зависит от того, насколько Россия готова к качественным изменениям внутри своей экономики и к жесткой конкуренции на внешних рынках, на чем основывается успешное интегрирование в систему региональных и мирохозяйственных связей. Постепенное включение РФ,

прежде всего Дальнего Востока и Сибири, повышает потенциал и укрепляет позиции российского государства в регионе и мире. Заинтересованность России в АТР в аспекте не только региональной, но и глобальной проблематики расширяет рамки исследования, обуславливая актуальность её тематики и проблематики. Недаром российские ученые прилагают усилия по развитию азиатского направления в качестве приоритета государственной стратегии устойчивого развития России. Вот почему важнейшим направлением внешней политики РФ является развитие стратегических отношений с Китаем. В аспекте международно-политического прогнозирования обсуждается способность России и Китая выступить в перспективе в роли системообразующего фактора региональной интеграции. России, находящейся на стыке двух мировых региональных интеграционных центров — западноевропейского (ЕС) и восточноазиатского (страны АТР), в новом веке отводится особая роль. Россия путем усиления своего влияния в АТР имеет возможность стать связующим звеном межрегиональной интеграции.

Научное осмысление проблемы интеграции, протекающей в различных регионах мира, освещение различных аспектов региональных процессов в АТР, а также политическое прогнозирование, касающееся в той или иной степени развития России и Китая, отражено в большом количестве исследовательской литературы. Особое место среди них занимают труды российских ученых: Е.П. Бажанова,⁸ И.А. Василенко,⁹ К.М. Долгова,¹⁰ А.С. Капто,¹¹ М.М. Лебедевой,¹²

⁸ Бажанов Е.П. Китай от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М., 2007. Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений XXI века. — М., 2009.

⁹ Василенко И.А. Геополитика современного мира: Учеб. пособие. — М., 2006. Василенко И.А. Искусство международных переговоров в бизнесе и в политике. М., 2009. Василенко И.А. Политические переговоры. М., 2006.

¹⁰ Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры: В 5 т. — М., 2006.

¹¹ Капто А.С. Международный контекст нравственных проблем современной России // Мир и политика. — 2008. — № 9 (24). — Сент; *Он же*. На изломе века: записки политика и дипломата. — М., 2006.

¹² Лебедева М.М. Мировая политика. — М., 2006.

В.Г. Соколенко,¹³ П.А. Цыганкова,¹⁴ К.Е. Черевко¹⁵ и др. В этом ряду можно выделить труды научного коллектива РГТЭУ,¹⁶ посвященные наиболее общим проблемам политического взаимодействия, торгово-экономическим и межгосударственным отношениям.

Общетеоретическую основу интеграционных процессов составляют труды отечественных и зарубежных ученых. основоположниками теории западноевропейской интеграции, развитой в свое время, являются Б. Балашши, Дж. Мид, Г. Мюрдаль, Р. Липсей, Дж. Вайнер и многие другие. В современное время выделяются П. Сабатье,¹⁷ К. Паттен,¹⁸ С. Крейг¹⁹ и другие, затрагивающие отдельные аспекты тенденций и перспектив интеграции в АТР с участием КНР. Среди отечественных исследований представляет

¹³ Соколенко В.Г. Глобальное управление. Эпоха выживания Homo Sapiens. – М., 2000.

¹⁴ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2005.

¹⁵ Черевко К.Е. Имеются ли у России территориальные долги Китаю? // Мир и политика. – 2008. – № 9 (24). – Сент.; № 10 (25). – Окт.

¹⁶ Бабурин С.Н., Небренчин С.М. Кризис: Россия спасет мир? – М., 2009. Бабурин С.Н. Территориальные режимы и территориальные споры: государственно-правовые проблемы. – М., 2001. Бабурин С.Н., Бессонов Б.Н., Доброхотов Л.Н., Тоцкий В.П. Политология: Курс лекций. – М., 2007. Тоцкий В.П. Российский бюрократизм эпохи постмодернизма: основные черты и особенности // Национальные интересы. – 2006. – № 6 (47); Тоцкий В.П. В тисках бюрократического эгоизма // Национальные интересы. – 2007. – № 1 (48). Он же. Уроки 1917 года для современных россиян // Национальные интересы. – 2007. – № 2 (49); Он же. Русский язык и геополитические интересы России // Национальные интересы. – 2007. – № 4 (51); Башина О.Э., Спириин А.А. Общая теория статистики: Статистическая методология в изучении коммерческой деятельности. – М., 2005. Н.М. Мамедова и др.

¹⁷ Сабатье Пол А. Теория политического процесса. – Пекин, 2006 // 萨巴蒂尔 保罗 А. 政策过程理论. 北京, 2006年.

¹⁸ Паттен Крис. Не только дипломат. Горькая правда о международных делах. – Шанхай, 2008 // 彭定康. 非一般的外交家—关于国际事务的逆耳忠言. 上海, 2008年.

¹⁹ Craig Susan L. Chinese perceptions of traditional and nontraditional security threats. – Washington, 2007.

интерес международно-правовой подход к проблеме европейской интеграции М.М. Бирюкова,²⁰ а также освещение концептуальных основ экономической интеграции в различных регионах мира, крупнейших интеграционных объединениях, региональных группировках и вопросов участия России в мировых интеграционных процессах Н.Н. Ливенцева.²¹

Китайская тематика и проблематика широко представлена в трудах ученых творческого коллектива Института Дальнего Востока РАН под руководством академика М.Л. Титаренко, других ведущих российских вузов и научно-исследовательских центров, а также дипломатов. В целом в российском китаеведении создана серьезная научно-исследовательская база, находящаяся в постоянном развитии. В контексте проблематики данной монографии достаточно широкий круг вопросов российских исследований можно структурировать следующим образом. Основные тенденции и закономерности российско-китайских отношений в условиях глобализации и их влияние на международные отношения в АТР и в мире представлены в трудах следующих ученых: В.И. Балакин, А.Д. Воскресенский, Ю.М. Галенович,²² П.А. Минакир, В.Е. Попов, И.А. Рогачев,²³ М.Л. Титаренко,²⁴ В.Б. Якубовский и другие. Вопросы приграничной политики КНР рассмотрены Г.Д. Агафоновым,²⁵ М.В. Александр-

²⁰ Бирюков М.М. Европейская интеграция: международно-правовой подход. – М., 2004.

²¹ Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006.

²² Галенович Ю.М. Российско-китайские отношения (конец XIX – начало XXI в.). – М., 2007.

²³ Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XIX – начале XXI века. – М., 2005.

²⁴ Титаренко М.Л. Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М., 2008. Он же. Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – М., 2005. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. и др.

²⁵ Агафонов Г.Д. Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. – М., 2004.

ровой,²⁶ В.Г. Ганшиным,²⁷ В.Л. Лариным,²⁸ Е.Д. Степановым²⁹ и др. Отдельные военно-политические аспекты интеграции Китая в АТР отмечаются в трудах А.В. Болятко,³⁰ В.П. Зимонина, П.Б. Каменова,³¹ А.Ф. Клименко, А.В. Шлындова; экономические аспекты — Л.И. Кондрашовой,³² Л.В. Никифорова,³³ А.В. Островского, В.Я. Портякова, М.Л. Титаренко.³⁴ Региональные и глобальные аспекты развития стран Восточной Азии освещены в работах Г.Д. Агафонова,³⁵ А.Д. Богатурова,³⁶ М.И. Крупянко,³⁷ Г.И. Чуфрина.³⁸ Проблематике ШОС посвящены работы А.В. Болятко,

²⁶ *Александрова М.В.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. — М., 2005.

²⁷ *Ганшин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). — М., 2004.

²⁸ *Ларин В.Л.* Российско-китайские приграничные и региональные связи // Титаренко М.Л. Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. — М., 2005.

²⁹ *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. — М., 2007.

³⁰ *Болятко А.В.* Россия и АТР: безопасность сотрудничество, развитие. — М., 2003.

³¹ *Каменов П.Б.* Реформирование военно-промышленного комплекса как фактор интеграции Китая в мировую экономику // Титаренко М.Л. Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. — М., 2005.

³² *Кондрашова Л.И.* Региональная политика: опыт России и Китая. — М., 2007.

³³ *Никифоров Л.В.* Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. — М., 2007.

³⁴ *Титаренко М.Л.* Экономика Китая вступает в XXI в. — М., 2004.

³⁵ *Агафонов Г.Д.* Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. — М., 2007.

³⁶ *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). — М., 1997.

³⁷ *Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г.* Восточная Азия после «холодной войны»: зона конфронтации или сотрудничества? — М., 2006.

³⁸ *Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина.* — М., 2004.

Н.В. Задерей, В.П. Зимонина, А.Ф. Клименко,³⁹ С.Г. Лузянина, А.В. Лукина, В.А. Матвеева, М.Г. Носова и многих других. Идеи создания альтернативных региональных группировок в АТР, а также деятельности Китая в рамках АТЭС, АСЕАН посвящены работы М.А. Потапова,⁴⁰ М.Л. Титаренко⁴¹ и др. Различные аспекты модернизации, цивилизационных основ развития, внутренней политики КНР представлены в трудах В.Г. Бурова,⁴² А.В. Виноградова,⁴³ А.А. Маслова,⁴⁴ Д.А. Смирнова и других.

Работы китайских ученых посвящены теории международных отношений и безопасности в Восточной Азии, а также специфике развития Китая и его отношения к международным организациям. Это труды Чжу Фэна,⁴⁵ У Цзяньмина,⁴⁶ Пэн Сюя,⁴⁷ Юй Кэпина,⁴⁸

³⁹ *Клименко А.Ф.* Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. — М., 2008.

⁴⁰ *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. — М., 2004.

⁴¹ *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничества. Восточноазиатский вектор. — М., 2003.

⁴² *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества / <http://lib.prometeu.org/?id=12823>. *Буров В.Г.* Поднебесная принадлежит всем // Литературная газета. — 2009. — № 36 (6240). — Сент. <http://www.lgz.ru/>. *Буров В.Г.* Социалистическая? Народная! // Литературная газета. № 42(6142) (2007–10–17). — <http://www.lgz.ru/>

⁴³ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. — М., 2005.

⁴⁴ *Маслов А.А.* Тайный код Конфуция: Что пытался передать Великий Учитель? — М., 2005.

⁴⁵ *Чжу Фэн.* Теория международных отношений и безопасность в Восточной Азии. — Пекин, 2007 // 朱锋. 国际关系理论与东亚安全. 北京, 2007年.

⁴⁶ *У Цзяньминь.* Дипломатия и международные отношения: взгляд и мнения У Цзяньмина. — Пекин, 2006 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年. *У Цзяньминь.* Из дипломатической практики. — Пекин, 2007 // 吴建民. 外交案例. 北京, 2007年.

⁴⁷ *Пэн Сюй.* Юридический аспект урегулирования споров в ВТО. — Пекин, 2008 // 彭淑. 论世界贸易组织争端解决中的司法造法. 北京, 2008年.

⁴⁸ *Юй Кэпин.* Эмансипация мышления и политический прогресс. — Пекин, 2008 // 俞可平. 思想解放与政治进步. 北京, 2008年.

Сюй Чаоляня,⁴⁹ Цзинь Чжэнкуня,⁵⁰ Е Дучу,⁵¹ Лу И,⁵² Шэнь Вэньли,⁵³ Ли Интао,⁵⁴ Сян Ланьсиня,⁵⁵ Сюй Чжиминя⁵⁶ и других.

Широкая международно-правовая и нормативная база совместных российско-китайских, российских и китайских документов, а также документов и материалов международных и региональных организаций (АСЕАН, АТЭС, ООН, ОДКБ, СНГ, ШОС и др.) позволила по-новому интерпретировать их содержание в контексте перспектив региональной интеграции в АТР с участием России и Китая.

Несмотря на наличие большого количества работ по политике Китая, перспективам двустороннего сотрудничества России и Китая, а также по проблемам развития интеграционных группировок в АТР, отмечается недостаточность российских научных исследований. Научные разработки китайских политологов по проблеме региональных процессов в Восточной Азии не так широко известны в России. В настоящее время существует объективная потребность в комплексном исследовании перспектив развития региональной интеграции с участием России и Китая, поскольку ситуация в АТР и в мире постоянно изменяется.

⁴⁹ Сюй Чаолян, Чжан Юйцин, Сюй Цзыюнь. Победить в Китае: практическое руководство для начинающих. – Пекин, 2008 // 徐朝亮, 张玉清, 须紫云. 赢在中国: 零起点创业实战手册. 北京, 2008年.

⁵⁰ Цзинь Чжэнкунь. Дипломатия. – 2-е изд. – Пекин, 2007 // 金正昆. 外交学(第2版). 北京, 2007年.

⁵¹ Е Дучу. Особенности социализма в Китае: Учеб. пособие. – Пекин, 2007 // 叶笃初. 中国特色社会主义学习读本. 北京, 2007年.

⁵² Лу И, Хуан Цзиньцзи и другие. Введение в дипломатию. – Пекин, 2008 // 鲁毅, 黄金祺等. 外交学概论. 北京, 2008年.

⁵³ Шэнь Вэньли, Фан Цин. Основы политологии. – Пекин, 2007 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年.

⁵⁴ Ли Интао. Феминизм в международных отношениях. – Ханчжоу, 2006 // 李英桃. 女性主义国际关系学. 杭州, 2006年.

⁵⁵ Сян Ланьсинь. Традиции и внешние связи: комментарии китайско-американских отношений в идеологическом аспекте. – Пекин, 2007 // 相蓝欣. 传统与对外关系: 兼评中美关系的意识形态背景. 北京, 2007年.

⁵⁶ Сюй Чжимин. Практики и поиски / Пер. с кит. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007.

Глава I.

Потенциал России и Китая в процессах региональной интеграции в АТР

§1. Роль и место России и Китая в интеграционных процессах в Азиатско-Тихоокеанском регионе

Международная интеграция, происходящая в различных регионах мира, стала одной из важнейших тенденций современности в условиях усиливающейся глобализации. Эта тенденция оказывает непосредственное влияние как на внутреннее развитие государств, так и на их взаимодействие на международной арене. Многие аспекты политического, экономического, военного, культурного и иного взаимодействия государств, в том числе России и Китая, предопределены их ролью в мировой политике, местом в системе мирохозяйственных связей, а также степенью вовлеченности в региональные и мировые интеграционные процессы. Азиатский регион, в отличие от других развивающихся регионов, является слабо структурированным и не характеризуется большим числом примеров объединений, которые смогли добиться реальной интеграции. Однако основы восточноазиатской региональной общности с принципиально новым типом политических, хозяйственных и культурных связей начали формироваться ещё с середины прошлого века⁵⁷. «Если говорить об огромных успехах за тридцать лет развития восточноазиатской экономики, то, глядя в будущее, можем увидеть, что достигнутые успехи всего лишь

⁵⁷ Восточная Азия как самостоятельный регион АТР включает в свой состав Китай, Японию, Республику Корея, КНДР, Тайвань, Монголию — в северо-восточной его части, а также страны АСЕАН: Сингапур, Таиланд, Индонезию, Малайзию, Филиппины, Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянму (Бирма), Камбоджу — в юго-восточной его части, занимающие геостратегическое положение на пути выхода из Индийского океана в Тихий, соединяя Тихоокеанский бассейн с Ближним Востоком, Африкой и Европой.

начало, а большие изменения, большое развитие и большое процветание — дело будущего»⁵⁸.

Азиатский опыт создания моделей интеграционного сотрудничества свидетельствует о поиске восточноазиатских стран общей конструкции будущего регионального и глобального центра политической и экономической активности, который всё больше смещается в Азиатско-Тихоокеанский регион. Кого пророчат в будущие лидеры XXI века: Китай, Японию? Какова будущая роль России? Каков потенциал сближения России и Китая в процессах региональной интеграции в АТР?

Если использовать сравнительную характеристику интеграционных процессов, допустим, в Восточной Азии и Западной Европе, которая указывает на многовариантность региональных процессов, то можно отметить несколько важных моментов. Однако вначале надо оговорить, что в политологическом анализе следует избегать прямых аналогий, поскольку есть опасность, с одной стороны, искажения реальной ситуации в сфере восточноазиатской интеграции как в плане недооценки интеграционных процессов, так и в завышении их возможностей. С другой стороны, опасность навязывания определенных стереотипов европейского опыта интеграции азиатским странам, хотя следует отдавать отчет в том, что в самом ЕС существуют центробежные тенденции в связи с усложнением межгосударственного сотрудничества, с ограничением суверенитета государств-членов в качестве передачи национальных полномочий институтам ЕС и другими проблемами, особенно связанными с тенденцией его дальнейшего расширения на Восток.

В контексте сравнительного анализа по поводу исторических предпосылок и политических условий интеграционных процессов в двух регионах можно отметить, что в Азии политический фактор содействовал интеграционному взаимодействию в экономической сфере. В объединенной Европе, характеризующейся сегодня самой высокой степенью межгосударственной интеграции, наоборот, «эко-

⁵⁸ У Цзяньминь. Дипломатия и международные отношения: взгляд и мысли У Цзяньминя. — Пекин, 2006. — С. 77 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年, 77页.

номическая интеграция стимулировала политическое сотрудничество»⁵⁹. Исходя из различных теорий западноевропейской интеграции, предусматривающих конечный результат интеграции, «можно согласиться и с тем, что европейский интеграционный процесс потенциально имеет, прежде всего, политический характер. Просто отцы-основатели трёх Европейских сообществ (ЕОУС, 1952, ЕЭС и Евратом, 1958) своевременно осознали невозможность в сложившихся исторических условиях непосредственно приступить к политической интеграции европейских народов»⁶⁰. Однако европейские федералисты надеялись и надеются, что развитие экономической интеграции рано или поздно приведет к союзу политическому. В то же время, сколько бы ни писали о политической интеграции ЕС, определенные успехи на этом направлении не должны скрывать серьезных отклонений от первоначально намеченных проектов «поэтапного создания» федерации. Ко второй группе относятся представители тех теорий, которые для характеристики конечного результата интеграции используют модель политического сообщества, более близкую к конфедеративному типу»⁶¹.

С точки зрения качественной составляющей интеграционных процессов в разных регионах российские ученые полагают, что в восточноазиатском регионализме «логика далеко отстояла от идеи транснациональности. Европейская интеграция ориентирована на размытие государственных границ, а восточноазиатская — на их укрепление и тщательную взаимную «притирку» с тем, чтобы исключить в будущем споры, способные ослабить возможности местных стран. Иными словами европейцы строили сообщество, а государства Восточной Азии лишь соединяли усилия»⁶². Китай-

⁵⁹ Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливенцева. — М., 2006. — С. 228.

⁶⁰ Здесь уместно напомнить о неудавшихся попытках в начальный период интеграции создания Европейского оборонительного сообщества, 1952, и Европейского политического сообщества. Бирюков М.М. Европейская интеграция: международно-правовой подход. — М., 2004. С. 12–13.

⁶¹ Там же.

⁶² Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). — М., 1997. С. 201–202.

ские ученые любят прибегать к сравнительной аналогии, причисляя Китай, пусть и вместе с другими азиатскими государствами, к лидирующей «тройке» интеграционных группировок в мировой экономике: «В масштабе мировой экономики уже сформировались три важнейшие региональные экономические группировки. Это Европейский союз, Зона свободной торговли Северной Америки и Азиатский экономический район, состоящий из десяти стран АСЕАН, а также Китая, Японии и Южной Кореи (т. е. 10 + 3)»⁶³.

Однако вопрос в том, насколько готовы к интеграционным процессам восточноазиатские государства, имеющие ярко выраженные особенности и специфику, указывающую на высокую степень государственного регулирования⁶⁴ в жизнедеятельности общества, а также различные уровни экономического развития. Ведь Сообщество предполагает передачу суверенных прав или их части государствами-членами наднациональным органам. Даже сильно интегрированные европейские государства, входящие в состав ЕС, не желают расставаться с национальными полномочиями, определяющими основное содержание государственного суверенитета. Как известно, в ЕС есть Валютный союз, но создание Экономического союза затруднено. «Не происходит институционализации экономического союза. Создание главного экономического органа или органов Европейского Союза означало бы для государств передачу «наверх» национальных бюджетных и налоговых политик. В ведении центрального экономического органа оказались бы государственные доходы, информация о частных инвестициях, а также ассигнования на содержание и развитие всех сфер деятельности

⁶³ Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – С. 27.

⁶⁴ Как показала мировая практика, в преодолении последствий глобального финансового кризиса мир вновь заговорил об усилении роли государства в экономике, обратив свои взоры к Китаю. Современная китайская политическая система — это тип государства с авторитарной системой сильной государственной и партийной власти во главе с коммунистической партией Китая (КПК). КНР исходит из того, что социалистический выбор не препятствует развитию рыночных отношений в экономике и активной интеграции в мировое хозяйство.

государств-членов, включая самые чувствительные для государственного суверенитета — национальная оборона, распределение государственных ресурсов, вся инфраструктура. Традиционно утверждение государственных бюджетов является главной прерогативой национальных парламентов. И вряд ли национальные парламенты, да и государства в целом согласятся с перспективой передать на уровень институтов Европейского Союза вышеуказанные полномочия. Это означало бы заметное ограничение суверенитета государств-членов, на что они, естественно, не идут»⁶⁵.

Как следует из вышеприведенных рассуждений, в европейской интеграции есть много проблемных сфер, а также отсутствует единая, общепринятая теория интеграции, одинаково одобряемая всеми участниками интеграционного процесса. С тем, чтобы закончить тему сравнительной аналогии, приведем мнение российских ученых о реальной картине интеграционных процессов в Восточной Азии: «Интеграционные процессы в Восточной Азии находятся ещё на ранней стадии, и неизвестно, будут ли они аналогичны тем, которые наблюдались и наблюдаются в Европе или даже в Северной Америке. Скорее, в Восточной Азии налицо длительный процесс образования регионов или субрегионов с несколькими очагами интеграции. Он находится в отношениях взаимодополнения с укреплением политических и экономических суверенитетов, высокой самостоятельностью отдельных стран, сохранением влияния старых экономических лидеров (Япония)»⁶⁶.

До начала 90-х годов прошлого века наиболее качественная эволюция зарождающихся интеграционных процессов охватывала в основном военно-политическую сферу, содействуя стабилизации обстановки в Юго-Восточной Азии. Интеграционные процессы в АТР носили и носят глубоко противоречивый характер. На протяжении многих десятилетий периода «холодной войны» процессы экономического сотрудничества и интеграции неоднократно тор-

⁶⁵ Бирюков М.М. Европейская интеграция: международно-правовой подход. – М., 2004. – С. 123.

⁶⁶ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 10.

мозились по причине серьёзных политических проблем, углубленных принципиальными различиями в экономической политике азиатских государств, ориентированных либо на капиталистический Запад, либо на социалистическую модель развития. Реальной интеграции не произошло, хотя начало существования АСЕАН⁶⁷ относится к достаточно раннему периоду, то есть процесс растянулся во времени с постепенным расширением интеграционного пространства (10 + 1, 10 + 3). В Восточной Азии также не появилось структур региональной безопасности европейского типа, которые легитимировали бы военно-политическую роль США в этом регионе, несмотря на то, что интеграционные процессы были вызваны необходимостью военно-политической стабилизации в Юго-Восточной Азии, учитывая идеологическое противостояние⁶⁸ азиатских стран в биполярной системе координат в годы «холодной войны». Следует иметь в виду, что и сегодня в Восточной Азии сохраняются серьёзные политические проблемы, оказывающие

⁶⁷ АСЕАН (ASEAN — Association of South East Asian Nations) — Ассоциация государств Юго-Восточной Азии создана союзниками США в 1967 году во время вьетнамской войны в составе пяти государств — Сингапура, Таиланда, Филиппин, Индонезии и Малайзии. В 1984 г. к ней присоединяется Бруней, в 1995 г. — Вьетнам, в 1997 г. — Лаос, Мьянма (Бирма), в 1999 г. — Камбоджа. Статус наблюдателя имеет Папуа-Новая Гвинея. Развитие процессов интеграции способствовало повышению экономического потенциала регионального интеграционного объединения с населением более 500 млн человек и крупным совокупным потенциалом ВВП в 737 млрд долларов США.

⁶⁸ Япония, Республика Корея, Тайвань, Южный Вьетнам и асеановские страны перешли к рыночной системе хозяйствования, в то время как Китай, КНДР, Северный Вьетнам и Монголия ориентировались на советскую модель экономического развития. В результате образования двух торгово-экономических блоков были прекращены отношения Республики Кореи со странами социалистической направленности, а КНДР — с США; Вьетнама (после 1978 г.), Лаоса, Народной республики Кампучия — с Китаем, а также в советско-китайских отношениях с 60-х по 80-х гг. союзнический период сменился на конфронтационный. Одновременно усилилась объективная тенденция к региональному сотрудничеству в ЮВА: АСЕАН, Азиатский банк развития (АБР), крупные международные финансовые центры в Сингапуре, Гонконге и Японии.

деструктивное влияние на весь комплекс проявления интеграционных тенденций и процессов в регионе. Например, неурегулируемый ядерный конфликт на Корейском полуострове с КНДР, напряженность в отношениях между Китаем и Тайванем, политические разногласия между Китаем и Японией. Поэтому в силу влияния того или иного деструктивного фактора интеграционные тенденции не всегда перерастают в интеграционные процессы.

В то же время региональные объединения выступают в качестве влияющего на динамику интеграционных процессов реального фактора, такого, как признание растущей взаимозависимости экономик стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Однако роль и место России и Китая в процессах региональной интеграции неодинакова, хотя оба государства являются членами крупнейшей интеграционной группировки АТЭС с семилетней разницей вступления. И если уже сегодня трудно отрицать рост экономического, геополитического, военно-стратегического и вместе с тем цивилизационного влияния Китая в Азии, особенно явственно проявившегося в период Азиатского финансового кризиса (1997–1998 гг.), когда устойчивость юаня помогла другим государствам стабилизировать свою экономику, то Россия, наоборот, ослабила свои инициативные позиции в АТР, по крайней мере, на ближайшую перспективу. В настоящее время Россия стремится использовать свой шанс по возрождению Дальнего Востока, готовясь к проведению саммита АТЭС-2012. В предстоящем саммите РФ планирует представить остров Русский в качестве визитной карточки российского Приморья.

На современном этапе интеграции на активизацию процесса регионального экономического сотрудничества в Восточной Азии оказывает позитивный опыт европейской интеграции. Особенно появление единой европейской валюты, с одной стороны, как альтернативы, противодействующей долларовой зависимости и способствующей дальнейшей интеграции так называемой «зоны евро». Китайские ученые полагают: «Европейская валюта бросает вызов гегемонистскому положению американского доллара. Соединенные штаты используют статус доллара США как главного средства расчетов в мировой торговле. Путем печатания

и распространения в глобальных масштабах долларов, которые фактически уже девальвировались, они финансируют свой внешнеторговый дефицит. Действуя таким образом, они собирают со всего мира налог, т. е. посредством использования принадлежащего только им права печатания валюты захватывают ресурсы других государств»⁶⁹. Мировой финансовый кризис, начавшийся в США с краха ипотечного кредитования в 2008 году, подтверждает эту точку зрения. С другой стороны, как пример реальной перспективы создания единой азиатской валюты, в определенной мере увеличивающей возможности совместных усилий азиатских государств по проблемам регионального развития и противодействия глобальным угрозам и мировым финансовым кризисам. Несмотря на то, что китайский юань всё больше проявляет свойства устойчивой⁷⁰ региональной валюты, китайские ученые понимают, что создание «зоны азиатской валюты» не относится к краткосрочной перспективе. «В процессе развития мировой экономики существует реальная возможность создания трех мировых валютных зон, а именно: евро, американского доллара и азиатской валюты. В настоящее время на пути образования этой зоны существуют непреодолимые барьеры. И поэтому на нынешнем этапе создание «зоны азиатской валюты» является сложной задачей, и путь к этому еще долог»⁷¹.

Говоря о роли и месте России и Китая в интеграционных процессах в АТР в условиях доминирования экономического фактора в мировой политике, необходимо учитывать влияние глобализации. Современный этап развития единого мирохозяйственного комплекса подтверждает положительное влияние глобализации на взаимодействие национальных хозяйственных механизмов, выводящих государства на международную арену, отводя им соответствующее место в иерархии соперничающих государств, и

⁶⁹ Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – С. 28–29.

⁷⁰ Народный Банк Китая даже на фоне глобального кризиса допускает колебания обменного курса только в пределах однопроцентной ставки.

⁷¹ Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – С. 28–29.

позволяющим им играть роль полноправных субъектов международных экономических и политических отношений. В российских исследованиях отмечается, что именно «укрепление регионально-экономического сотрудничества не в последнюю очередь стало рассматриваться странами Восточной Азии как ответы на вызовы глобализации, а выработка внутрорегиональных правил торговли, инвестиционной деятельности и валютно-финансового сотрудничества — как меры, призванные способствовать повышению эффективности их национальных экономик»⁷². Действительно, наибольший динамизм международного сотрудничества в Восточной Азии наблюдается в экономической сфере, где действуют более пятнадцати официальных и неофициальных организаций интеграционного типа, главными из которых являются АСЕАН, АТЭС⁷³ и все больше приобретающая авторитет ШОС.

Тенденцию позитивного влияния глобализации подтверждают следующие процессы: активизация регионального и межрегионального сотрудничества в Восточной Азии и шире в АТР, создание зон свободной торговли (ЗСТ) на двусторонней основе, субрегиональных соглашений о свободе торговли (ССТ) в ЮВА, экономическое сближение лидирующей «тройки» (Китай, Японии и Республики Кореи) в СВА, сотрудничество по валютно-финансо-

⁷² Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 10.

⁷³ АТЭС (АРЕС — Asian Pacific Economic Cooperation) — Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество как пример укрепления транстихоокеанских связей. Форум образован в 1989 году по инициативе Австралии и Новой Зеландии, членами являются 21 государство, включая Тайвань, который официально в международных документах именуется как китайский Тайвань, хотя в самом Тайване именуется как Республика Тайвань, и Гонконг (Сянган), вошедший в состав Китая в 1997 году в качестве Особого административного района в рамках политического курса «одна страна — две системы». В состав АТЭС первоначально вошли 12 стран: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Япония, Республика Корея и страны АСЕАН (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Индонезия и Бруней). В 1991 г. — КНР, Гонконг, Тайвань; в 1993 г. — Мексика, Папуа-Новая Гвинея; в 1994 г. — Чили; в 1998 г. — Российская Федерация, Перу и Вьетнам. Хотят вступить Индия, Камбоджа, Монголия, Пакистан, Шри-Ланка.

вым вопросам в рамках (АСЕАН +3)⁷⁴, а также поиск нового формата евразийского диалога (АСЕМ)⁷⁵ и расширение интеграционного влияния Китая в системе региональных и глобальных хозяйственных связей. «Становление интеграционных процессов шло и, видимо, будет идти на различных уровнях — общерегиональном, субрегиональном, а экономическое сближение стран региона — на двустороннем. Между ними возникают прямые и обратные связи, взаимная подпитка, движение к интеграционным целям различных экономических группировок идёт разными темпами, что будет создавать известные трудности, и открывать определенные возможности на этом пути»⁷⁶.

Вместе с тем глобализация свидетельствует о неспособности многих государств, в том числе и азиатских внешнеориентированных экономик, построить демократическое общество и одновременно создать эффективную национальную систему хозяйства. Во-первых, в структуре современного уровня глобализации углубляется тенденция раскола мира на региональные и субрегиональные торгово-экономические блоки с несколькими локальными зонами интеграции. Во-вторых, всё больше обостряется проблема сосуществования двух миров: индустриального мира Запада и Азиатс-

⁷⁴ «Инициативы Чиаг-Май» (2000 г.) — совместные заявления азиатских стран, преимущественно на двусторонней основе, о создании сети «своп-соглашений» по взаимной конвертации национальных валют в целях предупреждения финансовых кризисов. Пхукетские инициативы (февраль 2009 г.) по созданию стабилизационного фонда в 120 млрд долларов США в целях совместного противостояния глобальному кризису, в котором предусматривается внесение 80 % резервов лидирующей «тройкой» (Япония, КНР и РК) и 20 % — асеановскими странами.

⁷⁵ АСЕМ (ASEM — Asia-Europe Meeting) — Форум «Азия – Европа», объединяющий страны Восточной Азии и Западной Европы. Евразийское объединение учредили 15 государств-членов ЕС и 10 стран Восточной Азии в марте 1996 года в Бангкоке по инициативе премьер-министра Сингапура Го Чок Тонга и Франции. Восточноазиатскую сторону представляли Китай, Япония, Южная Корея и государства-члены АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины). Россия проводит подготовительную работу по вступлению в АСЕМ.

⁷⁶ *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – М., 2005. – С. 160.

кого мира развивающихся стран, регионов и субрегионов. России угрожает опасность всё большего оттеснения на периферию интеграционных процессов в Восточной Азии. В-третьих, сложность и противоречивость интеграционного процесса в Восточной Азии активизирует процессы регионализации и обособления, связанные с критическим отношением восточноазиатских стран к концепции «открытого регионализма», кризисом доверия к международным организациям (АТЭС, особенно после Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.) и усилением сепаратистских основ международного взаимодействия более на двусторонней основе, чем в многостороннем формате. Кроме того последствия мирового финансового кризиса (2008–2009 гг.) на интеграционные процессы оказались более масштабными и глубокими, чем можно было предположить.

Противоречивые тенденции в международной политической, экономической и финансовой системе, её подверженность эрозии и разбалансированности в очередные периоды мировых финансовых кризисов ставят восточноазиатские страны в положение между регионализмом и глобализмом, подобное сидению на двух стульях. Этот факт с теоретической точки зрения отодвигает процесс формирования крупных региональных интеграционных комплексов в единую глобальную систему мирового хозяйства, о чём мечтают многие политические аналитики, на более отдаленную и малопредсказуемую перспективу.

В практическом плане восточноазиатский регионализм, во-первых, приобретает всё более устойчивые экономико-политические формы, а не, к примеру, военно-политические, несмотря на то, что потенциально Восточная Азия довольно не стабильный регион, внутри которого зреют глубинные конфликты, грозящие расползанием ядерного оружия, а также ряд других серьезных проблем. Во-вторых, специфика интеграционных процессов в азиатской части АТР в том, что «развитие регионального сотрудничества отнюдь не противопоставлялось процессам глобализации, а лишь направлялось на противодействие негативным её проявлениям и тем самым, по существу, становилось формой развития самой глобали-

зации в её региональном аспекте»⁷⁷. Можно было бы сказать, что характерной особенностью восточноазиатских интеграционных процессов является их связь с процессами глобализации, хотя не прекращаются научные споры о том, является ли регионализация очередной ступенью к глобализации или, наоборот, препятствует ей. В-третьих, российские востоковеды подчеркивают особую роль Китая в процессах регионализации: «С уверенностью можно констатировать лишь то, что процессы регионализации и некоторого обособления Восточной Азии в последние годы вполне закономерно ориентируются на самую крупную и динамичную экономику, а в политике Китая регионализации отдается предпочтение перед глобализацией, особенно слишком широко понимаемой»⁷⁸.

Что можно сказать о влиянии интеграционных процессов на роль России и Китая на международной арене? Интеграционные процессы могут оказывать влияние на расстановку сил на международной арене не только регионального, но и глобального уровней, несмотря на то, что интересы торговли и хозяйственного развития пока преобладают над военно-политической обеспокоенностью азиатских стран. Зависимость экспортоориентированных азиатских экономик от американского доллара, особенно обостряющаяся в периоды мировых финансовых кризисов, изменение характера международного разделения труда в Восточной Азии, а также неравномерность экономического развития азиатских государств подталкивают эти страны к разработке тех или иных концепций создания единой азиатской валюты и регионального рынка. При этом перспектива формирования единого экономического и финансового пространства в Азии рассматривается как альтернатива азиатского варианта Евросоюза с последующей возможностью — общего евразийского рынка. Российские ученые проявляют заинтересованность в разработке подобных интеграционных концепций в целях более эффективного использования потенциала России, особенно российского Дальнего Востока, Сибири и Край-

⁷⁷ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М., 2004. — С. 10.

⁷⁸ Там же. — С. 152.

него Севера. Последствия преодоления глобального финансового и экономического кризиса указывают на новую расстановку сил в АТР и мире. На сегодняшний день много говорят о том, что Китай выйдет из кризиса наиболее усиленным, а США — ослабленными. Какой выйдет из кризиса Россия и каким способом она будет компенсировать свою экономическую слабость, зависит в большой мере не столько от международной ситуации, сколько от её собственных усилий. Нельзя не отметить активизирующую роль России на международной арене в условиях глобального кризиса, без участия которой невозможно полноценное протекание мировых и региональных процессов.

Развитие регионального сотрудничества и интеграции в АТР претерпевает существенную трансформацию под воздействием многих факторов национального, регионального и глобального уровней. При этом есть много как позитивных, так и негативных моментов, ускоряющих или, наоборот, замедляющих региональные процессы. В позитивном отношении интеграционные процессы способствуют повышению эффективности и качеству производства, увеличению совокупного хозяйственного потенциала государств-участников, что закономерно усиливает их экономические и политические позиции, повышает их влияние и роль в регионе и определяет более достойное место на международной арене. Поэтому многообразие аспектов интеграционного сотрудничества не уменьшает, а, наоборот, заостряет актуальность проблемы интеграционного включения для многих стран, в том числе России и Китая, в глобальную систему мировой политики и экономики. Международная политическая, экономическая и финансовая ситуация после глобального кризиса явно усиливает роль государства, национальной политики и национального суверенитета.

С точки зрения негативных моментов в процессе региональной интеграции увеличивается возможность рисков и угроз, что отмечают и российские и китайские ученые. Российские ученые полагают: «Интеграционные процессы, как правило, связаны с необходимостью серьёзных структурных изменений в хозяйстве стран-участниц экономических группировок — закрытие и перепрофилирование технологически отсталых, неконкуренто-

способных предприятий, а иногда и целых отраслей, что может вести к обострению социальных проблем, в частности, вопросов занятости, оплаты труда»⁷⁹. Китайские специалисты, рассуждая в контексте интеграционной государственной стратегии, отмечают: «В условиях экономической глобализации странам, вступившим на путь прогресса позже, приходится интегрировать экономику в мировой рынок и в условиях ожесточенной конкуренции создавать первоклассные по мировым меркам отрасли и компании; необходимо создавать благоприятную среду для капиталовложений, привлекать «не имеющий национальности» капитал и лучшие кадры; необходимо использовать политические меры для того, чтобы стимулировать способности к технологическим инновациям, а также использовать относительное преимущество, связанное с низкой себестоимостью рабочей силы. Только тогда появится шанс, опираясь на сравнительно высокие темпы роста, догнать передовые страны»⁸⁰.

Вопрос в том, насколько Россия готова к трансформационным изменениям внутри своей экономики в её переходе на инновационный путь развития⁸¹ и к жесткой конкуренции на внешних рынках, то есть к успешному интегрированию в международное экономическое пространство. Как свидетельствуют практические шаги РФ в сторону международной интеграции, США, несмотря на определенные подвижки в отношениях политики Медведева – Обамы, по-прежнему блокируют вступление России в ВТО. В российско-китайском сотрудничестве в процессе дальнейшего развития региональной интеграции политическая составляющая взаимодействия, особенно проявляющаяся на высшем уровне, пока не уравновешена практическими шагами конструктивного экономического взаимодействия и необходимого для России влияния в регионе. В настоя-

⁷⁹ Титаренко М.Л. Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – М., 2005. – С. 159.

⁸⁰ Сюй Чжимин. Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. Практика и поиски. – М., 2007. – С. 16.

⁸¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 17 ноября 2008. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 13 ноября 2009.

щее время интенсифицируются политические связи, а в отношении экономического сотрудничества есть немало трудностей⁸².

Китай проблему выхода на международную арену, теснейшим образом связанную с проблемой места и роли государства в современных интеграционных процессах, предопределяющих будущее развитие, ставит на уровне национальной безопасности. «Благодаря быстро изменяющейся международной обстановке и росту интереса и участия Китая в ней, китайское восприятие своей национальной безопасности иное, более разнообразное и сложное, чем когда-либо раньше... Китай имеет обширную концепцию национальной безопасности, которая включает не только защиту суверенитета и территориальной целостности, но и поддержание экономического и социального развития, а также повышение международного статуса»⁸³.

Каковы особенности политики России и Китая в условиях динамично развивающихся экономических и политических процессов в АТР? Россия и Китай как две крупнейшие континентальные державы Евразии решают сходные задачи, в которых проблема места и повышения роли, а также влияния на международной аре-

⁸² Оба государства нуждаются в совершенствовании инфраструктуры внешнеэкономических связей и во взаимной адаптации к рынкам друг друга. На китайском рынке действуют многочисленные самостоятельные, но разобщенные мелкие российские рынки, которые не располагают ни диверсифицированной товарной номенклатурой, ни компетенцией в области специфики китайского рынка и делового подхода, ни знанием китайского менталитета. Поэтому российские предприниматели, работающие на китайском направлении, нуждаются в серьезной государственной поддержке. Китайские предприниматели, более приспособленные к запросам мирового рынка, жалуются на частые изменения в российском таможенном законодательстве, ужесточение контроля при прохождении товара через границу и на условия российских рынков для китайских товаров. Например, глава торгово-экономической делегации КНР, заместитель министра коммерции Гао Хучэн сделал представление российской стороне в связи с ситуацией после закрытия Черкизовского рынка в Москве 25 июля 2009 г. В межгосударственном масштабе есть необходимость согласования и интегрирования национальных правовых систем двух государств и многое другое.

⁸³ Craig Susan L. Chinese perceptions of traditional and nontraditional security threats. – Washington, 2007. – P. 1.

не является весьма актуальной. Обеспокоенность возможностью остаться в стороне от интеграционных процессов в системе региональных, а, следовательно, и глобальных политических и хозяйственных связей одинаково разделяют как малые, так и большие государства современного мира. Российские ученые, указывая на взаимозависимость азиатских экономик, констатируют серьёзную заинтересованность Китая в развитии интеграционных процессов: «Экономическая взаимозависимость в Восточной Азии достигла чрезвычайно высокого уровня по сравнению с периодом «холодной войны». Для Китая, Японии, Южной Кореи и Тайваня, например, разрыв торгово-экономических связей с региональным рынком неминуемо обернулся бы крахом. КНР меньше, чем Япония, Южная Корея и Тайвань, зависит от импорта промышленного сырья и энергоресурсов из стран региона, но китайская экономика также активно участвует в международном разделении труда и остро нуждается в восточноазиатском рынке для того, чтобы аккумулировать валюту, столь необходимую для модернизации промышленности. Естественно, китайское руководство крайне заинтересовано в поддержании экономического сотрудничества в Восточной Азии»⁸⁴. Процессы политической консолидации Восточной Азии как региональной общности, растущая взаимозависимость азиатских экономик, приводящая к активизации региональных интеграционных процессов, непосредственно затрагивают национальные интересы России в АТР.

Россия как крупная евразийская держава в геополитическом отношении находится на стыке двух мировых региональных интеграционных центров — западноевропейского (Евросоюз) и восточноазиатского (страны АТР). Содействуя международному сближению путём усиления присутствия и влияния в Восточной Азии, российское государство в новом веке получает возможность стать связующим звеном политической, финансовой, экономической и цивилизационной интеграции Евразии или, по крайней мере, вернуться к своим ранее утерянным геополитическим позициям в

⁸⁴ *Крупяно М.И. Арешидзе Л.Г.* Восточная Азия после «холодной войны»: зона конфронтации или сотрудничества? – М., 2006. – С. 216.

АТР. Перед Россией стоят сложные проблемы, которые формируются и накапливаются по мере развития мировых политических и финансово-экономических тенденций. Появляются нетрадиционные угрозы регионального и глобального характера, особенно остро проявляющиеся в очередные периоды мировых кризисов. С течением времени изменяется геостратегический баланс сил на международной арене не в пользу России. Это связано с расширением НАТО на Восток и втягиванием РФ в локальные военные конфликты вблизи российских границ (грузино-южноосетинский конфликт, 2008); с пересмотром договорных соглашений по системе ПРО США со странами Европы, усиливающих и без того фрагментарность европейской системы безопасности, в которой нет места РФ; с дислокацией военных баз США на постсоветском пространстве в Центральной Азии; с ростом комплексной мощи и влияния КНР, а также других азиатских стран и, наконец, с процессом формирования асимметричной конфигурации субрегиональных связей в Северо-Восточной Азии с выдвигающейся на передний край лидирующей «тройкой» государств (КНР, Япония, Республика Корея) и периферийным оттеснением России, КНДР и Монголии. Следует отметить, что в последнее время несколько возросли возможности РФ за счёт активизации политических связей не только с Западом, но и Востоком, а также со странами Латинской Америки (Венесуэла, Бразилия) и африканскими государствами, т. е. в связи с расширением спектра глобального влияния России практически во всех сферах деятельности государства. Но всё же, Россия явно запаздывает в широкомасштабном участии в региональных интеграционных процессах в АТР, в то время как развивающиеся страны СВА и ЮВА демонстрируют темпы развития и сотрудничества. В восточноазиатских государствах, включая Китай, происходят крупнейшие сдвиги в структуре производств экспортной продукции и высокотехнологических сферах экономики, особенно контрастных на фоне продолжающейся деградации российского Дальнего Востока и скромных позиций экспортной продукции, явно не соответствующих потенциалу России.

В отличие от России, заметные изменения конца прошлого века и начала нового времени в региональной и субрегиональной активности Китая и других азиатских странах усиливают их влияние на эволюцию интеграционных процессов. И что самое главное — значительно меняют внешнеполитический вектор активности КНР в отношении региональных процессов. Если еще совсем недавно, в конце прошлого века, нахождение Китая вне рамок какой-либо влиятельной региональной интеграционной группировки расценивалось как тактическая и стратегическая уязвимость в развитии его экономики, то теперь говорят о все возрастающей роли КНР в качестве интегрирующего фактора. «Амбициозные планы, связанные с региональной интеграцией, вынашивает Китай. Укрепление долгосрочного партнёрства с Японией и Южной Кореей способствует оптимизации режима доступа китайских товаров на внешние рынки. Кроме того, Пекин небезосновательно рассчитывает на увеличение притока капиталов и технологий из Японии и Южной Кореи. Но главное — в другом. Длительное время Китай избегал участия в каких-либо экономических группировках, опасаясь стороннего, прежде всего американского, влияния на свою хозяйственную политику. Однако на рубеже XXI века Пекин меняет курс. Вступив в ВТО в ноябре 2001 г., КНР в том же месяце активизировала экономическое сближение с Японией и Южной Кореей, а также со странами-членами АСЕАН»⁸⁵. Асеановские страны все больше попадают в орбиту влияния Китая посредством «мягкой экспансии». Китайские политологи уже в первое десятилетие нового века констатируют изменения не только в экономической ситуации в ЮВА в пользу Китая, но и в цивилизационно-культурном плане, а, следовательно, и в международно-политической перспективе, если при этом учесть активность и влияние китайских соотечественников в асеановских странах. «Политические, экономические и социальные связи Китая со странами Юго-Восточной Азии непрерывно укрепляются. «Мягкая экспансия» Китая создала такую ситуацию, при которой немало стран ЮВА стало повсюду замечать

⁸⁵ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М., 2004. — С. 163.

китайские товары, людей, изучающих китайский язык, а также сотрудничество Китая в области строительства»⁸⁶. Усиливая свою роль в СВА и ЮВА, Китай активно ищет свое место в АТР. В региональных процессах усматривается стремление Китая играть роль одного из главных участников в Азии, создающего благоприятные внешние условия для внутреннего развития и укрепления позиций на внешних рынках.

Китай, по сравнению с Россией, имеет более сильные позиции в регионе. Во-первых, в политическом отношении обозначилась стабилизирующая роль КНР не только на региональном, но и глобальном уровнях, в частности, в преодолении негативных последствий Азиатского финансового кризиса конца прошлого века, а также его новая роль в регионе в период преодоления последствий мирового финансового кризиса. Азиатские страны всё более прислушиваются к политическому голосу Китая и возлагают на него определенные надежды, побуждая его к оптимизации региональных связей⁸⁷. С быстрым ростом экономического потенциала КНР китайское политическое влияние растёт и вне рамок региона, среди развивающихся стран, поскольку КНР настойчиво выдвигается в лидеры развивающихся стран мира.

Во-вторых, в экономическом отношении Китай нацелен на извлечение существенных преимуществ от интеграции и получение прибыли. Высокие темпы экономического роста и приток иностранных инвестиций создают предпосылки для более интенсивного включения китайской экономической системы в деятельность транснационального хозяйствования по основным направлениям: внешняя торговля, зарубежные капиталовложения и создание ТНК.

⁸⁶ Чжу Фэн. Теория международных отношений и безопасность в Восточной Азии. Пекин, 2007. — С. 101 // 朱锋. 国际关系理论与东亚安全. 北京, 2007年. 101页。

⁸⁷ «Влиятельные члены АСЕАН выражают заинтересованность в том, чтобы страны субрегиона, включая Китай, в своей хозяйственной политике учитывали интересы своих партнёров и несли перед последними вполне определенные обязательства, усиливая тем самым предсказуемость и взвешенность принимаемых ими экономических решений». Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М., 2004. — С. 169.

В период 2000–2010 гг. «намечено всеми силами выращивать группу ориентированных на экспорт компаний, использующих потенциал транснационального бизнеса и постепенно теснящих 500 крупнейших ТНК мира. В середине XXI века внешнеторговый оборот должен достигнуть 29 трлн долларов, т. е. он должен возрасти почти в 50 раз. Ясно, что даже частичный успех такого гигантского плана будет иметь серьёзные последствия для мировой экономики»⁸⁸. Это планы, но в реальности пока достаточно неопределенно выглядит перспектива китайской глобальной внешнеэкономической экспансии в виде ТНК и крупных международных инвестиций. В настоящий период Китай, стремясь избежать острых витков безработицы, стимулирует малый и средний бизнес, более мобильный, чем инертность крупных структур транснациональных компаний.

Всё больший интерес для Китая приобретает экономическая глобализация, а не только региональная интеграция. В геополитическом плане приоритетными конфигурациями всё чаще выделяются следующие: Китай – США – Япония; Китай – США – Япония – Южная Корея, а также с участием стран АСЕАН, ЕС, Среднего Востока, Африки, Южной Америки. Что это? Амбиции или действительно реальные возможности Китая?

Ответ на поставленный вопрос мы можем получить, опираясь на российские исследования. Все дело в том, что «внешнеэкономическая стратегия КНР под девизами «Приглашаем приходить» и «Идти вовне» формировалось в течение довольно длительного времени, в ходе её разработки учитывались не только интересы собственно КНР, но также всей китайской ойкумены. Китай, предельно заинтересованный в иностранных капиталовложениях, новой и новейшей технике, развитии промышленности и создании миллионов новых рабочих мест обратился за помощью к китайским предпринимателям всего мира. Чтобы их отклик был явственным и мощным, для хуацяо и их родственников в КНР созданы максимально комфортные, экономически выгодные, политически почётные и социально престижные условия. Результаты не за-

⁸⁸ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 29.

ставили себя долго ждать. Зарубежный китайский капитал⁸⁹ стал проводником в Китай крупного капитала всех стран. Теперь Пекин получил возможность совместно с китайскими предпринимателями многих стран перейти к новой стратегии, сочетающей политику прошлого под девизом «Приглашаем приходить» с новыми ориентирами, на овладение ведущими позициями в мировой экономике»⁹⁰. В условиях преодоления последствий глобального кризиса Китай скупает мировые сырьевые ресурсы, расширяя спектр своего присутствия в структуре мировой торговли, финансовых и инвестиционных потоков. Таким образом, проводимая Китаем политика ориентирована на раскрытие реальных возможностей и эффективное использование потенциала страны. Разумеется, у Китая наблюдаются не только определенные экономические успехи, но и накапливается множество проблем в разных сферах деятельности государства, о которых речь будет идти ниже.

Напомним, Китай начал устойчивый экономический подъём с конца 1980-х годов. В тот период азиатское пространство, начиная со второй половины 60-х и до конца 90-х годов, воспринималось мировым сообществом, где «одно экономическое чудо сменяется другим, где страны, вроде бы безнадежно отставшие от промышленного Запада, уверенно его догоняют, а хозяйственный динамизм, сочетаясь с прочными внутривнутриполитическими устоями, способствует поискам региональной гармонии»⁹¹. Действительно, экономическое пространство новых индустриальных стран от Японии до Малайзии и Индонезии⁹² впечатляло темпами экономического роста. Однако Азиатский финансовый кризис конца 90-х

⁸⁹ «По неофициальным данным, более 60 % громадных внешних инвестиций, достигших за 26 лет реформы общей суммы почти 620 млрд долларов, получены КНР при содействии китайской эмиграции (хуацяо)». Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай-Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 603.

⁹⁰ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 27.

⁹¹ Там же. – С. 74.

⁹² Исключение, пожалуй, составляют Филиппины, которые в настоящее время по рейтингу относятся к самой низкооплачиваемой стране мира.

годов развеял миф о возможностях беспрепятственного сохранения высокой динамики экономического роста, то есть миф об азиатской модели развития, выявив серьёзные региональные проблемы. В свою очередь, мировой финансовый кризис (2008 г.) развеял миф об универсальности традиционной либерально-экономической модели Запада, возродив интерес к марксистской теории, от которой не отказался Китай, модифицируя её как марксизм с китайской спецификой, а также к азиатскому опыту сильной государственной власти в регулировании макроэкономической сферы.

Дестабилизирующие процессы начались в конце прошлого века с кризиса финансово-банковской системы Таиланда и Южной Кореи, замедлив темпы производств в других азиатских странах. Цепная экономическая реакция в силу высокой региональной взаимозависимости, а, следовательно, и взаимоуязвимости вызвала серьёзные социальные и политические последствия. Наиболее болезненно кризис отразился на Индонезии — фактическом лидере первоначальной асеановской «пятерки» (Сингапур, Малайзия, Таиланд, Филиппины) и участнице, так называемой, интеграционной зоны экономического роста (Южный треугольник экономического роста — Сингапур, Индонезия и Малайзия).

Азиатский кризис выявил ряд региональных проблем. К региональным проблемам относится высокая уязвимость экспортоориентированных экономик азиатских стран, структурные диспропорции в национальных хозяйствах, незрелость финансовой системы в условиях глобального перемещения капиталов, услуг и гигантской массы рабочей силы, в том числе негативное воздействие неконтролируемых спекулятивных валютных потоков, а также несогласованные политические позиции. В тот период позиции отдельных азиатских стран (Сингапур, Япония, Южная Корея) были более зависимы от американской реакции на процессы интеграции в Восточной Азии, а также от влияния других тихоокеанских стран (Австралии, Новой Зеландии, Канады). Не все азиатские страны и сейчас имеют единое мнение о роли национальных государств в локальных формах управления и влиянии интеграционных процессов на международную систему отношений. В силу различий социального, экономического и политического характера существуют полярные точки зрения. Рес-

публика Корея, Сингапур, Бруней, Филиппины, Таиланд и Индонезия занимают позицию ускоренной экономической либерализации. Малайзия, Вьетнам, Лаос и Мьянма выступают за жесткое государственное регулирование в сфере экономики. Япония остается, с одной стороны, весьма сдержанной в отношении общерегиональных схем торгового сотрудничества, отдавая предпочтение двусторонним связям, с другой стороны — более активной в плане выхода интеграционных процессов за внерегиональные рамки с подключением США и других развитых стран. С приходом нового лидера Японии, Юкио Хатояма, как представителя уже не Либерально-демократической, а Демократической партии Японии прогнозируются изменения и в подходе страны к региональной интеграции, а также изменение внешнеполитических приоритетов в отношении России. Китай, активно осуществляя экономическую либерализацию, весьма осторожен в отношении резких преобразований в политической сфере. На фоне современных процессов региональной интеграции и сотрудничества в Европе и других частях планеты в Восточной Азии сохраняются стереотипы «холодной войны» с наслоением проблем между индустриально развитыми и развивающимися странами в условиях нарастающего политического и экономического соперничества Японии⁹³ и Китая, а также ощущается воздействие политики⁹⁴ внерегиональных держав на ситуации в регионе.

⁹³ Китай интересуется историей китайско-японских отношений, историей политической мысли Японии, а также современной политикой Японии. Ван Юньшэн. Китай и Япония за 60-летний период: с момента заключения договора 1871 года до событий 18 сентября 1931 года: В 8 т. — Пекин, 2005 // 王芸生. 六十年来中国与日本: 由一八七一年同治订约至一九三一年一八事变. 1—8卷. 北京, 2005年. Маруяма Масао. Исследование по истории политической мысли Японии / Пер. с яп. Ван Чжунцзян. — Пекин, 2000 // 丸山真(日). 王中江译. 日本政治思想史研究. 北京, 2000年. Масуми Дзюн-носукэ. Политическая история Японии: В 4 т. / Пер. с яп. Дун Голян и др. — Пекин, 1997 // 升味准之辅(日). 董果良等译. 日本政治史. (全四册). 北京, 1997年. Ян Даоцзинь. Стратегия Ясуо Фукуда: Отступление во имя наступления. — Пекин, 2008 // 杨道金. 以退为进: 福田康夫传. 北京, 2008年.

⁹⁴ В торгово-экономическом сотрудничестве США и Китая, который становится третьим экспортером американских товаров, «наблюдается тенденция к политизации торговых вопросов». Китайская сторона считает, что

Деструктивные последствия кризиса конца прошлого века ослабили не только национальные экономики, но и структуру общей конструкции регионального сотрудничества, затронули процессы интеграции в механизмах региональной безопасности (АРФ)⁹⁵ и межрегиональном сотрудничестве (АСЕМ), а также вызвали кризис недоверия к АТЭС, связанный с лидерством в нём внерегиональных стран.

Какое значение имеют интеграционные процессы в АТР? Во-первых, в возросшей субрегиональной и региональной взаимозависимости экономические успехи отдельных азиатских стран во многом стали именно следствием развития интеграционных процессов. В основе качественной составляющей региональной интеграции лежит глубокое сходство политического, экономического и идеологического характера. В политическом отношении гарантией национальной и внутрирегиональной стабильности выступают авторитарные политические режимы большинства азиатских государств. С точки зрения экономических подходов хозяйственные системы относятся к так называемой азиатской модели экономического развития «догоняющего типа» с экспортоориентированной рыночной экономикой совместно с государственным регулированием. В качестве идеологического направления в общественном сознании национализм сопрягается с толерантным отношением к иностранным инвесторам. Таким образом, глубокое сходство — это преимущество региональной интеграции, которое состоит в том, что дает возможность понять причины ее различной интенсивности, объяснить

«необъективные сообщения американских СМИ серьезно снижают репутацию китайских экспортных товаров и уменьшают имидж Китая». У И. Мнение заместителя премьера Госсовета КНР. Международное радио Китая. 11.12.2007. Американские ученые полагают: «Китайская влиятельная элита проводит много времени, изучая американскую политику и политическую жизнь США, и имеет достоверное представление об Америке. Поэтому многие недавние политические дела и действия являются прямым ответом американской критике». *Craig Susan L. Chinese perceptions of traditional and nontraditional security threats.* — Washington, 2007. — P. 2.

⁹⁵ Асеановский региональный форум создан в 1994 году. Участники — страны АСЕАН, РФ, КНР, США, ЕС и др.

изменения в спектре предпочтений или, наоборот, опасений восточноазиатских стран при воздействии внешних факторов.

Во-вторых, с Азиатским кризисом связаны не только негативные последствия. По мере развития сотрудничества обозначился новый этап в развитии интеграционных процессов, усиливающий тенденцию к сближению юго-восточных и северо-восточных стран Азии (АСЕАН + 3). При этом произошла смена политических парадигм азиатских государств, продемонстрировавших их собственное видение на послекризисное развитие. Теперь азиатские страны ориентируются уже не столько на идеи «открытого регионализма», проповедуемые США, Канадой и Австралией, сколько на более самостоятельное решение региональных проблем. Однако прагматичность восточноазиатских стран и их зависимость от внешних инвестиций и рынков не позволит им дистанцироваться от США и замкнуться в рамках региона. К тому же США стремятся вывести военное присутствие в АТР на новый качественный уровень, поэтому предлагают военную помощь в обмен на расширение доступа к азиатским портам, авиа и морским базам, сервисным и технологическим центрам. Интересно, какой выход найдут восточноазиатские страны, а также Россия и Китай в ситуации мирового финансового кризиса, преодоления его последствий и недопущения других, не менее опасных витков кризиса?

В-третьих, намерение азиатских государств создать общерегиональную Восточноазиатскую зону свободной торговли (ЕАФТА) в качестве объединения северо-восточной и юго-восточной частей Азии приобретает выраженный политический контекст. Внешне фокусируясь на вопросах многостороннего экономического сотрудничества, асеановские государства совместно с лидирующей «тройкой» (Китай, Япония, Республика Корея) форсируют процессы интеграции с учётом взаимных региональных потребностей. В случае реализации паназиатских интеграционных инициатив, высказанных ещё в начале 80-х годов малайзийским премьер-министром М. Махатхиром, возрожденных⁹⁶ в послекризисный период

⁹⁶ Совместное заявление о сотрудничестве в Восточной Азии (1999, Манила), Сингапурские соглашения (2000 г.) о создании общерегиональной

конца 90-х гг. и принявших более устойчивый характер к концу первого десятилетия нового века, в стратегической перспективе ЕАФТА (East Asian Free Trade Area) станет одним из крупнейших в мире объединений наряду с ЕС и НАФТА. «Каждое государство Восточной Азии будет все больше и больше осознавать, что строительство сообщества Восточной Азии — это необходимый путь к долговечному миру и процветанию»⁹⁷. Однако Восточноазиатская зона свободной торговли — это пока только перспектива, а паназиатский характер интеграционных инициатив, имеющий консолидирующий потенциал, таит в себе немало подводных камней, которые предстоит преодолеть для развития более или менее устойчивой интеграционной группировки. В отличие от западноевропейской интеграции, в которой распространение региональных процессов связано с движением реальной экономической среды взаимодействия, регулируемой единой политикой ЕС, в восточноазиатской интеграции региональные процессы нельзя рассматривать как согласованную реальность, так как ее функционирование имеет более сложный характер. Поэтому возникает необходимость говорить о множестве факторов влияния на региональную интеграцию в АТР как внешних, так и внутренних.

Нельзя не сказать о реальных интеграционных процессах нового XXI века, расширяющих политическую карту азиатской части АТР созданием Шанхайской организации сотрудничества. Перспективы ШОС в качестве интеграционной системы нового типа будут рассмотрены ниже.

Усиление процессов региональной интеграции в АТР не только заметно изменяет внешнеполитические приоритеты России и Китая, но и способно вызвать фундаментальные сдвиги в мировой политике и экономике. Оценивая геостратегические тенденции и геополитические реалии Восточной Азии можно отметить, что

зоны свободной торговли ЮВА и СВА государств, Чиангмайские инициативы по развитию многостороннего сотрудничества в валютно-финансовой сфере (2000, АСЕАН + 3).

⁹⁷ У Цзяньминь. Дипломатия и международные отношения: взгляд и мысли У Цзяньминя. — Пекин, 2006. — С. 78 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年. 78页.

России необходимо полномасштабное включение в процессы региональной интеграции в Восточной Азии и АТР в целом. Однако в процессах экономической интеграции России в АТР необходимо учесть как позитивное, так и негативное воздействие интеграционных факторов.

§ 2. Экономическая политика Китая как основа для развития регионального сотрудничества и интеграции

Экономическая политика Китая все больше обретает международный интерес, реализация которого требует многостороннего развития регионального сотрудничества и дальнейшей интеграции. Интеграция — сложный и противоречивый региональный процесс. «Дефиницию слова «интеграция» можно просто объяснить как процесс, в котором от каждой страны, непохожей на других, требуется передать свою лояльность, чаяния и политическую деятельность межгосударственной структуре; по сравнению с обычным демократическим государством эта структура обладает еще более высокими правами и обязанностями по развитию совместных интересов всех стран-участниц»⁹⁸. Для успешного интегрирования в систему региональных и мирохозяйственных связей государству необходимо приложить немало усилий в осуществлении комплексной экономической политики, неотделимой от политического развития страны. Китайские специалисты по теории международных отношений и безопасности в Восточной Азии хорошо это понимают: «Ключевые требования представителей передовой культуры человечества как требования развивать производительные силы общества и отстаивать коренные интересы всего народа являются самым важным смыслом и основным курсом политического развития Китая»⁹⁹.

⁹⁸ Чжу Фэн. Теория международных отношений и безопасность в Восточной Азии. — Пекин, 2007. — С. 419 // 朱锋. 国际关系理论与东亚安全. 北京, 2007年. 419页.

⁹⁹ Шэнь Вэньли, Фан Цин. Основы политологии. — Пекин, 2007. — С. 274–275 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年. 274–275页.

Экономическая политика государства является важнейшим аспектом, позволяющим раскрыть потенциал КНР в актуальных процессах региональной интеграции в АТР и говорить о результатах развития реформ и модернизации страны. «Экономическое развитие заложило основу политическому развитию, соответственно политическое развитие также может способствовать дальнейшему развитию экономики. Достаточное внимание Китая к процессу реформирования привело к хорошим отношениям между представителями этих двух кругов, поэтому до тех пор, пока продвигается процесс реформирования экономической системы, на повестке дня стоит вопрос реформирования политической системы. Несмотря на неодинаковый уровень реформ в экономической системе, реформированием политической и административной системы, соответствующей уровню экономического развития, можно добиться хороших результатов»¹⁰⁰.

Китай в новых условиях смещения центра мировой экономической активности в Азиатско-Тихоокеанский регион осуществляет современную модернизацию своей экономики¹⁰¹. Это глубокий трансформационный переход от высокоцентрализованной плановой экономики к социалистической рыночной системе национального хозяйства с беспрецедентной спецификой китайского типа («социализм с китайской спецификой»). Это экономический скачок от отсталой аграрной страны к современной индустриальной державе. Хотя можно отметить, что китайская экономическая теория существенно расходилась с практикой, в частности, и тео-

¹⁰⁰ Шэнь Вэньли, Фан Цин. Основы политологии. – Пекин, 2007. – С. 274–275 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年. 274–275页.

¹⁰¹ В Голубой книге о процессе модернизации промышленности Китая представлен прогноз о том, что государство осуществит модернизацию промышленности приблизительно в 40-х годах XXI века. Уже в настоящее время среди 15 промышленных отраслей Китая по уровню модернизации первые три места занимают судостроение, металлургическая и нефтяная промышленность, которые, по мнению китайских ученых, уже преодолели половину пути к модернизации. Чэн Цзягуэй. Анализ и прогноз экономической обстановки Китая в 2008 году. Голубая книга по экономике Китая. – 2008 // 陈佳贵. 2008 年中国经济形势分析与预测. 中国经济蓝皮书. 2008. – <http://blog.ourzb.com/2744/2692.html/>

рия «больших скачков» (1956–1962 гг.) вплоть до конца 80-х годов прошлого века, то есть до периода становления экономики, связанного с провозглашением политики рыночных реформ и «открытых дверей». По поводу индустриальной державы можно в свою очередь также сделать оговорку, поскольку экономика КНР переживает этап серьёзного технологического отставания от наиболее развитых экономик мира, а качеству китайских товаров, от которых стремятся закрыть свои национальные рынки отдельные юго-восточные страны в силу разной степени конкурентоспособности, изменения её динамики, характера и масштабов в региональных процессах, остается желать лучшего. Ключевой задачей в процессе модернизации экономики является повышение возможностей в сфере самостоятельных научно-технических инноваций и освоения передовых технологий. «В настоящее время уровень зависимости страны от зарубежных промышленных технологий остается высоким, а способность китайских промышленных отраслей к самостоятельным исследованиям — слабой»¹⁰². И, наконец — это долгосрочный переход к системе всестороннего, сбалансированного и устойчивого экономического развития (концепция строительства гармоничного общества «сяокан» с базисной установкой «брать человека за основу», провозглашенная четвертым поколением руководителей государства). Современная трансформация народного хозяйства КНР подготавливает экономику страны в качестве основы интеграции в региональную и глобальную трансконтинентальную сеть, сохраняя высокие темпы в сложившейся международной системе разделения труда, товарного производства и рынка.

Прежде чем приступить к раскрытию проблематики исследования, касающейся реальных возможностей региональной интеграции с учетом экономического потенциала Китая, остановимся на двух теоретических моментах. Во-первых, региональное сотрудничество и интеграцию не следует считать абсолютно стихийными процессами, поскольку они имеют объективный характер, подготовленный всем ходом исторического процесса международного

¹⁰² Голубая книга по экономике Китая. – 2008 // 中国经济蓝皮书. 2008. – <http://blog.ourzb.com/2744/2692.html/>

разделения труда и развития глобального рынка товаров, услуг, капиталов, рабочей силы и технологий. С развитием рыночных хозяйств взаимное приспособление национальных экономик требует проведения государством экономической политики, в основе которой лежит целенаправленная интеграционная стратегия, призванная обеспечить легитимность, устойчивость и в определенной мере предсказуемость региональных процессов. Другими словами, реальные процессы взаимодействия национальных хозяйств не обходятся без государственного вмешательства во внешнеэкономическую сферу сотрудничества и интеграции. «В отношении социалистического пути развития можно отметить, что политическое развитие Китая — это прежде всего ведущая роль государства в реформировании экономической системы, а также во всем историческом процессе реформ»¹⁰³.

Во-вторых, согласно основополагающей теории западноевропейской интеграции, развитой в свое время Б. Балашши, Дж. Мидом, Г. Мюрдалем, Р. Липсеом, Дж. Вайнером, П. Сабатье¹⁰⁴ и другими, сотрудничество не тождественно интеграции¹⁰⁵. Сотрудничество предполагает процесс уменьшения дискриминационных ограничений между национальными экономиками как ослабление тех или иных трудностей и увеличение возможностей в экономическом развитии взаимосоприкасаемых сфер. Интеграция ведет к уничтожению дискриминации взаимосопряженных хозяйственных единиц, изменяя подчиненное положение той или иной успешно интегрированной национальной экономики. Активное развитие регионального процесса происходит вследствие кумулятивного эффекта от расширения экономического пространства и ресурсной базы, от реаллокации товаров и услуг на региональном рынке, от использования новых типов инвестиционных товаров, связанных с НИОКР, а также других динамических эффектов интеграции,

¹⁰³ Шэнь Вэньли, Фан Цин. Основы политологии. — Пекин, 2007. — С. 274–275 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年. 274–275页。

¹⁰⁴ Сабатье Пол А. Теория политического процесса. — Пекин, 2006 // 萨巴蒂尔 保罗 А. 政策过程理论. 北京, 2006年。

¹⁰⁵ Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливинцева. — М., 2006. — С. 20, 22.

обсуждаемых в неортодоксальных теориях, учитывающих реалии и специфику восточноазиатских группировок и процессов. Интеграция, в отличие от других форм экономического взаимодействия, имеет довольно широкий диапазон развития от свободного движения (либерализации) рынка товаров, услуг, капиталов, людских ресурсов по типу мягкой интеграции (*shallow integration*) до конвергенции воспроизводственных процессов с использованием технологических схем и инновационных механизмов, с учетом международной специализации и кооперации по типу глубокой интеграции (*deep integration*). При интеграции возможны как межгосударственные механизмы управления, так и надгосударственные (ЕС), а также отсутствие таковых, как в случае децентрализованной интеграционной структуры форума АТЭС. «Установка и основная цель АТЭС: совместное существование, взаимная выгода, поддержка открытости многосторонних торговых систем и сокращение торговых барьеров внутри региона»¹⁰⁶.

Возможности и развитие региональной интеграции с участием Китая связаны с политикой государства. Каково влияние специфики экономической политики на процессы и перспективы рыночной системы народного хозяйства Китая в условиях интегрирования в международную экономику?

Вначале обратим внимание на основные особенности экономической политики китайского государства. К первой группе особенностей можно отнести тот факт, что экономическая политика КНР направлена на строительство рыночной экспортоориентированной экономики при сохранении макрорегулирующей роли государства, что означает отход от командно-административной модели управления и в то же время преодоление отсталости экономики с ориентацией на модели экстенсивного роста восточноазиатских стран. Можно отметить, что китайская экономика относится к так называемой азиатской модели экономического развития. Это обеспечивает ей сходство с восточноазиатской системой хозяйствования по контролю государства над экономикой, по высокой

¹⁰⁶ УЦзяньминь. Из дипломатической практики. — Пекин, 2007. — С. 183 // 吴建民. 外交案例. 北京, 2007年. 183页。

динамике экономического роста с выходом на внешние рынки, по ориентации на наукоемкие и высокотехнологичные сферы, по аномальной цикличности, низкому уровню развития финансовой системы, замедленному реформированию государственных предприятий, по структурным противоречиям и несбалансированности социально-экономического развития и ряду других признаков. Несмотря на сходство типологических черт, отмечаются и различия. Китайская модель экономического развития имеет свои преимущества. Это ориентация на стратегические долгосрочные цели, способность решать крупномасштабные проблемы, использование сравнительных преимуществ факторов роста экономики с опорой на собственные ресурсы и систему цивилизационных ценностных ориентаций, сравнительно низкая зависимость от мировой конъюнктуры, а также сравнительная устойчивость в условиях мирового финансового кризиса и заинтересованность¹⁰⁷ государства в усилении процессов региональной интеграции.

Китайские ученые полагают, что проблема макроэкономического регулирования экономикой существует, и она связана с новым подходом в изменении функций государства и его экономической политике, протекающей на фоне критики хода реформ. «Теория о системной трансформации и рыночных отношениях включает проблемы макроэкономического регулирования, изменения функций правительства, введения новой законодательной системы, в которой административное право является ключевым моментом. Некоторые реформаторы считали, что старая система исчерпала свой потенциал экономического роста и обеспечения благами на уровне мировых стандартов. Они также считали, что государство должно уйти от экономики, чем меньше его вмешательство в трансформационные процессы, тем они эффективнее. Новый подход обозначился в изменении функций государства и правительс-

¹⁰⁷ КНР и РФ в целях скорейшего выхода из мирового финансового кризиса инициировали дискуссию с опорой на международные финансовые структуры (МВФ) об альтернативной резервной валюте американскому доллару, предлагая в то же время утвердить китайский юань и российский рубль в качестве конвертируемых международных валют, что, несомненно, будет способствовать усилению сотрудничества и интеграции в АТР.

тва в процессе трансформации. Государство должно существовать для того, чтобы корректировать ошибки и недостатки рынка, а также предлагать обществу продукцию и обслуживание, которые не может предложить рынок. Одновременно государство должно разрабатывать справедливые правила, укреплять контроль, обеспечивать эффективность рыночной конкуренции и выполнять основную функцию — распределять ресурсы, регулируя в том числе и рынок»¹⁰⁸.

Новый подход партии и государства КНР по своей сути связан с переосмыслением собственно китайского опыта и западной экономической теории. В теоретическом плане китайская экономическая наука не отказывается от марксизма¹⁰⁹, хотя модель общественного воспроизводства К. Маркса характеризует довольно абстрактную теорию реализации макроэкономического равновесия, что в действительности не осуществляется в условиях рыночной стихии и глобальной конкуренции. Многие китайские экономисты (Ляо Гогуан, Лан Сянпинь, Цзо Дапэй и др.), высказываясь по проблемам экономической теории, критикуют политику реформ, допускающей расхищение государственного имущества и

¹⁰⁸ Чэнь Сяосюй. Теоретические проблемы переходной экономики // Под ред. Л.В. Никифорова. Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. – М., 2007. – С. 31–32.

¹⁰⁹ Китай еще в 2005 году приступил к реализации «Проекта исследования и строительства теории марксизма» при непосредственном руководстве со стороны ЦК КПК. «В рамках проекта намечено создать базовые теоретические пособия для вузов по философии, политэкономии и научному социализму, отражающие специфику современного китайского марксизма. Участвующий в подготовке нового учебника политэкономии профессор Чэн Эньфу обещал отразить в пособии управленческие идеи нового партийно-государственного руководства — «научный взгляд на развитие», построение «гармонического общества», повышение национального инновационного потенциала... Хотя этот проект заведомо не предполагает ни отказа от реформ, ни реставрации элементов уравнилельного социализма, звучащие с одобрения властей нападки на неолиберализм и буржуазную идеологию стимулировали новые выступления против несправедливых реформ». Борух О.Н. Дискуссии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Под ред. Л.В. Никифорова. Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. – М., 2007. – С. 48–49.

лишающей китайский социалистический строй его материальной основы. В политическом отношении руководство КНР определило четкую позицию о соотношении марксизма и зарубежной мысли¹¹⁰. Как следует из слов руководителей государства, специфические проблемы страны нельзя решить «путем чтения наизусть общих принципов марксизма-ленинизма и копирования зарубежного опыта, можно лишь творчески использовать основные принципы марксизма-ленинизма»¹¹¹.

Экономическая сфера, по сравнению с политической, выделена в приоритетное направление преобразований в стране. «Экономика — это основа политики, а уровень экономического развития определяет темпы и степень политического развития. Политическое развитие Китая еще проходит в условиях относительного отставания производительных сил и неурегулированной проблемы повышения уровня жизни населения, что неизбежно может стать большой угрозой реформированию политической системы. Однако по достижению успехов в реформировании экономической системы, реформы в политической системе также должны продвигаться»¹¹².

¹¹⁰ Современные неоклассические доктрины (теория монетаризма, теория рациональных ожиданий, теория предложения) М. Фридмана, Дж. Хикса, Р. Солоу, М. Брауна, Г. Саймонса, И. Фишера, Ф. Кейгена, А. Шварца, Р. Сельдена, К. Брунера и др. являются антиподами кейнсианства. Они выступают против государственного вмешательства в экономику. По их мнению, государственные меры по стимулированию спроса не улучшают состояние экономики, а, наоборот, порождают диспропорции и ухудшают экономическую конъюнктуру, так как препятствуют действию стихийных выравнивающих механизмов конкуренции и ценообразования. Новая экономическая парадигма заложена в теории неоклассического синтеза как попытка согласовать два важнейших мировых направления современной экономической науки — кейнсианского и неоклассического, выражающих противоречие двух альтернативных моделей развития экономики: с использованием государственного воздействия, либо на основе рыночного регулирования.

¹¹¹ *Борох О.Н.* Дискуссии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова. — М., 2007. — С. 48–49.

¹¹² *Шэнь Вэньли, Фан Цин.* Основы политологии. — Пекин, 2007. — С. 274–275 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年. 274–275页.

Основы компетенции государственных органов в управлении национальной экономикой на активное развитие бизнеса определены конституцией КНР, что свидетельствует о стремлении к построению правового государства¹¹³ как необходимого условия интегрирования в международную политику и экономику¹¹⁴.

Особенностью политической системы Китая является наличие трех уровней управления, согласно административно-территориальному делению страны. Первый уровень системы управления осуществляется на основной части страны (23 провинции, 5 автономных районов и 4 города центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь и Чунцин). Второй уровень государственного управления связан с исключительным политическим, правовым и экономическим статусом двух особых Административных районов — Сянган (Гонконг) и Аомэнь (Макао), как бывших британской и португальской колоний, вошедших в состав КНР в конце прошлого века. Третий уровень системы управления связывается с островной территорией Тайваня, который КНР считает своей провинцией с постепенным развитием процессов внутренней интеграции в составе «Большого Китая». В китайских правительствен-

¹¹³ «Становление КНР в качестве правового государства — факт позитивный, но пока это скорее программа, обращенная к будущему... правовая реформа считается в КНР важным направлением политической реформы и вместе с активно ведущейся административной реформой в известной мере её заменяет, так как политические институты почти не реформируются», — отмечают российские специалисты. *Гудошников Л.М.* Современное законодательство Китайской Народной Республики. — М., 2004. — С. 14.

¹¹⁴ «Государство претворяет в жизнь социалистическую рыночную экономику. Государство усиливает хозяйственное законодательство, совершенствует макрорегулирование» (Ст. 15). При этом сохраняется формальное верховенство представительной власти над всеми другими органами государства (Всекитайское собрание народных представителей — высший орган государственной власти, Ст. 57), а также местные органы управления (Местные собрания народных представителей и местные народные представительства — органы государственной власти на местах, Ст. 96). Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., поправки в её текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.). — Там же.

ных документах и прессе методично упоминается Тайвань наряду с Сянганом и Аомэнем, как китайская территория. В этом усматривается политический аспект, который весьма важен для Китая в его международных отношениях с другими государствами.

Вторая группа особенностей экономической политики КНР указывает на её связь с интеграционной стратегией. Интеграционная стратегия — неотъемлемая часть экономической политики государства. Китай как государство с рыночной экономикой активно включился в конкуренцию на региональном и мировом рынках. Но сохранение высоких темпов роста внешнеторгового оборота, притока иностранного капитала и технологий в КНР протекает наряду с острейшими проблемами социально-экономического развития. С изменением характера международной конкуренции и конкурентоспособности национальных предприятий КНР логика процесса согласования экономической политики государства охватывает все более широкий круг вопросов, распространяясь и на внешнеполитическую сферу, в которой пересекаются национальные интересы не только региональных государств, но и экономически развитых держав мира. Исходя из неоднозначной реакции международного сообщества на экономический подъем Китая по мере обретения им разных сторон современного могущества, включая и военную сферу, интеграционная стратегия государства сопрягает внешнеэкономическую концепцию рыночных реформ и открытости с внешнеполитической концепцией «мирного возвышения» страны на международной арене, дополненной идеей гармоничного отношения с окружающим миром.

Интегрируясь в течение нескольких десятилетий в мировое экономическое пространство в качестве огромной «обрабатывающей фабрики»¹¹⁵ потребительских товаров, Китай сегодня смещает акценты на фоне глобального финансового кризиса, который вносит свои коррективы в экономическую политику государства. Теперь КНР как крупная финансовая держава все больше настраивается на глобальную экспансию в качестве одного из главных

¹¹⁵ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. — М., 2004. — С. 29.

участников в мировом производстве металлов и руды, а также в мировой добыче энергетических сырьевых ресурсов, составляющих основную сферу международной конкуренции наряду с высокими технологиями и инновациями. Хотя у Китая есть большие возможности для экономического маневра, поскольку в условиях мировой рецессии на стимулирование экономики выделено 4 трлн юаней (585,5 млрд долл США)¹¹⁶, государство на текущий момент старается восстановить докризисную ситуацию с потребительскими товарами на рынках ЕС и США¹¹⁷. Основные усилия КНР направлены на сохранение стабильности в области внешнеторговой политики для обеспечения развития китайской экономики и занятости населения с тем, чтобы не допустить острых витков безработицы, имеющей, как правило, серьезные социально-политические последствия.

Отметив мирный характер интеграционной стратегии Китая как главную особенность экономической политики, подчеркнем сложность процесса проведения ее в жизнь и рассмотрим несколько основных аспектов, раскрывающих экономический потенциал интеграции.

Первый аспект. Перейдем к вопросу взаимосвязи экономики и проблемы народонаселения. Эту проблему с экономических позиций можно рассмотреть в двух ракурсах. С одной стороны, население КНР — это огромный трудовой рынок, использующий гигантские массы дешевой рабочей силы и в то же время имеющий активно развивающийся предпринимательский сектор, составляющий уже сегодня серьезную конкуренцию в региональной и ми-

¹¹⁶ Официальный сайт Государственного комитета по делам развития и реформ КНР. — <http://www.sdpc.gov.cn/>

¹¹⁷ Например, очередные сложности в области китайско-американской торговли. США закрывает свой рынок для китайской птицепродукции на основании законопроекта о комплексном финансировании на 2009 год. Китайская сторона выражает недовольство по поводу дискриминационного акта торгового протекционизма США, который нарушает льготные права развивающейся экономики КНР как члена ВТО. *Яо Цзянь*. Интервью Агенству Синьхуа. 27 февраля 2009 // Бизнес в Китае и Гонконге. — 2009. — Вып. № 306. — 4 марта. — <http://www.china-hongkong-business.ru>

ровой экономической сферах. С другой стороны — это огромный потребительский рынок, внутренний спрос населения которого всё больше нуждается в обеспечении более широкого современного спектра товаров и услуг, соответствующих мировым стандартам. Именно на потенциал потребительского рынка правительство КНР сделало ставку по обеспечению скорейшего выхода страны из мирового финансового кризиса. Поэтому в контексте интеграционных возможностей Китай обладает огромными преимуществами, притягивающими иностранных инвесторов как в плане переноса производств на китайскую территорию, так и в выходе китайских компаний в открытое региональное и глобальное экономическое пространство.

В экономической политике КНР проблема народонаселения¹¹⁸ — один из важнейших элементов в стратегии устойчивого экономического развития. Для китайских экономических исследований типично рассмотрение этой проблемы, затрагивающей различные слои населения, социальные группы и классы в контексте экономической ситуации, ресурсного и продовольственного обеспечения и состояния экономики в целом. Традиционный китайский взгляд рассматривает большое население как первостепенный фактор развития экономики, достижения определенного уровня мате-

¹¹⁸ В настоящее время Китай — страна с самой высокой плотностью и численностью населения (1,32 млрд человек). «Согласно прогнозам, численность населения Китая в 2010 году составит 1,4 млрд человек, в 2020 году — 1,5 млрд человек, а к середине века — 1,6 млрд человек, после чего рост прекратится». На протяжении истории Китая динамика населения от 13 млн человек в эпоху Ся (2140 г. до н.э.) изменялась под влиянием природных и географических условий (наводнений, засух, стихийных бедствий), социально-экономических ситуаций (периоды голода, болезней), историко-политических катаклизмов (войны, смена династий, иноземные завоевания — монголо-татарское (XII–XIII века), маньчжурское (династия Цин) и т.д.). Несмотря на противоречивые оценки численности населения, китайцы уже с начала XIX века вышли на 1-е место в мире. Прирост был после образования КНР (1949 г., 549 млн человек). Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 9. Фань Вэнь-Лань. Древняя история Китая. От первобытнообщинного строя до образования централизованного феодального государства. – М., 1958. – С. 39, 41–42.

риального благосостояния народа, а также военной мощи страны, а в условиях рыночных отношений — повышения конкурентоспособности страны в региональных и глобальных процессах. Как свидетельствуют исследования российских ученых, «исключением явилась лишь теория Хун Лянцзи, которого называли китайским Мальтусом¹¹⁹: он предостерегал против перенаселения, утверждая, что рост населения обгоняет производство продовольствия. На рубеже XIX–XX веков среди общественных деятелей и учёных Китая, обеспокоенных низким уровнем экономического развития страны, вновь преобладала традиционная точка зрения на население как на источник благосостояния и могущества нации. Лишь с начала 1970-х годов в процессе экономических реформ руководство КНР стало проводить политику, направленную на ограничение рождаемости»¹²⁰.

Современные геополитические теории о «золотом миллиарде», черпающие свою аргументацию в геоэкономических посылах, с одной стороны, провоцируют противоречие дальнейшего разделения мира на богатых и бедных, но, с другой стороны, подтверждают актуальность проблемы народонаселения. Как известно, Китай и Россия, следуя в русле общемировой тенденции интегрирования в региональную и глобальную экономику, двигаются в противофазе: КНР решает проблему ограничения рождаемости, взимая налоги за рождение второго ребенка, а РФ — проблему повышения рождаемости, выплачивая государственное пособие. Для РФ — это особенно важная проблема не только на фоне обезлюдения российского Дальнего Востока в контексте основной проблематики на-

¹¹⁹ Мальтус Т.Р. (1766–1834) впервые подчеркнул экономическую мысль об ограничении средств существования людей по сравнению с ростом их численности. Помимо причин экономического характера есть моральное понятие о долге. «Этот долг ясен и доступен всякому пониманию — он сводится к тому, чтобы не производить на свет детей до тех пор, пока не имеешь средств для их прокормления и воспитания». Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. Антология экономической классики. – М., 1993. – Т. 2. – С. 55.

¹²⁰ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 225.

шего исследования по развитию региональной интеграции в АТР, но и для обеспечения устойчивого развития государства, его жизнеспособности, территориальной целостности и политической, экономической стабильности. «Демографический взрыв в мире и беспрецедентное сокращение численности населения в России — таковы противоречивые реалии современного мира»¹²¹.

Специфика китайской экономики в том, что рыночная модель ускоренного ее подъёма опирается на гигантские массы дешевой рабочей силы. Как правило, это неквалифицированный слой населения, образовавшийся из широких крестьянских масс и городского рабочего класса. В сельской местности проживает 2/3 от всего населения страны, которые создают избыток рабочей силы в деревне, при этом в городах отмечается нехватка квалифицированных работников. Изменение структуры трудоспособного населения, динамика роста, темпы старения, миграции и т.д. связаны со способностью страны обеспечить потребности растущего населения в продовольствии. Хотя сегодня Китай решил проблему «тепла и сытости» и перешел к построению среднезажиточного общества «сяокан», все же главной проблемой для Китая остаётся необходимость избежать быстрого роста населения. Прогрессирующая динамика роста населения может вызвать резкое обострение проблем обеспечения продовольствием, жильём, одеждой, топливом, рабочими местами, а также создание дефицита пресной воды, пахотных земель, других природных ресурсов и усиление экологических проблем.

Демографические проблемы напрямую связаны с экономическими, что особенно существенно для многонаселенного Китая, поскольку изменение структуры трудоспособного населения сказывается на развитии экономики страны. Проведение демографической политики привело к структурному¹²² изменению китайской

¹²¹ «Непосредственной и ближайшей причиной сокращения численности населения России после 1992 г. по настоящее время является нарушение условий воспроизводства рабочей силы». *Козырев В.М.* Основы современной экономики. — М., 2009. — С. 458.

¹²² В деревне ещё сохранилась традиционная семья из трёх поколений. В то же время семьи из двух поколений в сельской местности осталось

семьи, и Китай как развивающееся государство переместился в категорию стран с низким уровнем рождаемости¹²³. Позитивная сторона в том, что этот процесс уменьшает государственные расходы на обеспечение растущего поколения, что в целом содействует развитию экономики и улучшению качества жизни китайского общества. Можно также сказать и об экономии ресурсов, уменьшении нагрузки на экологическую среду.

Однако искусственное регулирование численности населения в экономическом плане увеличивает нагрузку на трудоспособный возраст. Продолжение политики однодетной семьи обуславливает быстрые темпы старения¹²⁴ населения в КНР. Причем преобладание более старого населения над молодым будет происходить го-

меньше, чем в городе. В настоящее время наблюдается доминирование городской семьи (90 %) в структуре (4–2–1), т. е. четверо пожилых людей (дедушка и бабушка), двое родителей и один ребёнок.

¹²³ «В настоящее время модель воспроизводства населения в Китае стала такой же, как в экономически наиболее развитых странах и территориях Восточной Азии с наиболее высокими доходами ВВП на душу населения — Японии, Республике Корея, Гонконге, Тайване и странах Западной Европы — Норвегии, Германии, Франции, Нидерландах. В перспективе сохранение либо дальнейшее снижение нынешнего коэффициента суммарной рождаемости (1,8) неизбежно приведут к нулевому приросту населения Китая. Но сроки достижения нулевого прироста населения неизбежно связаны с изменением других социально-демографических характеристик, таких, как рождаемость, смертность, естественный прирост, возрастно-половая структура, урбанизация, жилищные условия и т.д.». *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. — М., 2006. — С. 208.

¹²⁴ «Самая высокая доля пожилых — в Шанхае (9,4%), самая низкая — в провинции Цинхай (3 %). Медианный возраст по стране в целом — 25,3 года, самый высокий в Шанхае — 33,8 года, самый низкий — в Нинся-Хуэйском автономном районе — 21,9 года. Столь быстрое старение населения в Шанхае не случайно. Уже длительное время рождаемость здесь сохраняется на самом низком уровне в стране, с 1993 года отмечаются отрицательные темпы прироста населения. Соответственно проблемы обеспечения пожилых будут наиболее острыми и раньше возникнут в крупных городах и прибрежных районах, а потом уже на окраинах. В настоящее время возрастная структура населения Китая относительно молода». — *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. — М., 2006. — С. 230–231.

раздо быстрее, чем в развитых странах Европы и Северной Америки. А также с уменьшением количества детей в китайской семье могут разрушиться традиционные родственные связи, которые ещё сильны сегодня не только в цивилизационном отношении, но и в экономическом. Традиционно забота о престарелых ложится на детей и близких родственников, поскольку в Китае пенсионное и социальное обеспечение находится на низком уровне.

Деформация структуры¹²⁵ китайского общества происходит не только под влиянием демографической политики, но и рыночных факторов. Китайское общество, состоящее ранее из наиболее массовых слоёв рабочего класса и крестьянства, трансформировалось в неравномерную социальную структуру населения. Это контрастное расслоение общества на городское и сельское, богатое и бедное, разрыв в уровне доходов¹²⁶ и безработица. Деление общества

¹²⁵ Структура китайского населения по полу, возрасту, месту жительства и образованию показывает: преобладание мужского населения над женским, тенденцию увеличения доли пожилого населения, преобладание сельского населения (2/3) над городским, тенденцию роста городского населения и сокращения сельского. Изменяются социальные группы, подразделяющиеся по уровню образования: снижается уровень неграмотности населения КНР, увеличивается доля специалистов среднего и высшего образования.

¹²⁶ «Дифференциация в доходах включает в себя разрыв в доходах между населением города и села, между регионами, отраслями, между различными организациями, между обладателями различных объектов собственности. За время реформы и открытости экономики доходы всех жителей нашей страны повысились, жизнь основной массы людей улучшилась. Но достаточно резкая дифференциация в доходах объективно существует и имеет тенденцию к росту». Лю Шучэн. Экономический рост и динамика развития КНР // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова. – М., 2007. – С. 11. «За годы реформ значительно выросла разница между доходами руководителей и рядовых работников государственных предприятий. На негосударственных предприятиях, особенно принадлежащих иностранному капиталу, доходы руководителей ещё выше. Общая стоимость состояния 50 самых богатых людей Китая, включенных в список журнала «Форбс» за 2000 год, соответствует чистому суммарному годовому доходу 50 млн крестьян, проживающих в шести бедных провинциях страны (Шэньси, Нинся, Цинхай, Юньнань, Ганьсу и Гуйчжоу). А 3 млн китайских миллионеров обладают состоянием, равным двухлетнему

на массовые маргинальные «низы» и немногочисленные высокообеспеченные «верхи»¹²⁷ на деле выхолащивает концептуальную сущность «социализма с китайской спецификой». При этом усиливается критика проведения экономических реформ, имеющая политические следствия. Разный уровень дохода населения в свою очередь влияет на потребительский рынок, что тормозит развитие экономики, создавая дисбаланс спроса и предложения. Структурная деформация общества дополняется влиянием также и рыночных факторов: коррупцией, наличием «серой» и «черной» экономики, составляющей 15–20 % ВВП, монополизацией рынка и ренты за природные ресурсы.

Говоря о негативных моментах проблем соотношения рыночных факторов и жесткой поляризации китайского общества, нельзя не отметить мнение китайских ученых. Китайские экономисты¹²⁸ высказываются о сосуществовании в Китае 4-х расходящихся миров: первый из которых — Шанхай и юг Китая, близкие по уровню к Тайваню и Сянгану, а последний — находится на уровне слабо развитых африканских стран. Деревня и город в современном Китае находятся в разных исторических измерениях, такого контраста нет ни в одной стране мира. Процесс дальнейшей стратификации китайского общества по мере продвижения рыночных реформ, а также под влиянием демографической политики, имеющей как позитивные моменты, так и негативные проблемы, будет продолжаться.

чистому доходу 900 млн китайских крестьян». Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 362.

¹²⁷ В условиях жесткой рыночной конкуренции средний класс не сформирован в достаточной мере для обеспечения устойчивого развития. Он колеблется в пределах от 8,7 до 12 % по определенным критериям, в который включается профессия, размер доходов, потребительские предпочтения и самоидентификация представителей этой социальной группы.

¹²⁸ Ван Шаогуан, Ху Аньган, Дин Юаньчжу. Самое серьёзное предупреждение: социальная нестабильность за фасадом экономического процветания. – Пекин, 2002. Ху Аньган. Предложения о некоторых важных мерах по продолжению расширения внутреннего спроса. – Пекин, 2003.

Однако рыночная система хозяйствования требует не только учета взаимосвязи проблем экономики и народонаселения, но и различных видов предпринимательской и трудовой деятельности. Поэтому перейдем к рассмотрению второго аспекта, который влияет на экономический потенциал КНР в процессах региональной интеграции и говорит о сложностях реализации интеграционной стратегии государства как главной особенности экономической политики. Напомним, что мы говорили о том, что Китай, миновав этапы экономических и социальных экспериментов типа «большого скачка» и «культурной революции», разрушающих экономику страны, перешел к политике рыночных реформ, неотделимых от интеграционной стратегии.

Строительство рыночной экономики в Китае коренным образом изменило производственные отношения: социально-экономические, связанные с формами и отношениями собственности, и организационно-экономические, выражающие общественные комбинации производственного процесса, общественное разделение и кооперацию труда; воспроизводство, накопление и распределение капитала; специализацию производства и интеграционные процессы и т.д. Социально-экономические факторы играют роль базовых составляющих в рыночной системе хозяйствования, при которой экономика КНР перешла к смешанному типу форм собственности — государственной, кооперативной и частной. Специфика переходной экономики отражена в конституции КНР¹²⁹. Преобразова-

¹²⁹ «На начальной стадии социализма государство поддерживает экономическую систему, при которой общественная собственность доминирует, и другие формы собственности развиваются параллельно, придерживается системы, при которой распределение по труду доминирует при сосуществовании с другими способами распределения» (Ст. 6). Рыночное экономическое развитие по строительству «социализма с китайской спецификой» сопровождалось появлением частных хозяйств наряду с общественным или государственным сектором. Легализованный частный сектор китайской экономики «является важной составляющей социалистической рыночной экономики» (Ст. 11). Но основой экономики страны является государственная собственность, выступающая «руководящей силой в народном хозяйстве» (Ст. 7). Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва

ние государственного сектора экономики (гоинь цзинци) в сектор экономики, основанный на государственной собственности (гоу цзинци) означает коренное преобразование производственных отношений, при которых фактическое владение собственностью государства перешло к самостоятельным хозяйственным организациям¹³⁰. В настоящее время главным местом трудоустройства в Китае стало именно негосударственное хозяйство.

Необходимость организационно-экономических мероприятий в условиях рыночных отношений требует наличия различных видов предпринимательской и трудовой деятельности в деревне¹³¹ и в го-

4 декабря 1982 г., поправки в её текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.).

¹³⁰ На основании конституции КНР, «государственные предприятия государственной собственности в рамках, установленных законом, имеют право на самостоятельное хозяйствование. Предприятия государственной собственности, согласно установлениям закона, осуществляют демократическое управление через собрания представителей служащих и рабочих и в других формах» (Ст. 16). «Коллективные хозяйственные организации, соблюдая соответствующие законы, имеют право на самостоятельность, на независимое ведение хозяйственной деятельности. Коллективные хозяйственные организации осуществляют демократическое управление, в соответствии с установлениями закона избирают и смещают управленческий персонал, решают важные, крупные вопросы хозяйственного управления» (Ст. 17). По сути дела, по представлению российских ученых, эти конституционные положения означают приватизацию в КНР, хотя о ней прямо не говорится. «Не объявленная, а потому и не регулируемая законом тайная приватизация государственной собственности» имела негативные последствия, среди которых, в частности, отмечается и быстро прогрессирующая дифференциация общества. Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 362.

¹³¹ В деревне «различные формы кооперативного хозяйства в виде производственной, снабженческо-сбытовой, кредитной, потребительской и других форм кооперации представляют собой социалистический сектор экономики, основанный на системе коллективной собственности трудящихся масс. Трудящиеся, участвующие в сельских коллективных хозяйственных организациях, имеют право в пределах, установленных законом, хозяйствовать на приусадебных земельных участках и выделенных в личное пользование горных участках, заниматься домашним промыслом и разводить собственный скот». Конституция Китайской Народной Республики

родах. Основу сельских коллективных хозяйств составил семейный подряд, который сыграл большую роль в процессе экономических реформ в КНР, как отмечают и российские¹³², и китайские ученые. Можно отметить, что Белоруссия в настоящее время пытается заимствовать китайский опыт семейного подряда в развитии предпринимательской деятельности малого бизнеса. Китайские экономисты говорят также о специфике традиционного семейного фактора: «Специфика Китая заключается также в особенностях экономики китайских семей... Семья выступала основой организации жизни крестьян. Крестьянская семья не только являлась экономической единицей, но и несла свою общественную функцию по обеспечению существования, продолжения жизни и развития каждого члена семьи. Общие интересы семьи считались высшими интересами»¹³³. Основу экономики в городах составляют «различные формы кооперативного хозяйства в кустарном производстве, промышленности, строительстве, транспорте, торговле и сфере обслуживания явля-

(принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., поправки в её текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.). Ст. 8.

¹³² Российские исследования относят семейный подряд в Китае к позитивным факторам роста экономики: «Проведенный постфактум анализ показывает, что Китай к началу реформ обладал рядом дополнительных факторов роста, на которые никто особенно не рассчитывал, но которые сыграли определенную роль в контексте реформ. Сюда можно отнести оказавшуюся чрезвычайно живучей традицию семейной формы организации хозяйственной жизни (сельское хозяйство, сфера услуг, вообще мелкий бизнес), наличие сравнительно развитой промышленности на селе и солидного коллективного сектора в городской экономике. Даже выглядевшая абсолютно не рациональной политика создания самостоятельных промышленных систем на уровне провинций позволила, как оказалось, накопить опыт решения местных проблем без обращения к центру, с помощью собственной инициативы, что способствовало широкому порайонному разнообразию в Китае методов решения тех или иных конкретных задач». Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 293.

¹³³ Линь Ганн. Импульс развития по А.Смиту и современная китайская экономика // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова. – М., 2007. – С. 64.

ются социалистическим сектором хозяйства, основанным на коллективной собственности трудящихся масс»¹³⁴.

Современный этап экономической политики КНР, направленный в том числе и на создание различных видов предпринимательской и трудовой деятельности, ассоциируется с процессами хозяйственного реформирования и внешнеэкономической открытостью страны в контексте более широкой интеграции в систему региональной и глобальной экономики. «В результате упорной борьбы негосударственные предприятия Китая окрепли, после чего неизбежной стала их интеграция в мировую экономику, выход на внешний рынок с целью объединения внутренних ресурсов Китая и ресурсов мирового рынка. А азиатский рынок является базовым региональным рынком, на который распространяют свою деятельность негосударственные предприятия Китая. В последние годы Азия в своём экономическом развитии не только вышла в первые ряды стран мира, но и стала «горячей точкой» роста в глобальной экономике, к тому же в Азии проживает 60 % населения земного шара, это огромный рынок с 3,5 млрд потребителей»¹³⁵. Развитие различных видов предпринимательской и трудовой деятельности происходит по мере совершенствования макроэкономической структуры. Китай ещё в 2002 году вышел на первое место в мире по объёму производства главных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции, в частности, по производству зерновых, хлопка, стали, цемента, практически исключив дефицит товаров потребления в собственной стране. Стратегия экономического развития¹³⁶ КНР предусматривает новые возможности для роста от-

¹³⁴ Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., поправки в её текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.). Ст. 8.

¹³⁵ Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – С. 153.

¹³⁶ Чэн Цзягуэй. Анализ и прогноз экономической обстановки Китая в 2008 году. Голубая книга по экономике Китая. – 2008 // 陈佳贵. 2008 年中国经济形势分析与预测. 中国经济蓝皮书. 2008. – <http://blog.ourzb.com/2744/2692.html/>

раслей в строительстве, производстве строительных материалов, секторе услуг, оптовой и розничной торговле, финансовых делах, а также совершенствование структуры экономики с повышением доли перерабатывающих, наукоёмких и высокотехнологических отраслей, среди которых особое место занимают перспективные отрасли: судостроение, автомобилестроение, биотехнологии.

Параллельно проходит структурная перестройка экономики КНР в присоединившемся Сянгане¹³⁷. Сами китайцы считают Сянган, имеющий превосходную рыночную структуру и международный статус, площадкой для интеграции КНР в глобальную экономику. «Зрелая структура рыночной экономики Гонконга — это то, о чем трудно мечтать любому городу континентального Китая, включая Шэньчжэнь и Шанхай. Структура рыночной экономики континентального Китая по сравнению с Гонконгом находится на низком уровне. И уровню транспарентности функций правительства, и движению информации, и степени личной свободы, и уровню законности, профессионализму, характеру потока капиталов, свободе конкуренции, и во многих других вопросах континентальному Китаю у Гонконга стоит поучиться. Значение этой учебы заключается в том, что она поможет дальнейшему развитию негосударственной экономики и её выходу на новый уровень, повышению её общей конкурентоспособности, ускорению шагов в

¹³⁷ После вхождения в состав КНР Гонконг имеет множество проблем: «он оказался в сложной экономической ситуации, что не дает повода для оптимизма. По-прежнему существуют внутренние осложнения и внешние болезни; валюта иностранных конкурентов девальвирована, а Гонконг ограничен в свободе девальвации своей валюты, себестоимость производства высока, в результате чего конкурентоспособность экономики города ослабла. В экономике континентального Китая наблюдается взлет, низкотехнологичные отрасли экономики Гонконга и отрасли нуждающиеся в многочисленной рабочей силе, перемещаются на север, что ведет к росту безработицы в городе; экономика «мыльного пузыря» лопнула, недвижимость упала в цене, произошло снижение уровня потребительских расходов и инвестиций. Что и говорить, после возвращения в состав Китая Гонконг столкнулся со множеством проблем, которые уходят своими корнями в период британского господства». — *Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2007. — С. 166.*

направлении интеграции в мировую экономику»¹³⁸. Процессы экономической интеграции двух экономик рассчитаны на длительный период, более полувека. Ряд устаревших отраслевых производств Сянгана, которые в экономическом отношении сравнимы с Тайванем, перенесён в КНР. В результате реального интеграционного включения экономика Китая, ранее ориентированная преимущественно на тяжелую индустрию, пополнилась сферами потребления (текстиль, одежда, бытовая техника и продовольствие), а также налажилось производство электроники и электротехники. В процессе реформирования основной упор был сделан на три направления: создание свободных экономических зон, финансирование передовых отраслей и инвестирование инноваций.

Несмотря на идеологические различия, усиливается взаимодействие в интеграционном треугольнике экономического роста — Сянган, Тайвань и КНР, где экономические отношения развиваются по принципу: «Идеи и технологии наши (Сянган и Тайвань), производство и реализация ваши (КНР)». На основе взаимодополняемости Китай намерен постепенно развивать создание зоны свободной торговли «двух берегов и четырех районов»: Китай (провинция Гуандун) — Гонконг — Макао — Тайвань; а также ускорить интеграцию пограничной зоны: Гонконг — Шэньчжэнь — дельта реки Чжуцзян. Китай не стоит на месте, а реально создает благоприятные условия для развития бизнеса: «В сфере промышленности, основанной на новейших и высоких технологиях, Шэньчжэнь превосходит Гонконг. Сегодня в Шэньчжэни сделан упор на развитие подобных технологий в электронике и информатике, биоинженерии, создании новых материалов. Когда на рынке недвижимости Гонконга один квадратный метр стоит 2 тыс. юаней, в парке новейших и высоких технологий Шэньчжэни проводится политика предоставления площадей по льготной цене, которая составляет немногим более 200 юаней за квадратный метр. Кроме того, проводится льготная политика в сфере налогообложения, которая предусматривает полное осво-

¹³⁸ *Сюй Чжимин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2007. — С. 162.*

бождение предприятий от налогов в течение первых двух лет работы и снижение налогов наполовину в течение первых восьми лет работы. Общая сумма всех налогов, которыми облагается предприятие, составляет лишь 7 % его прибыли»¹³⁹.

Как следует из практических шагов КНР по внутренней интеграции, многообразии отраслей производства и масштабы развития китайской экономики свидетельствуют не только о необходимости развития различных видов предпринимательской и трудовой деятельности, но при этом требуют создания особой социально-экономической среды хозяйствующих субъектов рынка. Это третий аспект нашего исследования особенностей экономической политики КНР в контексте развития интеграции в АТР.

Нормальное функционирование рыночной экономики в динамично развивающемся Китае связано с созданием благоприятной социально-экономической среды для хозяйственных субъектов рынка. Социально-экономические процессы обеспечивают

¹³⁹ «Правительство Шэньчжэнь учредило инновационную компанию по инвестициям в сфере высоких технологий, в течение двух лет было инвестировано 900 млн юаней на оказание спонсорской помощи фирмам или исследователям, которые работают в области высоких технологий. Средства для развития новейших и высоких технологий представляет целый ряд фондов, и все это двинуло вперед развитие сферы высоких технологий быстрыми темпами. В Шэньчжэнь функционируют 122 фондовые структуры, финансирующие создание новых предприятий, общий объем имеющихся в их распоряжении средств достигает 10 млрд юаней. В течение трех лет число таких компаний, возможно, увеличится до 200. Объем имеющихся в их распоряжении средств может достичь 40 млрд юаней. Известно ещё 800 компаний, которые хотят выйти на фондовый рынок, и если подобное произойдет, это приведет к резкому росту их капитализации, в течение одной ночи может появиться множество новых миллионеров. Поскольку в Шэньчжэнь использованы новые методы стимулирования развития промышленности, работающей на новейших и высоких технологиях, эта сфера и опыт такого развития заслуживают изучения и использования Гонконгом». – Там же. – С. 123. Тем более китайский опыт полезен для России, вступившей на путь инновационного развития в соответствии со стратегией – 2020. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 17 ноября 2008. – <http://www.economy.gov.ru/>

необходимый уровень экономической безопасности государства, поскольку совокупность экономических отношений охватывает практически все сферы жизнедеятельности общества. При этом рынок — особая сфера социально-экономической жизни общества, выступающая важной составляющей в системе факторов производства. Эта сфера рыночных отношений определяет условия перемещения рабочей силы и её мобильность, занятость населения и структурную динамику безработицы, её региональное и демографическое распределение, а также другие факторы рыночного производства. В условиях глобализации всё большее значение приобретает мировой рынок как совокупность хозяйствующих субъектов отдельных стран, связанных друг с другом менее или более устойчивыми торговыми и экономическими отношениями.

Создание благоприятной социально-экономической среды для бизнеса является необходимым условием для полноценной деятельности хозяйственных субъектов в рыночной экономике КНР. Во внутриэкономическом плане новая экономическая и социальная концепция развития «пяти единых планирований» предусматривает сбалансированное развитие экономической и социальной сферы, города и деревни, регионов, гармонического развития человека и природы, внутреннего развития и внешней открытости. Во внешнеэкономическом плане китайские предприниматели как самостоятельные хозяйственные субъекты рынка пользуются государственной поддержкой. Их усилия вместе с государством направлены на повышение инвестиционной привлекательности страны. Китай, как третья торговая держава мира наряду с США и Германией¹⁴⁰, ориентированная на всё большее использование

¹⁴⁰ «Для оценки места Китая в мировом экономическом процессе можно воспользоваться общим объемом импорта-экспорта страны. В начале реформ и повышения внешней либерализации экономики (1978) общий объем импорта-экспорта составлял 20,6 млрд долларов, в 2005 г. он достиг 1,42 трлн долларов. По общему импорту-экспорту Китай занимал в мире: в 1978 г. 25-е место, в 1889 г. — 14-е; в 2000 г. — 7-е, в 2001 г. — 6-е (перед ним находилась Америка, Германия, Япония, Франция и Англия). В 2003 г. Китай занимал 4-е место, опередив Японию. К настоящему времени Китай стал 3-й державой по масштабам внешнеторгового оборота». Лю Шучэн.

факторов рынка (капитал, технологии и знания), ограничен сравнительно слабой покупательной способностью населения, особенно в условиях колебания мировой конъюнктуры и цен. Несмотря на то, что государство накопило огромное богатство, выйдя по золотовалютному запасу на 2-е место в мире после Японии, Китай имеет относительно слабые позиции именно в финансовой мировой системе. Но это было до глобального финансового кризиса.

Как будет выходить Китай из мирового финансового кризиса, преодолевая его негативные последствия, и самое главное, каковы будут результаты? Но уже сейчас наблюдаются потенциальные возможности более быстрого выхода развивающегося Китая из мирового финансового кризиса, по сравнению с другими не только развивающимися, но и развитыми странами. Интеграция китайского рынка ценных бумаг с мировым фондовым рынком находится пока на начальной стадии развития, однако процесс взаимодействия международных рынков начал осуществляться. Гонконгская фондовая биржа, в которой представлены ведущие компании китайских предпринимателей, превращает Сянган в глобальный финансовый центр мира. Умелое использование преимуществ факторов роста экономики и достаточно неплохая адаптация китайских хозяйственных субъектов к процессам сотрудничества и интеграции гарантируют устойчивый динамический подъём экономики в условиях жесткой международной конкуренции. К этому можно добавить, что экономическая роль Китая постепенно повышается и в международно-политическом плане.

Однако государственное регулирование рыночной экономики не панацея от всех бед. Макроэкономическое регулирование сверху приводит к так называемой своеобразной вилке: делаешь одно — получается совсем другое. Так, например, в настоящее время не устранены глубинные противоречия в сельском хозяйстве, а реформы в налоговой системе не решили социально-экономических проблем. «Упразднение сельскохозяйственного налога — это важ-

Экономический рост и динамика развития КНР // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова. — М., 2007. — С. 7.

ный шаг, направленный на благо народа, однако это всего лишь первый шаг на пути налоговой реформы на селе. Этот шаг вызвал и заострил больше проблем, чем их решил. На самом деле случилось следующее: некоторые местные финансовые органы уездного уровня повысили тарифы на неналоговые сборы, такие, как административные взносы, штрафы и т.п., для того чтобы выполнить финансовый план и заткнуть дыры в бюджете. В результате возросла доля вненалоговых доходов, и появилась тенденция роста тарифов взамен упраздненных налогов»¹⁴¹.

Государственное регулирование по созданию благоприятной среды для хозяйственных субъектов рынка имеет значение как в теоретическом, так и в практическом отношении. В политическом плане его значение возросло в период преодоления последствий глобального финансового кризиса не только в целях скорейшей стабилизации национальной экономики КНР, но и в контексте повышения потенциала интеграции страны. Важный момент экономической политики в КНР заключается в том, что развитие либеральной рыночной экономики связано с макроэкономической ролью государства при отказе от непосредственного влияния на микроэкономику. Если рассуждать с теоретической точки зрения, то «теория становления рынка с позиций микроэкономического анализа включает: разрушение монополии государственной собственности; её перераспределение между эффективно работающими предприятиями и собственниками; переход от централизованной плановой экономики к современной рыночной экономике и т. п.»¹⁴². То есть китайские ученые считают, что перенесение центра влияния государства на экономику привело к изменению функций государственной и политической власти, а также к формам её реализации.

Подходя к проблеме практической реализации теории рынка, есть необходимость учитывать специфику экономической поли-

¹⁴¹ Чжан Сяошань. Реформы и развитие сельской экономики Китая // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова и др. — М., 2007. — С. 287–288.

¹⁴² Борох О.Н. Дискуссии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Там же. — М., 2007. — С. 28.

тики государства в контексте её интеграционных возможностей, связанных с конкурентоспособностью страны на международной арене. По сути дела, китайская практика по созданию более благоприятной среды для предпринимателей, с одной стороны, доказала верность экономической теории. Действительно, в практическом плане «Китай выбрал свой путь: прежде всего, развивал не государственную экономику, а частное производство, которому были созданы условия для успешной конкуренции на внешнем рынке. Это привело и к разрушению монопольного состояния государственного хозяйства. За 20 лет после перестройки народное частное хозяйство и его развитие постепенно получило и политическую поддержку и правовое обеспечение. В Китае в настоящее время частное хозяйство занимает 40 % всей промышленности страны; если добавить иностранные предприятия, то эта цифра составит больше половины»¹⁴³. Постепенно формируется и бизнес-парадигма китайских хозяйственных субъектов, более сплоченных в цивилизационном плане и все более приспособляющихся к международным условиям внешних рынков. Для России сегодня и особенно в будущем есть необходимость говорить о новой парадигме бизнес-сообщества, более сопряженной с национальными интересами и приоритетами страны.

Но, с другой стороны, китайская практика выявила острые недостатки использования экономической теории. Приоритет использования неокейнсианской политики, подстегивающей темпы экономического роста с максимальной долей накопления ВВП в ущерб другим приоритетам развития, привел к критической инвестиционной накачке и «перегреву» экономики страны. Китайские предприниматели использовали неокейнсианскую модель как рыночный механизм получения мультипликационного эффекта увеличения совокупного дохода при изменении расходов в ущерб социальным потребностям различных слоев и групп населения. То есть рост экономики происходит на грани балансирования интере-

¹⁴³ *Борох О.Н.* Дискуссии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова и др. . – М., 2007. – С. 28.

сов различных слоев населения, что чревато серьезными социальными и даже политическими последствиями. Влияние класса чиновников государственно-бюрократической машины на экономику упрочило развитие коррупции. Недостаточность потребительского спроса компенсировалась экспортной экспансией, а нехватка ресурсов восполнялась за счет дозированного импорта. В результате происходит развитие тенденции всё большей зависимости экономики КНР от сырьевых ресурсов, рынков сбыта готовой продукции и мировой конъюнктуры. Включение факторов производства (капитал, технологии и знания) в рыночные отношения запаздывает по сравнению с развитием других секторов экономики, что ведет к растрате ресурсов, созданию избыточных производственных мощностей, перекосам в распределении национального дохода. В результате темпы экономического роста высокие, а качество товаров плохое, а также возникают различные диспропорции в национальной экономике и социальной сфере. Так называемый «перегрев» китайской экономики в том, что многие уже произведенные китайские товары не будут реализованы, что понимают и сами китайские производители. В условиях преодоления последствий глобального кризиса отмечается тенденция к скупке сырьевых региональных и мировых ресурсов по выгодным ценам и частичная переориентация на внутренний потребительский рынок.

И все же, несмотря на трудности по созданию благоприятной среды для бизнеса и для появления новых хозяйственных субъектов рынка в Китае, экономический фактор в политике государства играет особую роль. Эта роль имеет значение как в перспективе реализации возможностей, позитивно влияющих на процессы региональной интеграции, так и в плане проблем экономического и социального характера, которые, с одной стороны, накапливаются по мере наращивания экономических темпов роста и которые, с другой стороны, еще предстоит преодолеть с тем, чтобы успешно продвигаться по пути интеграционного включения в международную экономическую систему. Устранение дисбаланса и переход к новой модели экономического и социального развития рассчитан на длительную перспективу, в которой не исключается цик-

личность, когда процветание периодически сменяется кризисом и стагнацией.

Помимо трех основных аспектов, рассмотренных выше, для Китая немаловажна ещё одна проблема — это проблема специфики статистического учета в экономической политике. В нашем исследовании это четвертый аспект, не менее важный, чем первые три, при раскрытии экономических основ интеграции КНР. Сегодня достаточно часто ругают китайскую статистику, высказывая ей недоверие¹⁴⁴. В чем здесь дело?

Осуществление эффективной экономической политики Китая в условиях перехода к рынку и внешнеэкономической открытости требует анализа состояния национальной экономики в виде системы научно обоснованных статистических показателей. «Из специфики предмета статистики следует, что теоретической основой статистической науки являются положения исторического материализма и экономической теории, которые исследуют и формируют законы развития социально-экономических явлений, выясняют их природу и значение в жизни общества. Опираясь на знание положений экономической теории, статистика формирует статистические совокупности, устанавливает существенные признаки для выделения социально-экономических типов, осуществляет разработку адекватных методов их изучения»¹⁴⁵. Современная модернизация экономики КНР как 30-летнего хода реформ и открытости идёт по

¹⁴⁴ «Обычно авторы публикаций пытаются впечатлить читателей колоссальными масштабами роста ВВП страны. Но я к этим цифрам отношусь осторожно, их надо каждый раз выверять. Во-первых, китайский госкомстат приводит те цифры, которые слегка отличаются от запланированных: плюс 1–2% ежегодно. Официальная статистика настолько стабильна и хороша, что вызывает определенные сомнения. Во-вторых, если мы посмотрим на экономическое развитие китайских регионов, увидим колоссальные различия... Только с учетом всех региональных особенностей можно делать прогноз о развитии китайской экономики в целом». *Маслов А.* Осторожно, Китай! Интервью E-xecutive. 25.09.2009. — <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1140286/>

¹⁴⁵ *Башина О.Э., Спиринов А.А.* Общая теория статистики: Статистическая методология в изучении коммерческой деятельности. — М., 2005. — С. 12–13.

пути дальнейшего совершенствования статистики. Дореформенной статистике макроэкономики Китая были присущи определенные недостатки¹⁴⁶.

Переход Китая к новой системе национального статистического учёта — это применение принципиально новой статистической системы, принятой в большинстве стран мира. Статистика дореформенного Китая решала совсем другие задачи, основу которых составлял контроль за выполнением народнохозяйственных планов и информацию для директивных указаний вышестоящих админист-

¹⁴⁶ Во-первых, статистика нерыночного Китая существенно отличалась и была несопоставима с международной статистикой. В настоящее время происходит серьёзная корреляция системы китайских статистических показателей в соответствии с международной системой статистического учёта и отчетности. Во-вторых, в основу статистики дореформенного Китая была положена традиционная схема воспроизводства валового общественного продукта (ВОП), которая включала статистическую оценку функции лишь сферы материального производства, исключая оценку функционирования сферы услуг, поскольку индустриализация и подъему тяжелей промышленности отдавалось предпочтение в народно-хозяйственной перспективе. В настоящее время сфера рынка услуг входит в систему статистических показателей. В-третьих, в старой статистике Китая содержался повторный счет на промежуточных звеньях технологической цепи в отраслях тяжелей и перерабатывающей промышленности, что значительно завышало результаты производства. Данного недостатка китайская статистика не избежала по сей день. В печати время от времени появляются те или иные аргументы о том, что «официальная китайская статистика даёт неправдоподобные цифры. Китай заявляет, что его экономика растёт на 10–11 % в год, и китайские аналитики официально говорят, что их страна опередит США задолго до наступления XXII века. Однако если воспользоваться математическими методами расчета, то получится, что при росте на 10 % ежегодно, с учетом того, что составляющая 70 % сельская экономика не растёт (согласно китайским государственным данным), экономика в китайских городах должна увеличиваться на 33 % в год. Городская экономика, конечно, растёт быстро, но всё же не на 33 % в год». (Economic Reports. 26.07.2007. — <http://www.inopressa.ru/>) В-четвертых, китайская статистика не содержала ряда важных показателей внешнеэкономических связей, финансовой деятельности и денежного обращения. В условиях внешнеэкономической открытости Китая эти статистические показатели становятся важнейшими данными.

ративных и плановых органов КНР для нижестоящих. Переход от высокоцентрализованной плановой экономики к социалистической рыночной экономике («социализм с китайской спецификой») поставил новые задачи перед статистикой КНР. Согласно теории статистики, в условиях рынка «статистические методы должны позволять прогнозировать развитие рынка товаров народного потребления, способствовать рациональному регулированию межрегиональных поставок в соответствии со сложившимся разделением труда и национальными особенностями. Разработка механизма изучения товарных ресурсов, их перераспределение, создание гибкой информационной базы спроса-предложения товаров народного потребления является первоочередной задачей коммерческих служб»¹⁴⁷.

В условиях рынка с сохранением макрорегулирующей роли государства в китайской экономике совершенствуются учётно-статистические данные, обобщенные показатели для анализа и прогнозирования, которые служат базой для принятия управленческих решений на макроуровне с отстранением от вмешательства в микроэкономические процессы регионального, отраслевого и иного характера. Специфика рыночных реформ КНР именно в том, что теоретические знания статистики и экономики совмещаются с их предварительной экспериментальной проверкой на практике в отдельных провинциях КНР, а не повсеместно по всей стране. При проведении экономической либерализации подчеркивается экспериментальный характер с дозированным вовлечением мощнейших ТНК мира на китайский внутренний рынок. Статистические прогнозы по-прежнему привязаны к сохранившейся в КНР системе 5-летних народнохозяйственных планов соответственно по годам — 2010, 2015, 2020 гг. Общая логика китайской прогностической статистики предсказывает до 2020 года выход КНР в тройку ведущих государств мира по комплексной мощи и в число 15 ведущих стран мира по уровню индустриализации, использования высоких технологий и конкурентоспособности при вкладе научно-технического фактора в экономику до 65 % и более. В аспекте

¹⁴⁷ Башина О.Э., Спирин А.А. Общая теория статистики: статистическая методология в изучении коммерческой деятельности. – М., 2005. – С. 22.

наличия широкого спектра внутренних проблем важны гарантии обеспечения базовых параметров национальной безопасности — продовольственной, энергетической, экологической, санитарной, транспортной и т.п.

Перед современной¹⁴⁸ статистикой КНР стоят новые задачи приоритетного функционирования макроэкономики страны — экономический рост как обеспечение развития национального производства, товаров и услуг при повышении их качества; занятость населения, связанная с избытком гигантской массы дешевой рабочей силы и недостатком высококвалифицированного труда; обоснованный уровень цен без резких скачков по стабилизации юаня внутри страны и его реальное хождение в приграничной торговле с соседними странами, а также выход в другие регионы и даже континенты; равновесный внешнеторговый баланс импорта и экспорта с сохранением уровня открытости национальной экономики; конкурентоспособность китайских предпринимателей на международной арене и инвестиционная привлекательность страны для иностранных инвесторов.

Статистическая информация о региональном экономическом сотрудничестве публикуется в ежегодниках МВФ, ВТО, АЗБР, АТЭС,

¹⁴⁸ Статистические данные составляются Госпланом КНР, министерствами экономического профиля — Министерство коммерции, Министерство торговли и промышленности, Главным таможенным управлением и т.д. Научные статистические прогнозы выполняются по заказу Академии общественных наук и Госплана институтами — Институт развития села АОН, Институт экономики АОН, Институт мировой экономики, Университет Фудань, Институт экономики промышленности, Институт демографии и экономики труда АОН. Статистическая информация публикуется в газете «Жэньминь жибао», агентстве «Синьхуа», журнале «Хунцы» и других. Статистика публикуется в Статистическом ежегоднике Китая (中国统计年鉴), Материалах китайской социальной статистики (中国社会统计资料), в Материалах переписи населения КНР (中国人口普查资料), Китайском статистическом справочнике (中国统计摘要), а также печатаются правительственные Доклады о модернизации Китая (中国现代化报告).

ЮНКТАД¹⁴⁹. Данные международных организаций сверяются с национальной статистикой азиатских стран. Однако сам процесс учета внешнеторговых операций в разных азиатских странах, в том числе и в Китае, ведётся по разным статистическим методологиям¹⁵⁰, поэтому данные статистики порой не совпадают. Многочисленные проблемы, связанные с несовершенством национальных статистических служб в Китае и в других азиатских странах, сопряжены с объективными сложностями технологического учета торговых и инвестиционных потоков и имеют несколько основных отличий.

¹⁴⁹ ЮНКТАД — орган Генеральной ассамблеи ООН, не являющийся международной торговой организацией. Создан в 1964 г. и насчитывает 168 стран-членов. Основные задачи — содействие развитию международной торговли, равноправному взаимовыгодному сотрудничеству между государствами, выработке разносторонних рекомендаций по функционированию международных экономических отношений. Резолюции, заявления ЮНКТАД имеют рекомендательный характер. Под эгидой ЮНКТАД разрабатываются многосторонние соглашения и конвенции. Высший орган ЮНКТАД — Конференция и Совет по торговле и развитию, в рамках которого работают шесть комитетов.

¹⁵⁰ Статистическая методология как определенный способ видения и организации исследования экономического потенциала интеграции КНР представляет собой общий подход к количественной характеристике свойств и признаков явлений, ситуаций, процессов в непосредственной связи с их качественной определенностью. Будем считать, что методология общей теории статистики по исследованию экономической сферы КНР включает правила и критерии интерпретации оценочных фактов, систему количественных и качественных методов проверки учетно-оценочных и аналитических показателей в контексте поставленных задач, проблематики и тематики интеграции. Поэтому аналитическая методология статистической науки включает наряду с количественными характеристиками системный качественный анализ, в котором китайская экономика функционирует в рамках более широкой региональной и глобальной среды. Суть системного анализа статистики состоит в комплексе интегративных элементов национальных экономик азиатских стран, включая КНР, страны АСЕАН, а также лидирующую «тройку» (КНР, Япония, РК). Системная методология позволяет говорить о взаимодополняемости азиатских моделей развития, о специфических свойствах и отличиях механизма обратной связи, поскольку в региональной интеграции в АТР исследуются не отдельные возможности, а совокупность использования общих ресурсов.

Во-первых, основные потоки товаров в Китае и восточноазиатских странах составляют внутрифирменные поставки с применением трансфертных цен. При этом трансферт носит односторонний характер и не вызывает движения встречного эквивалента. Китай вопреки стандартам МВФ и ВТО проводил жесткую регламентационную деятельность иностранного капитала в стране, после вступления в ВТО (2001 г.) смягченный вариант экономического регулирования сохранился. Подобную политику проводила Япония и отдельные асеановские страны, при которой ориентированность на внешние рынки сопровождалась ограничением допуска на внутренний рынок. Во-вторых, подлинные масштабы торговых и инвестиционных потоков неизвестны. Условность статистических данных о взаимной внешней торговле связана с распространением контрабандных операций, объем которых в отдельных азиатских странах равен или превышает объемы официальной торговли. В притоке ПИИ (прямых иностранных инвестиций) в КНР отмечено влияние оффшорных зон (Британские, Виргинские и Каймановы острова, а для Сянганом ещё и Багамские острова) как движение нелегального собственно китайского капитала. В-третьих, в региональные торговые потоки вливаются товары специфического назначения (вооружение, наркотики и др.) с предположительно высоким процентом торговых операций, неподдающимся статистическому учету. Сюда же можно отнести и неконтролируемые доходы от центра игрового бизнеса Макао (Аомэнь). В-четвертых, в региональном сотрудничестве практикуется широкий размах реэкспортных операций, связанный с двумя крупнейшими центрами посреднической торговли — Сянганом и Сингапуром, скрывающих сведения о движении капитала. Оценки объема торговли и инвестиционного обмена между КНР и Сянганом также неясны. В-пятых, инвестиционная статистика по сравнению со статистикой внешней торговли ещё более несовершенна. Таким образом, современная китайская статистическая служба наряду с другими восточноазиатскими странами нуждается в скорейшей унификации статистической информации.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что возможности и развитие региональной интеграции с участием Китая свя-

заны с экономической политикой государства. Сложнейшие процессы проведения в жизнь экономической политики КНР затрагивают различные слои населения, социальные группы и классы, влияют на виды предпринимательской и трудовой деятельности, формируют социально-экономическую природу среды хозяйственных субъектов рынка, а также требуют повышения роли статистической методологии в отражении процессов экономических преобразований в новых условиях развития сотрудничества и интеграции. То есть национальная специфика огромна как в плане возможностей, так и проблем экономической политики, формирующей основы интеграции в АТР.

§ 3. Цивилизационный потенциал России и Китая и перспективы региональной интеграции

Перспективы региональной интеграции в АТР в новом веке не могут быть оторваны от важнейших мировых проблем. Цивилизационная проблематика развития современного мира, пришедшая на смену формационной парадигме, расширяет и дополняет круг глобальных вопросов, относящихся к экзистенциальному выбору принципов, средств и способов международного взаимодействия и человеческого сосуществования в целом. В условиях, когда Россия и Китай выходят на новые позиции в мировой политике и экономике, все более возрастает интерес к их взаимодействию в плане цивилизационной перспективы развития и соразвития.

В политологических исследованиях уже начался процесс теоретического осмысления и обновления концептуальных и методологических взглядов на развитие региональной интеграции в АТР с учетом цивилизационной специфики России и Китая. В актуальной повестке дня поставлены следующие вопросы. Насколько российская и китайская цивилизации объективно способны в своем региональном взаимодействии стимулировать или, наоборот, ограничивать глобальные тенденции и процессы? Каковы параметры цивилизационного сближения России и Китая?

В глобальном измерении процесс усиления роли экономического фактора в мировой политике и политизация системы между-

народных экономических отношений углубляют роль техногенной парадигмы в развитии человечества, затушевывая цивилизационный фактор влияния, способный выступить в качестве цементирующего механизма региональной интеграции в Восточной Азии. Специфика этой парадигмы определяется не просто чрезвычайно высоким уровнем развития технологий, техники, материального производства, науки и вооружений, но и масштабностью последствий их практического использования, увеличивающих вероятность непредвиденных угроз и гуманитарных катастроф¹⁵¹. Этот момент дополняет актуальную повестку дня идеей нравственной ответственности государств в международно-правовом аспекте её разрешения¹⁵². В противном случае альтернативный подход в мировой политике ведет к потере подлинных духовных и гуманных начал, когда человечество теряет способность нейтрализовать деструктивные вызовы глобализации.

В свою очередь претензии отдельных государств или интеграционных групп на экономическое доминирование в мире формируют и иные принципы международной иерархии, отношений и политики. Мировая политика уже сегодня включает в систему глобального управления новейшие финансовые технологии со спекулятивными способами фабрикация оборота денег и всевозможными методами их виртуального счисления. Поэтому новые волны очередных глобальных кризисов неизбежны: вначале — Азиатский финансовый кризис конца прошлого века, имеющий глобальные последствия, затем — мировой финансовый кризис нового века, приобретший широкий региональный аспект.

Международное взаимодействие таким образом складывается в непростой обстановке конкурентной борьбы, источник которой

¹⁵¹ Аварийная ситуация на Саяно-Шушенской ГЭС показала, по словам Председателя правительства РФ В.В. Путина, насколько важен вопрос ответственности государства перед гражданами, если посмотреть шире, то это вопрос техногенной культуры производства в целом.

¹⁵² В рамках ООН уже разработан документ: «Ответственность государств за международно-противоправные деяния», внесший вклад в кодификацию и прогрессивное развитие международного права. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589. 12 декабря 2001.

коренится в разных уровнях экономического и научно-технического развития. Современный мир сегодня полон внутрицивилизационных конфликтов. Однако спорным является представление о том, что конфликтный потенциал можно предотвратить, апеллируя лишь к общности культур и братским узам солидарности. Увеличение экономического разрыва между высокоразвитыми и слабо-развитыми странами усиливает межцивилизационное напряжение в мире, порождая проблему неравномерного доступа отдельных стран, народов, регионов и целых континентов к материальным благам современной цивилизации, ее научно-техническим и интеллектуальным достижениям. Принимая во внимание актуальность технологического, в том числе и информационного, доминирования одних стран над другими и активные попытки ряда азиатских государств двигаться по пути промышленной цивилизации, догоняя Запад¹⁵³, степень высокотехнологичной и информационной дифференциации государств в будущем будет еще выше, чем дифференциация социальная.

Традиционный национальный контекст особенно для слабо-развитых стран, не обладающих прочным цивилизационным ядром, постепенно вытесняется сложной системой абстрактных норм и ценностей техногенной культуры, подкрепленной политикой «двойных стандартов», односторонних действий и возврата

¹⁵³ «Когда говорят о модернизации, то «большинство предпочитает судить о современности той или иной страны по степени ее приближения или вхождения в мир западной цивилизации, причем последняя выступает как общая мера цивилизованности вообще. Быть современным — значит быть Западом, считаться страной западного типа». В российской научной литературе высказывается мнение, что «модернизация в современном мире есть движение к утверждению в обществе культуры, социальных отношений, типа воспроизводства либерального общества». Когда говорят о «модернизации», то обычно имеют в виду не столько рост промышленного и сельскохозяйственного производства, сколько развитие современных отраслей народного хозяйства, использование в производстве последних достижений науки и техники. Однако, по мнению тайваньских ученых, было бы неправильно сводить модернизацию к этим — чисто «техническим» параметрам». Буров В.Г. Модернизация тайваньского общества. — <http://lib.prometey.org/?id=12823>

рудиментов «холодной войны». На первый план продолжает выдвигаться превосходство западной цивилизации, стирающее специфику национальных культур и ценностей. Однако проблематика цивилизационного анализа процессов региональной интеграции в АТР уже учитывает смену фаз циклического развития восточной и западной цивилизаций. В своё время Н.И. Конрад описал картину переменного наступления: вначале — Востока на Запад, когда массовое передвижение гуннов (кочевых тюркоязычных племен II–IV вв.) дало толчок Великому переселению народов, затем — колониального движения Запада на Восток¹⁵⁴, превратившего великие азиатские державы, в частности Китай и Индию, в зависимые от империалистических государств объекты мировой политики.

Проблема периодичной смены фаз развития восточной и западной цивилизаций по-прежнему актуальна и далека от разрешения. «В целом глобальное развитие даёт основание говорить если не о наступлении, то о приближении незападной фазы, в которой основную роль приобретут черты, характеризующие современный Восток. Сможет ли Китай оказаться адекватен моменту?»¹⁵⁵. Во всяком случае сами китайцы, окрыленные идеей национального возрождения великой китайской нации, включающей в свой цивилизационный социум соотечественников (хуацяо) и тяготеющие к нему сопредельные народы, верят, что XXI век будет золотым веком китайской цивилизации¹⁵⁶. И в первую очередь не столько по экономическим критериям, сколько по гуманистическим характеристикам китайской цивилизации, наиболее востребованными в новейшее время.

¹⁵⁴ Конрад Н.И. О смысле истории: Запад и Восток. — М., 1972. — С. 21–30.

¹⁵⁵ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. — М., 2005. — С. 217.

¹⁵⁶ Китайские дипломаты говорят о том, что еще «в 90-е годы очень популярен был прогноз, в котором говорится, что XIX век — это век средиземноморья, XX век — это век атлантический, XXI век — тихоокеанский». По мере экономических успехов Китая в новом веке прогнозы о его перспективах в АТР и в мире звучат все чаще. У Цзяньминь. Из дипломатической практики. — Пекин, 2007. — С. 183 // 吴建民. 外交案例. 北京, 2007年. 183页.

Вместе с тем огромный развивающийся Азиатский мир с набирающим силу Китаем все больше сближается на цивилизационной основе. «Восточная Азия — это регион древних цивилизаций, находящихся в стадии своего исторического ренессанса. Эти цивилизации способны бросить вызов Соединенным Штатам, провозгласившим себя лидером мирового прогресса и единоличным законодателем системы ценностей в мире»¹⁵⁷. Восточноазиатские страны демонстрируют как высокие экономические темпы развития, так и многообразие культур и ценностей, которые оказались вполне совместимыми с современными научно-техническими достижениями. «Особое внимание к КНР, постепенно занимающей ведущее место в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе, двоякого рода. С одной стороны, результаты синтеза культур в азиатских странах, заимствовавших идеологию экономического роста и построивших себя передовыми технологиями, вызывают чувство беспокойства на Западе. Восток по-прежнему¹⁵⁸ воспринимается им в качестве принципиального оппонента, необходимость борьбы с которым остается императивом существования. С другой, к нему все чаще обращаются с надеждой восполнить утерян-

¹⁵⁷ Крупянко М.И., Арешидзе Л.Г. Восточная Азия после «холодной войны»: зона конфронтации или сотрудничества? — М., 2006. — С. 5.

¹⁵⁸ Китай в течение длительного исторического времени развивался обособленно от европейских стран, имея свои национальные особенности, поэтому на Западе сложились два полярных взгляда на историю китайской политики, философии и культуры. Первая точка зрения заключалась в противопоставлении китайской и западной цивилизаций. Другая, наоборот, сводилась к идеализации отдельных элементов китайской культуры и философско-политических учений, например, этические проблемы конфуцианства в качестве образца для подражания. Общность обеих точек зрения состояла в абсолютизации национальной специфики Китая. Однако конфуцианство в Китае, как известно, сыграло не только позитивную роль, решив многие политические и социально-этические проблемы общества, но и негативную роль, затормозив развитие научного знания за счет канонизации конфуцианства. При этом можно говорить и о том, что китайское общество в переломные моменты истории прошло через пароксизм отрицания конфуцианства и своего прошлого и т.д., в чем есть и частичное сходство с Россией.

ные навыки коллективизма и духовности, ценность которых сегодня проявляется в самых разных сферах»¹⁵⁹.

Однако при аналитическом рассмотрении возможностей и развития региональной интеграции с учетом цивилизационного потенциала РФ и КНР нельзя сбрасывать со счетов политические, экономические и военные реалии Восточной Азии. Поэтому спорным представляется тезис о том, что процессы экономической интеграции могут быть успешными лишь при условии укрепления цивилизационных основ восточноазиатской общности¹⁶⁰. Китай вступает в эпоху ренессанса международных контактов, связей, сотрудничества и интеграции, где фундаментальными являются экономические отношения. В то же время в кризисные моменты в ситуациях геополитического выбора традиции социокультурного притяжения для России и Китая, имеющих устойчивые культурно-цивилизационные стереотипы, являются более значимыми, чем сиюминутные экономические либо политические выгоды. Россия и Китай считают: «XXI век не должен и не может стать исключительно «американским», «европейским» или «азиатско-тихоокеанским» веком, пройти под знаком доминирования какой-либо религиозной или идеологической системы взглядов и ценностей. Он должен и может стать периодом сосуществования и взаимобогащения культур и традиций различных государств и регионов. Россия и Китай, придерживаясь такого подхода как в отношении друг с другом, так и в контактах с третьими странами, будут вносить свой вклад в утверждение подобной тенденции»¹⁶¹. С точки

¹⁵⁹ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. — М., 2005. — С. 11.

¹⁶⁰ «Этическое учение, содержащееся в традиционной китайской культуре не является главной причиной экономического взлета Восточной Азии. Конфуцианская этика помогает решать вопросы, вызванные экономическим ростом и западным образом жизни. Но Сингапур, Корея и Япония живут не только по конфуцианской этике, но и по закону». — Там же. — С. 305.

¹⁶¹ Совместное заявление по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне «Российско-китайские отношения на пороге XXI века». Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 454.

зрения развития региональной интеграции основным требованием времени является диалог цивилизаций¹⁶², в основе которого генерируется не столкновение культур, традиций и ценностей, а движение к взаимопониманию, сотрудничеству и даже к процессу цивилизационного сближения.

Существующий мировой порядок, ограничивающий возможности развития отдельных цивилизаций, вызывает ответную реакцию со стороны восточноазиатских и других развивающихся стран. В частности, Китай берет на себя функции лидера стран развивающегося мира, вместе с тем предпринимая попытки к оспариванию регионального лидерства Японии. Ответы на вызовы современного мира с участием Китая протекают не в форме резкого противопоставления, а в форме повышения статуса Азии на международной арене путем политической, экономической и цивилизационной консолидации и поддержки интеграционных тенденций и процессов. В Восточной Азии активно развиваются различные формы политического и экономического диалога, который носит регулярный и крупномасштабный характер. Экономическое сотрудничество и движение к региональной интеграции в Восточной Азии проходит на фоне консолидации политических партий азиатских стран.

Наглядным примером является регулярное проведение Международных конференций политических партий Азии, которые представляют собой крупномасштабную площадку для открытого диалога более двухсот политических партий и организаций из более пятидесяти стран мира. Международные конференции азиатских политических партий начались в 2000 году и стали одной из авто-

¹⁶² «Диалог культур возник вместе с возникновением человечества. Все памятники древних культур и цивилизаций несут диалогический характер: Библия, Коран, Упанишады, тексты учений Конфуция, Будды, Лао-цзы, Заратустры и другие, не говоря уже о текстах Платона и других выдающихся мыслителей древности, Средних веков, Нового времени и современности. Можно сказать, что диалогический характер пронизывает всю практическую и теоретическую жизнедеятельность человека и человеческого общества на всем протяжении их исторического развития». *Долгов К.М.* Философские измерения политики, дипломатии и культуры. – М., 2007. – Т. 4. – С. 53.

ритетнейших организаций всего Восточноазиатского полушария. Первая встреча состоялась в сентябре 2000 г. в столице Филиппин городе Манила, вторая — в ноябре 2002 г. в столице Таиланда городе Бангкоке, третья — в Пекине в сентябре 2004 года и т.д. Пекинская международная конференция политических партий Азии, организованная Коммунистической партией Китая, имеет большое историческое значение для повышения политического статуса КНР в регионе и в мире. Пекинская декларация выражает главный смысл консолидирующего политического движения в Азии: «Мы выступаем против войны, агрессии и диктата. Мы стремимся к многостороннему сотрудничеству. Мы уверены в том, что гарантия мира — справедливость¹⁶³»¹⁶⁴.

В сентябре 2009 г. Международная конференция политических партий Азии состоялась впервые в центральноазиатской столице Казахстана Астане, расширив зону политического диалога. В проблематику Международных конференций политических партий Азии входит широкий круг вопросов многостороннего экономического сотрудничества и региональной безопасности, партийного строительства, последствий выхода из мирового финансового кризиса и других насущных проблем регионального и глобального характера. Главная идея Международных конференций политических

¹⁶³ В Китае и на Западе существует разное представление о справедливости, а также о правах человека как нравственных регуляторов социальных изменений в обществе. Азиатский подход к правам человека, в отличие от западных традиций, не сводится к концепции преступления и наказания, а заключается в создании условий для соблюдения прав человека в обществе. Человек не оторван от азиатского общества посредством индивидуалистической парадигмы самозащиты и изоляции, а, наоборот, находится в эпицентре его коллективистских интересов на основе парадигмы самоограничения своих индивидуальных воли и желаний во имя общего блага. Азиатский позитивизм, опирающийся на положительный пример, исторический прецедент и приверженность цивилизационным ценностям, отчасти объясняет терпение, трудолюбие, неприсохлость китайцев в быту и их толерантность в отношениях с другими народами. Тем не менее основной смысл претензий Запада к Китаю сводится к нарушению прав человека.

¹⁶⁴ Пекинская декларация Международной конференции политических партий Азии. – 2004. – Сент.

партий Азии — это обмен, сотрудничество и развитие. Регулярное проведение международных форумов политических партий Азии способствует развитию международных связей и региональной интеграции. В широком политическом диалоге принимают участие представители Секретариата Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии, Шанхайской организации сотрудничества, Генерального секретариата Азиатской парламентской ассамблеи, а также других международных институтов Европы и Америки.

Огромный консолидирующий потенциал имеют также Боаоский азиатский форум, собирающий представителей политических, торгово-экономических и научных кругов в целях проведения экономического диалога между Востоком и Западом, и Всемирный форум китайских предпринимателей, задействующий мобилизационный потенциал китайских соотечественников и использующий диалог для содействия трансформации экономики Китая и региона в целом. На подобных неправительственных форумах и неформальных встречах, демонстрирующих цивилизационную целостность Азии и привлекающих внимание мирового сообщества, рассматривается преимущественно экономическая проблематика, которая имеет самый широкий политический и цивилизационный контекст. Их смысл — построить гармоничную и процветающую Азию на основе постепенного и всестороннего развития сотрудничества и интеграции. Масштабность подобных общественно-политических, партийных и экономических форумов впечатляет. Паназиатский механизм сотрудничества, рассматривающий глобальные проблемы под азиатским углом зрения, способствует зарождению изнутри интеграционных явлений, появлению новых форм участия все новых и новых азиатских субъектов международных отношений и естественным образом повышает политический вес восточноазиатских государств в Азии в целом. Мощное консолидирующее движение Азии, имеющее международный резонанс, равносильно вызову Западу, а, следовательно, влиянию высокоразвитых держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Решение сложных мировых вопросов неотделимо от исторического, политического, экономического и цивилизационного взаимодействия сопредельных азиатских народов в АТР, неотъемлемой

частью которого является российское тихоокеанское побережье. Поиск новых путей прогрессивного цивилизационного развития России и Китая сопряжен с общими закономерностями социально-экономического развития стран региона в связи с необходимостью решения идентичных задач и наличием объективных предпосылок расширения внутрорегиональных связей. Как полагают российские ученые, «российская и китайская цивилизации окажутся более стабильными и устойчивыми именно во взаимодействии друг с другом... из ситуации некоторой неопределенности и расширяющихся возможностей Россия и Китай выйдут в виде двух культурно-цивилизационных систем, которые будут лучше других подогнаны друг к другу. Они будут иметь меньше напряженностей на своих границах, окажутся способными быстрее оптимизировать взаимодействие своих внутренних частей. В дальнейшем именно в российской и китайской цивилизациях посредством политических, юридических, экономических конструкций новый культурный порядок закрепится значительно проче и станет более целостным. Однако в период выбора этого нового порядка на просторах Евразии необходимо постоянно стимулировать уже сложившееся российско-китайское стратегическое взаимодействие, которое способно стать одним из главных международных факторов нейтрализации нестабильности, пресечения и погашения региональных и даже глобальных конфликтов»¹⁶⁵.

Российскую и китайскую цивилизации относят к сложным типам, состоящим из гетерогенных начал суперэтнического¹⁶⁶ плана, являющихся источниками адаптируемости, жизнестойкости и ди-

¹⁶⁵ *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. — М., 2005. — С. 38–39.

¹⁶⁶ Мультиэтнический состав населения — яркая особенность Китая. Наряду с доминирующим ханским суперэтносом (92 % населения) существуют 55 официально признанных этносов, имеющих свои культурные традиции и мифологию (Тибет, Синьцзян, южные провинции КНР и др.). Сравнительно крупные меньшинства — хуэйцы, маньчжуры, монголы, тибетцы, уйгуры, мяо, и, буи, корейцы, казахи. Общественно-политическая обстановка в Китае / Под ред. *Сяо Ли*. — Пекин, 2005. — С. 28 // *中国国情*. 肖立编著. 北京, 2005年. 28页.

намизма в противоречивых условиях трансформации глобального мира. Все более укрепляющаяся цивилизационная самодостаточность РФ и КНР, понимаемая как высокая степень целостной организованности, спаянности и синтеза отдельных частей и разнородных культурных начал, является залогом их внутренней и внешней политической стабильности и устойчивого развития. Российские ученые также говорят о «чувстве континентального единства» двух соседних народов. Порой эти высказывания далеки от политики, но глубина подобных мыслей рождает консолидирующие элементы сопричастности российского и китайского народов к единой человеческой цивилизации. «Это поразительное чувство континентального единства, общности «почвы и судьбы», которое возникает из очертания рельефа, складок земли, ее выпуклостей и впадин, ее дыхания, веяния, той особой музыки, которую китайские мудрецы называли флейтой земли. Эта континентальная общность гораздо выше политических разногласий и недопонимания, какие случались между нашими странами, особенно в прошлом веке... Китай ворвался в третье тысячелетие могучим драконом — великой континентальной державой. Россия постепенно возвращает себе былую славу и величие, и от единства наших двух стран во многом зависит будущее не только евразийского континента, но и всего мира»¹⁶⁷.

В плане цивилизационной перспективы развития и достойного присутствия на международной арене Россия имеет специфические национальные особенности. В аспекте увеличения возможностей региональной интеграции необходимо учитывать «особенности российской духовности и менталитета, историю и национальные традиции, понимание нравственных императивов и ценностей как обеспечение национального согласия и единства, социальной справедливости, сохранение евразийских культурно-этнических и территориально-природных ценностей, а также особую роль нашей страны в достижении безядерного мира, демилитаризации и

¹⁶⁷ *Бежин Л.* Дракон, играющий с жемчужиной // Российская газета. — 2007. — № 61п (4324). 26 марта.

конверсии»¹⁶⁸. Но надо учитывать и негативные моменты проявления интеграционных тенденций и процессов. Известный дипломат и ученый А.С. Капто говорит о «проблемах, возникающих в результате соприкосновения нравственных ценностей Востока и Запада в условиях ложно трактуемой «либеральной» версии абсолютной «открытости» нашего общества при практически полной атрофии существующих и неразработанности необходимых новых демократических правовых и моральных регуляторов нравственной жизнью»¹⁶⁹. Российский востоковед В.Г. Буров высказывает свою точку зрения: «В настоящее время существует двойкий подход к опыту стран и районов азиатско-тихоокеанского региона. Одни ученые и политики утверждают, что хотя сам по себе их опыт развития и представляет интерес, он совершенно неприемлем для российских условий ... Другие, выражая сожаление по поводу невостребованности опыта азиатских стран, в то же время полагают, что поскольку Россия в последние годы избрала западную (точнее американскую) модель развития, путь этих стран для нее уже исключен. Безотносительно от того, справедливы или нет подобного рода утверждения, изучение опыта модернизации азиатских стран имеет немаловажное практическое значение для развития России, прежде всего в методологическом плане»¹⁷⁰.

Российский цивилизационный потенциал наиболее востребован в настоящее время, когда идея этического измерения в международных отношениях и нравственной ответственности государств при доминировании техногенной парадигмы отодвигается на задний план мировой политики. Большинство ученых сходятся во мнении, что актуальность проблемы нравственной ответственности государств в мировой политике возрастает не только в теоретическом, но и практическом аспекте. «Ответственность затрагивает

¹⁶⁸ *Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И., Циканов М.М., Шопхоев Е.С.* Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. — М., 2002. — С. 62.

¹⁶⁹ *Капто А.С.* Международный контекст нравственных проблем современной России // Мир и политика. №9 (24). — 2008. — Сент. — С. 9.

¹⁷⁰ *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества. — <http://lib.prometey.org/?id=12823>

не только государственный суверенитет, существует не только в пространстве национального интереса, но и касается морального долга государства перед человечеством в целом: речь идет о таких сферах его существования, как экология, развитие, мировая экономика, демография, права человека и распространение насилия»¹⁷¹.

Россия имеет огромный интеллектуальный потенциал, неотделимый от духовной культуры, который является весомым преимуществом страны в решении глобальных проблем и стратегическим ресурсом в процессе интегрирования в региональную и мировую систему. «В настоящий момент АТР по объему ВВП можно сравнивать с США и ЕС, несмотря даже на существенно меньшую степень политической и экономической интеграции стран региона в мировое сообщество. Сейчас необходимо рассматривать Восток России как площадку, позволяющую осуществлять влияние на интенсифицирующиеся социально-экономические процессы в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Это обстоятельство вместе с тем означает рост угрозы безопасности восточной части России, поскольку здесь интересы страны неизбежно сталкиваются с интересами других государств, в частности КНР, Японии, Республики Корея, США»¹⁷². Однако интеллектуальный потенциал России на Дальнем Востоке постепенно утрачивается. «Сегодня частным предпринимателям и крупным хозяйствующим субъектам, ориентирующимся на временное пребывание в регионе, выгоднее продавать сырье, нежели заниматься его переработкой. На фоне уменьшения численности экономически активного населения и снижения уровня профессиональной квалификации такая ситуация самым непосредственным образом порождает угрозу безопасности региона. Как уже отмечалось, в основном из региона выезжают наиболее дееспособные и профессиональные кадры. На их места приходят менее квалифицированные, в целом снижая конкурентоспособность экономики всего региона и создавая благоприятные условия для ее поглоще-

¹⁷¹ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2005. – С. 399–400.

¹⁷² Романов И., Забаев И., Чернов В. Геополитика России. Стратегия восточных территорий. Отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 47.

ния динамично развивающимися азиатско-тихоокеанскими соседями»¹⁷³. Гельбрас В.Г. говорит о нелегальном механизме действия «черных» схем в финансово-кредитной системе Дальнего Востока России, в которую через посреднические российские фирмы проникают подпольные китайские банки, финансирующие торговые операции китайских мигрантов¹⁷⁴.

Стремление Китая к научно-техническому прогрессу и активный рост его экономики рождает прогнозы о превращении XXI века в «век Китая» как альтернативы глобализации по-американски. В условиях интенсивного развития информационного общества, в котором информация является товаром, а информационные технологии превращаются в стратегический ресурс комплексной мощи государства, все более заметно расширение мирового распространения китайского языка¹⁷⁵. «Недалеко время, когда находится на переднем крае научно-технического прогресса станет трудно без чтения литературы на китайском языке»¹⁷⁶. Рост материального потенциала культурной отрасли КНР и обновление китайской культуры посредством межкультурного синтеза уже сегодня создают реальные предпосылки для глобальной проекции китайских цивилизационных ценностей в мир. Межкультурному синтезу способствует проведение национальных годов России и Китая в соответствии с комплексным Планом действий по реализации положений российско-китайского Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, продленным с 2009 по 2012 гг. Данные проекты являются концентрированным выражением стремления руководителей и народов двух соседних государств к расширению связей, сотрудничеству и интеграции. Проведение национальных годов демонстрирует высокий уровень двусторонних отношений, придает новый

¹⁷³ Романов И., Забаев И., Чернов В. Геополитика России. Стратегия восточных территорий. Отв. ред. О. Платонов. – М., 2008. – С. 62.

¹⁷⁴ Гельбрас В. Г. Перспективы китайской миграции на Дальнем Востоке // Отечественные записки. – 2004. – № 4. – С. 11.

¹⁷⁵ Китайский язык еще в 2005 г. изучали 30–40 млн иностранцев, к 2010 г. это число может достичь 100 млн.

¹⁷⁶ Овчинников В. Время изучать китайский язык // Российская газета. – 2007. – № 61п (4324). – 26 марта.

импульс сотрудничеству и способствует углублению взаимопонимания между российским и китайским народами. В истории связей между двумя странами подобный опыт имеет беспрецедентный и даже уникальный характер по своим масштабам, уровню инициативных предложений и новаций¹⁷⁷. Крупнейшим событием в рамках Года России в Китае является открытие Российско-китайского экономического форума деловых кругов (2006 г.) в качестве новой платформы для диалога, расширяющей возможности культурного, политического и экономического сотрудничества и дальнейшего развития интеграционных процессов.

Однако пока Китай не в состоянии изменить существующую международную иерархию с доминированием западной техногенной цивилизации и предложить более действенную модель по развитию процессов региональной интеграции. В цивилизационном плане политические процессы в Китае и в странах Восточной Азии зависят от состояния современного Запада. По мнению российских ученых, «несмотря на охватывающий западную интеллектуальную элиту пессимизм, Китай отдает отчет, что пока не в состоянии противопоставить ничего, что могло бы нарушить сложившуюся иерархию, в которой за Западом сохраняется роль мирового лидера, и по-прежнему продолжает у него учиться, хотя и не так восторженно, как раньше, признав достоинства собственной традиции. В КНР существует понимание того, что ее успехи и экономический рост ЮВА, выдвинув конфуцианство на авансцену мировой культуры, не означают, что теория «ведущей роли восточной культуры» заменит теорию «центрального места западной культуры». Если по валовым экономическим показателям ситуация еще может изменить-

¹⁷⁷ «Мероприятия в рамках Года России в Китае и Года Китая в России углубили политическое взаимодоверие, содействовали развитию сотрудничества двух стран во всех сферах, укреплению взаимного уважения, взаимопонимания и традиционной дружбы между народами двух стран, наполнили мощной энергией российско-китайские отношения партнерства и стратегического взаимодействия. Главы государств утвердили перечень мероприятий национальных Годов, которые отныне будут проводиться на регулярной основе». Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине. 24 мая 2008. – <http://www.kremlin.ru>

ся в обозримом будущем, то по уровню развития фундаментальной науки и высоких технологий — важнейшего источника западного могущества — представить это пока невозможно. В этих условиях надежды на появление новой цивилизационной (социально-исторической) инициативы связываются с Востоком только при условии глубочайшего кризиса Запада и неизбежного вследствие этого кризиса всего нынешнего мироустройства»¹⁷⁸.

Все дело в том, что китайское общество перестраивается. Акцент в развитии Китая сделан преимущественно на экономические критерии по созданию предпосылок экономической интеграции в современный мир. Соответственно новая степень интегрирования в мировую экономическую систему, новые элементы социальной организации¹⁷⁹, сформированные высокотехнологичными отраслями и другими параметрами современного производства, новые темпы развития — вызывают к жизни проблему и нового определения цивилизационной идентичности. Индустриальный стиль развития государства требует более органичного алгоритма хозяйственной деятельности и организации культурной¹⁸⁰, соци-

¹⁷⁸ *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2005. – С. 211.

¹⁷⁹ Сами китайцы констатируют изменения в социальной сфере. «Бум корпоративной культуры начался в Японии и США, очень быстро распространился по всему миру и обратил широкое внимание предпринимательских и научных кругов всех стран. Корпоративная культура примерно в 1984 г. пришла в Китай и очень быстро добилась всеобщего признания и отклика в предпринимательских и управленческих кругах. По мере углубления реформ открытости шло постепенное формирование корпоративной культуры и ее внедрение в жизнь, а также всестороннее проникновение на рынок. В результате в процессе развития корпоративной культуры в Китае выявились свои особенности». *Сюй Чаолян, Чжан Юйцин, Сюй Цзыюнь.* Победить в Китае: практическое руководство для начинающих. – Пекин, 2008. – С. 337 // 徐朝亮, 张玉清, 须紫云. 赢在中国: 零起点创业实战手册. 北京, 2008年. 337页.

¹⁸⁰ «В конце 80-х г. XX века феминизм в международных отношениях стал распространяться в Англии, Америке, Италии и других европейских странах. С середины 90-х годов эта часть научного знания в международных отношениях стала быстро распространяться и в Китае, приобретая национальные черты». *Ли Интао.* Феминизм в международных отношениях.

альной и политической жизни общества. Включаясь в борьбу за высокие технологии, мировые сырьевые ресурсы и рынки сбыта, китайское общество на глобальном уровне так или иначе попадает под мощное воздействие рассогласованных векторов цивилизационных потоков. В общественно-политическом плане появляется необходимость согласования разнородных понятий — рыночная экономика и патриотизм, социальное неравенство и справедливость, борьба с коррупцией и высокая нравственность. С точки зрения цивилизационной стратегии развития стоит проблема соотношения трех составляющих. Это основные положения западноевропейской теории марксизма по строительству социализма с китайской спецификой, отношение к китайской традиционной культуре и к культуре Запада в контексте отказа от «вестернизации» и западных моделей политической системы с разделением властей, сменяемостью правящих партий в связи со всеобщими выборами. Китай предлагает свою модель цивилизационного развития общества, в которой наиболее масштабные экономические, политические, социальные и цивилизационно-культурные изменения проходят под руководством государства. Российские ученые констатируют: «Концептуальным завершением поисков можно считать провозглашенный на XVI съезде тезис о взаимоувязанном строительстве трех культур: материальной, духовной и политической, воплотивших материальное превосходство Запада, социальную справедливость социализма и политические традиции, в сумме представляющих новую идентичность Китая»¹⁸¹. Китайские политологи также уделяют внимание теоретическому осмыслению цивилизационной проблематики по мере обновления идеологических установок КПК. «Фактор политического развития социализма в Китае обусловлен рядом сложных обстоятельств, в которых можно выделить несколько направлений. Первое — это зависимость от традиций китайской политической культуры, второе — от влияния

– Ханчжоу, 2006. – С. 379 // 李英桃. 女性主义国际关系学. 杭州, 2006年. 379 页。

¹⁸¹ Виноградов А.В. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2005. – С. 200.

политической культуры Запада, третье — от форм существующей политической борьбы и политических интересов государства на международной арене. Под влиянием этих и других факторов политическое развитие социализма в Китае имеет свои особенности. В отношении направляющей идеи политического развития и выбранного курса по развитию социализма Китай руководствуется марксизмом, идеями Мао Цзэдуна, теорией Дэн Сяопина и основной идеологией «трех представительств» — эти направляющие идеи являются духом и руководством в деле политического развития социализма в стране»¹⁸².

Политическая культура, ценности и нормы которой имеют первостепенное значение для сохранения единства политической системы, не возникает в одночасье, а также медленно поддается изменениям. Китай — одна из самых древних и устойчивых цивилизаций мира, а также одна из самых крупнейших, длительных и жизнеспособных империй мира с более чем четырехтысячелетними традициями китайских династий¹⁸³. Многие элементы современной политической культуры в мире описывались еще мыслителями древности как в русле западной политической традиции (Платон, Аристотель), так и восточной (Лао-цзы, Конфуций, Мэн-цзы, Мо-цзы, Сюнь-цзы, Чжуан-цзы, Шан Ян, Хань Фэй-цзы, включая древнейший военно-теоретический канон Сунь-цзы и У-цзы, и другие¹⁸⁴), которыми так изобилует китайская философская политическая мысль. Древние политические учения Китая опирались на философские предпосылки так называемого ицзиньского направ-

¹⁸² Шэнь Вэньли, Фан Цин. Основы политологии. – Пекин, 2007. – С. 274 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年. 274 页。

¹⁸³ Классическая периодизация исторических эпох и политических династий Китая: Китайско-русский словарь / Под ред. Ся Чжунъи. – М., 2003. – С.1243.

¹⁸⁴ Традиционные принципы китайской политики, искусство управления и политическая стратегия изложены в классических трактатах «Гуй Гу-цзы», «Тридцать шесть стратегем», «Книга Основ», «Книга сердца», «Хань Фэй-цзы», «Четыре канона Желтого Владыки», конфуцианский трактат «Чжун юн». См. подробно: Малявин В.В. Искусство управления. – М., 2003. Буров В.Г. Учение о середине // Конфуцианский трактат «Чжун юн» / Под ред. А.Е. Лукьянова. – М., 2003.

ления, зафиксированные в Книге перемен, несшего в себе элементы стихийной диалектики, в которой процесс изменений и превращений для китайцев того времени представлял мировой процесс и содержание всего бытия. В недрах даосизма, конфуцианства, моизма, легизма, натурфилософии зарождаются те проблемы, понятия и категории, которые становятся традиционными для всей последующей истории Китая. Философские истоки оказали громадное влияние на политическую культуру китайского общества.

Политическая культура, отражая традиции народа в сфере государственной власти и политики, по-своему интегрирует общество, обеспечивая привычные формы¹⁸⁵ внутривластной стабильности КНР, сохраняя цивилизационные основы и повышая способность страны противостоять неблагоприятным воздействиям извне. Поэтому Китай отвергает ускоренную политическую модернизацию, к которой его настойчиво подталкивают западные страны во главе с США, считающие демократические ценности панацеей от всех бед¹⁸⁶. «Демократия в Китае имеет свои особенности. Китайская демократия также неотделима от народных выборов, от права контроля и народного участия, но что касается специфики системы выборов, контроля и участия, то все они имеют яркие отличия, свойственные Китаю. Западные ученые, рассуждая о демократической политике, выделяют три основных критерия: первый — многопартийность, второй — три ветви власти: судебная, исполнительная и законодательная, и третий — всеобщие

¹⁸⁵ «Нельзя не считаться с тем, что политическая культура Китая, свойственная и до сего времени огромному большинству современного китайского общества, связывает свои идеальные представления об оптимальном управлении отнюдь не с распространенными на Западе идеями «баланса властей», «сдержек и противовесов» и прочими политическими механизмами, но преимущественно с моралью и нравственностью правителей. Источником легитимности авторитарной власти издревле считались её честность, неподкупность и способность заботиться о народе». Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 47–48.

¹⁸⁶ «Демократизация Китая не имеет практического содержания». Сян Ланьсинь. Традиции и внешние связи: комментарии китайско-американских отношений в идеологическом аспекте. Пекин, 2007. – С. 85 // 相蓝欣. 传统与对外关系: 兼评中美关系的意识形态背景. 北京, 2007年. 85页.

выборы главы государства. Демократическая политика Китая по многим параметрам отличается от демократической политики Запада. Например, в партийной системе Китай не внедряет многопартийную систему, а проводит систему одной правящей партии в сотрудничестве с другими партиями; в области осуществления властных полномочий в Китае нет разделения на три ветви власти, а внедряется система собрания народных представителей, где главными является право человека на жизнь, право на работу, право на собственность, а также право принимать решения, исполнять их и контролировать; что касается выборной системы, то глава государства не занимается всеобщими выборами, ими косвенно занимается Всекитайское собрание народных представителей¹⁸⁷.

Традиционные ценности сплачивают национальные меньшинства внутри доминирующего ханьского суперэтноса и китайскую общину (хуацяо) за рубежом. Для Китая важно цивилизационное интеграционное сближение с Гонконгом, Макао и Тайванем. «Жители Гонконга и континентального Китая используют одну и ту же письменность и говорят на одном и том же языке, у них одинаковые привычки, предприниматели из Гонконга в деталях знают и глубоко понимают политику континентального Китая, состояние его науки и техники, трудовых и природных ресурсов. К этому следует добавить горячую любовь жителей Гонконга к Родине и сильнейшее стремление к усилению и процветанию государства¹⁸⁸. Конфуцианская составляющая политической культуры и её развитие в современном контексте повышает также международный авторитет Китая среди развивающихся стран за пределами азиатского региона, которые недовольны политикой доминирования Запада. «Собственно «политика» в западном понимании этого слова в принципе чужда китайской культуре. Государство в Китае всегда было скорее этическим, чем политическим. Политика же понималась почти исключительно как администрирование. В принципе

¹⁸⁷ Юй Кэпин. Эмансипация мышления и политический прогресс. – Пекин, 2008. – С. 236–237 // 俞可平. 思想解放与政治进步. 北京, 2008年. 236–237页.

¹⁸⁸ Сюй Чжунмин. Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007. – С. 126.

мало чем отличаются в этом отношении и другие страны Азии с конфуцианской культурой. Здесь граждане пользуются большими или малыми индивидуальными свободами, но политика как особая сфера общественной жизни, как пространство для конкуренции различных политических сил отсутствует»¹⁸⁹. В древнем Китае запрещалось даже произносить народу такие слова, как «государственное правление», «общественное устройство» с тем, чтобы предотвратить мятежи и держать низы в повиновении. «Рассуждать о высоких вещах, занимая низкое положение, есть преступление»¹⁹⁰. Поэтому современные китайские политики связывают процесс политических преобразований прежде всего с приоритетом создания экономических, правовых, культурных и морально-этических условий для постепенного вовлечения народа в управление государством, который не имеет ни традиций, ни политических навыков подобного участия, ни необходимого культурного уровня. Основными направлениями совершенствования политической системы КНР считается укрепление власти закона, повышение роли законодательных институтов и сокращение административного вмешательства¹⁹¹ в экономическую жизнь общества.

Новое звучание в современной политике Китая получают не только основы неоконфуцианства, но и буддийские элементы, совпадающие или перекликающиеся с конфуцианскими. В современном Китае распространена такая разновидность буддизма, как ламаизм (тибетский буддизм)¹⁹². И если кто-то скажет о негатив-

¹⁸⁹ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай – Россия 2050: стратегия соразвития. – М., 2006. – С. 47.

¹⁹⁰ Мэн-цзы. Собрание классических текстов. – Пекин, 1956. – Т. 1. – С. 418.

¹⁹¹ «Нельзя не поражаться необыкновенной действенности власти в Китае, которая была способна держать в повиновении и при необходимости мобилизовывать и направлять гигантские массы людей, почти не прибегая к принуждению. Большинство жителей Срединной империи умиралы, так и не увидев лицо не то что государственного чиновника, но даже его представителей из числа мелкого служилого люда. Но кто скажет, что в Китае не было порядка?» *Малявин В.В.* Искусство управления. – М., 2003. – С. 11.

¹⁹² Концепции тибетского буддизма отражены в многотомном каноне «Ганджур», а в храмах города Лхаса Тибетского автономного района КНР

ном влиянии буддийского фактора в китайском Тибете, например, в свете трагических мартовских событий 2008 года в Лхасе, где мирная демонстрация буддийских монахов переросла в массовые беспорядки, то можно возразить, поскольку меняется не сам буддизм, а меняются его представители. Недаром правительство КНР причислило Далай-Ламу, находящегося за границей и стремящегося оказывать влияние на буддийских адептов в Тибете, не к религиозному лидеру, а к политическому. Как известно, политика — слишком изменчивая сфера деятельности не только в Китае, но и в российской действительности. Политическая трансформация мира связана с процессом искажения разнообразных политических теорий, фальсификацией исторического наследия и традиций.

Сущностная направленность буддизма на гармоническое многообразие в единстве всего живого остаётся прежней. Философская истина буддизма касалась сущности человека и бытия и что самое главное — смысла человеческого существования, находящегося в гармонии с природой и космосом. Нельзя отрицать и познавательную сущность буддизма в процессе самоидентификации человека, а также позитивное влияние буддийского фактора, направленного на гармонию и поиск смысла человеческого существования. Современное влияние буддийской религии на политическую стабильность в китайском обществе говорит об её исторической укоренённости и жизнеспособности. Тибет в составе КНР переживает потрясающие перемены, связанные с переходом от крайне отсталого, средневекового состояния к современной цивилизации. Идеалы гармонического построения общества и гармонизация¹⁹³ отноше-

выгравированы доски с текстом «Данчжура» для последующего тиражирования этого буддийского канона.

¹⁹³ «Гармоничный мир требует от нас сформировать общее понимание того, что мы обладаем общим земным шаром, человеческий род — это одна семья. Исходя из высокой позиции, что «весь мир — это одна семья» и «человек и природа — едины», необходимо самим прийти к пониманию того, что надо сохранять природную и экологическую обстановку, разумно развивать и использовать ресурсы земного шара, чтобы человек и природа находились в дружественных отношениях, вечно продолжали свое развитие». *Юй Кэтин.* Эмансипация мышления и политический прогресс. – Пе-

ний Китая с миром выступают в качестве одной из основ интеграции Китая в систему мирохозяйственных связей.

Специфический характер политической культуры Китая в определенной мере позволяет прогнозировать внешнеполитические действия китайского государства на международной арене, а также политическую ситуацию внутри страны. Приоритетное направление внешней политики КНР — упрочение связей с соседними государствами, развитие сотрудничества и региональной интеграции как гарантия мирных условий для решения внутривнутриполитических проблем. Но взвешенная и сдержанная внешняя политика Китая не лишена стереотипов азиатской системы ценностей, которые могут играть роль деструктивных факторов в региональной интеграции в АТР. Это и китаеццентристский характер представлений; и цепкая негативная историческая память в отношении Запада и других держав, в том числе и Японии; и субъективные представления о миропорядке с тенденцией сохранения амбициозных марксистско-маоистских претензий («догнать» и «перегнать») ускоренного наращивания совокупного потенциала государственной и военной мощи; и национальное понимание справедливости (не исключается силовой фактор в политике при определенных условиях); и глобальная проекция китайских ценностей с усилением националистических тенденций о превосходстве китайской нации. В то же время в китайской политической культуре центральное место занимают те ценности, установки, ориентации и стереотипы, которые направлены на сохранение существующей политической системы. Для представителей азиатского ареала культуры характерно подчинение интересов личности интересам коллектива, стремление избежать конфликта, доверие к власти, иерархическая подчиненность верхов и низов, правителей и подданных, отца и сына, старшего брата и младших братьев, мужа и жены.

Политическая культура Китая, понимаемая в более широком смысле как политическое измерение культурной среды в обществе с учетом особенностей цивилизационного развития, позволяет

кин, 2008. – С. 256–257 // 俞可平. 思想解放与政治进步. 北京, 2008年. 256–257页。

глубже исследовать причины множества политических конфликтов как национального, так и международного характера. Ценностные критерии и стандартные оценки политических явлений и действий власти, национальные и локальные мифологии и философские предпосылки политических теорий, как и сами теории, ментальные стереотипы и политические символы демонстрируют как различия государственных систем, несмотря на структурное сходство институтов власти, так и содержательные характеристики цивилизационных основ политической культуры отдельных наций, народов, этносов и государств.

Политологический анализ цивилизационного потенциала России и Китая в контексте перспектив, возможностей и дальнейшего гармоничного развития региональной интеграции позволяет сказать, что новые политические и экономические изменения глобального мира предъявляют странам Восточной Азии и АТР в целом новые требования. Активная политика России и Китая в области их национального развития обладает преимущественным цивилизационным потенциалом. Процесс цивилизационной самоидентификации РФ и КНР, сопряженный с настойчивым поиском нового места в мировой политике и экономике, не может не вызывать уважение международного сообщества. Цивилизационный фактор современного развития двух соседних государств РФ и КНР выступает в роли актуального цементирующего механизма сотрудничества и интеграции, подчеркивая целостность евразийского пространства.

Глава II.

Уровень и проблемы регионального сотрудничества между Россией и Китаем

§ 1. Состояние российско-китайского регионального сотрудничества к началу XXI века

Современный уровень регионального сотрудничества между Россией и Китаем формирует новые возможности взаимодействия национальных рыночных экономик, территорий, культур, народов и политических систем двух соседних государств и оказывает влияние на развитие многосторонних процессов региональной интеграции в АТР. Российско-китайские отношения современного периода имеют 60-летнюю историю развития, хотя традиционная политическая основа взаимоотношений народов России и Китая насчитывает почти четыреста лет. Официальный отсчет дипломатических отношений берет свое начало с Нерчинского договора о границе 1689 года (Головин Ф.А. — Сонготу) — первого международно-правового документа, подписанного двумя соседними государствами. «Сейчас мы все время говорим о новом этапе развития российско-китайских отношений. Но новый этап не может быть без старого этапа. Мы не можем начинать с чистого белого листа. Нам очень важно показать, что мы уважаем все этапы российско-китайских отношений, как в 50-е годы, так и сегодня»¹⁹⁴.

Двусторонние отношения между бывшим СССР и КНР начинаются с Соглашения об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой от 2 октября 1949 года (Громыко А.А. — Чжоу Эньлай)¹⁹⁵, т. е. фактически сразу после образования КНР 1 октября 1949 года. В политическом отношении этот

документ выступал в качестве инструмента внешней политики СССР, содействуя развитию сотрудничества государств социалистической идеологической системы. Он означал политическую поддержку СССР правительства Китайской Народной Республики, об образовании которой Мао Цзэдун всенародно провозгласил на площади Тяньаньмэнь в Пекине. Причем правительство СССР первым проявило политическую инициативу, уведомив правительство КНР о своем решении установить дипломатические отношения и обменяться послами.

С позиций международного права СССР использовал форму международно-правового признания де-юре как полное и окончательное признание нового правительства и государства КНР, а не де-факто, при котором объем наступающих правовых последствий меньше. Признание де-юре, как правило, означает, что советская сторона считает новое правительство достаточно эффективным, чтобы выступать в межгосударственных отношениях представителем китайского государства. Российские юристы-международники в данном случае констатируют традиционный вид международного признания. «После провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики СССР признал правительство КНР, а не саму КНР»¹⁹⁶, поскольку изменение политического строя в стране не привело к серьезным территориальным последствиям. Дипломатическое Соглашение (Громыко А.А. — Чжоу Эньлай) в форме обмена письмами как своеобразный способ заключения договора¹⁹⁷ отражает уверенность советской стороны в том, что новое прави-

¹⁹⁶ Кузнецов В.И. Международное право. — М., 2001. — С. 60.

¹⁹⁷ Что касается разновидностей письменных договоров, то в отношении их каких-либо требований Венская конвенция от 1989 г. не устанавливает. «Принято считать, что форма не влияет на международно-правовую действительность договора. Право международных договоров не знает нормы, устанавливающей обязательную форму договора. Российское законодательство также не связывает юридическую полноценность международных договоров с их формой и наименованием. Однако данное положение не является бесспорным. Некоторые западные юристы-международники полагают, что международный договор, заключенный в устной форме, включая джентльменское соглашение, не влечет правовых последствий». — Там же. — С. 95.

¹⁹⁴ Маслов А. Расширение российско-китайских связей по всем направлениям. 08.07.2009. — <http://russian.china.org.cn/index.htm>

¹⁹⁵ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 4, 28.

тельство КНР является выразителем воли китайского народа, что служит гарантией его политической легитимности. В тексте Соглашения говорится следующее: «Советское правительство, движимое неизменным стремлением к поддержанию дружественных отношений с китайским народом и уверенное в том, что Центральное Народное Правительство Китая является выразителем воли подавляющего большинства китайского народа, извещает Вас, что оно приняло решение — установить дипломатические отношения между СССР и КНР»¹⁹⁸.

В международно-правовом плане относительно современного периода данное Соглашение между СССР и КНР юридически распространяется на Российскую Федерацию, имеющую международное признание в качестве продолжателя СССР. Оно также имеет бессрочно пролонгированный срок действия. Можно отметить, что российские юристы-международники указывают на двойственность использования дефиниций «продолжатель СССР» и «правопреемник СССР». «Вопрос в том, является ли Россия правопреемником Советского Союза, освещается по-разному. В ряде документов Россия называется правопреемником СССР¹⁹⁹. Иногда утверждается, что Россия в одних аспектах может рассматриваться как продолжатель СССР, а в других — как правопреемник. Однако нельзя быть правопреемником по отношению к самому себе. Если Россия признана продолжателем СССР в отношении членства в Совете Безопасности, то она должна, очевидно, рассматриваться

¹⁹⁸ Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. – С. 28.

¹⁹⁹ «Об этом говорится, в частности, о распределении всей собственности бывшего Союза ССР за рубежом от 6 июля 1992 г. и некоторых других. Вместе с тем в Указе Президента России «О государственной собственности бывшего СССР за рубежом» от 8 февраля 1993 г. Россия рассматривается как продолжатель СССР. Государства-участники СНГ поддержали Россию в том, чтобы она продолжила членство СССР в ООН, включая постоянное членство в Совете Безопасности, и в других международных организациях. Генеральный секретарь ООН исходил из того, что обращение к нему Президента России от 24 декабря 1991 г. о продолжении Россией членства в ООН носит уведомительный характер и не требует со стороны ООН формального одобрения». Кузнецов В.И. Международное право. – М., 2001. – С. 63.

как тот же самый субъект международного права вообще, т. е. должен быть признан её континуитет (непрерывность) в отношении СССР. В этом случае формулировки каких-либо документов, в которых она называется правопреемником СССР, должны быть признаны неточными»²⁰⁰.

Почему мы уделяем столько внимания двустороннему документу, казалось бы потерявшему свою актуальность? Однако это не так. Данное Соглашение, относящееся по статусу к категории международных договоров, не потеряло своего правового значения, поскольку в обновленном перечне межгосударственных договоров между РФ и КНР оно указано в качестве действующего документа²⁰¹. Есть две причины говорить о важности этого документа для обеих сторон. Первая причина — в международно-правовом плане данное Соглашение между бывшим СССР и КНР юридически распространяется на РФ, имеющую международно-правовое признание в качестве продолжателя СССР. Второй момент связан с тем, что Соглашение 1949 года, имея бессрочный срок действия, фиксирует четкие позиции и России и Китая по основному вопросу двусторонних отношений, характерным признаком которых служит преемственность политических традиций как «неизменное стремление к поддержанию дружественных отношений с китайским народом»²⁰². Поэтому данный документ, отражающий политическую заинтересованность России и Китая, имеет актуальное значение. Он подчеркивает историческую преемственность традиционных двусторонних связей. Политологический аспект исследования состояния российско-китайского регионального сотрудничества позволяет по-новому взглянуть на проблему преемственности политических и дипломатических традиций. Российско-китайские традиции содержат в себе консолидирующий потенциал, выводящий на более высокий уровень взаимо-

²⁰⁰ Кузнецов В.И. Международное право. – М., 2001. – С. 63–64.

²⁰¹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР об инвентаризации договоров, заключенных между СССР и КНР в период с 1949 по 1991 гг. (в форме обмена нотами). Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. – С. 487.

²⁰² Там же. – С. 28.

отношения двух стран и способствующий развитию региональной интеграции в АТР.

Состояние российско-китайского регионального сотрудничества к началу XXI века оценивается обеими сторонами в качестве самого высокого и направленного в будущее уровня за весь исторический и политический период, хотя в двусторонних отношениях наблюдались и периоды подъемов (50-е, 90-е гг.) и периоды спадов (60–70-е гг.) вплоть до конфронтации и недоверия. Но крупномасштабных войн вдоль самой протяженной государственной границы двух соседних стран не было. Оценка двусторонних отношений дана российскими дипломатами: «Историю двусторонних отношений после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики можно характеризовать как поиск оптимальной модели сосуществования двух держав-соседей. Сегодня, максимально учитывая свои национальные интересы, Москва и Пекин осознали, что в XXI веке Россия и Китай должны быть стратегическими партнерами, всемерно развивать политический диалог, углублять взаимопонимание и взаимное доверие, наращивать масштабы сотрудничества, вместе решать практические вопросы двусторонних связей»²⁰³.

С тем, чтобы более качественно оценить состояние российско-китайского регионального сотрудничества необходимо иметь представление о периодизации двусторонних отношений. Периодизация современных российско-китайских отношений включает три крупнейших этапа, каждый из которых символизирует целую эпоху непростых, порой противоречивых политических отношений. И в то же время каждый этап — это взаимное обогащение опытом, который шаг за шагом продвигает РФ и КНР к более полноценному развитию регионального сотрудничества по расширению политического и экономического пространства, постепенно увеличивая возможности друг друга для включения в многосторонний процесс интеграции в АТР.

Первый этап — 50-е – начало 60-х гг. прошлого века. Это годы активной политической поддержки Советским Союзом новой Ки-

тайской Народной Республики и годы тесного экономического сотрудничества, относящиеся к этапу высшего подъема двусторонних отношений. Высокий уровень регионального сотрудничества обеспечивался не только усиленным политическим взаимодействием, но и серьезной помощью СССР в подъеме северо-восточных территорий КНР с приоритетом в сфере тяжелой индустрии. В настоящий период КНР прилагает усилия по возрождению старой промышленной базы трех прилегающих к России китайских провинций Хэйлуунцзян, Ляонин, Цзилинь, а также автономного района Внутренней Монголии, составляющих Северо-Восточную зону экономического развития. Стратегия возрождения и подъема северо-восточной промышленной зоны связана с намерением китайского правительства расширить региональное сотрудничество не только с Россией, но и Японией и Республикой Корея. А это уже серьезный шаг к формированию предпосылок для развития многосторонней региональной интеграции. Региональное сотрудничество на четырехсторонней основе раскрывает новые возможности для расширения присутствия России в Восточной Азии. Наращивание многостороннего опыта сотрудничества способствует более активному включению РФ в интеграционные процессы в АТР.

В политическом отношении первый этап двусторонних отношений, характеризующийся большим числом политических контактов на высоком уровне, включая неоднократные поездки Мао Цзэдуна в Москву и советских руководителей в Пекин, ознаменовался Договором о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 года²⁰⁴. По истечению времени можно было бы сказать, что Договор о дружбе, имеющий 30-летний срок действия, не выдержал исторических испытаний, поскольку уже через шестнадцать лет с 1966 года в сфере советско-китайских отношений стали проявляться серьезные разногласия, переросшие за три года в вооруженный пограничный конфликт (1969 г.), а китайское правительство 3 апреля 1979 года²⁰⁵ в одностороннем порядке приняло решение не продлевать данный документ. Однако такое

²⁰³ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – М., 2005. – С. 244.

²⁰⁴ *Усов В.Н.* История КНР. – М., 2006. – Т. 2. – С. 624.

²⁰⁵ Там же. – С. 638.

суждение неверно. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи выполнил своё историческое значение как в духе того времени, так и в плане стратегической перспективы. Спустя полвека РФ и КНР вышли на новый виток межгосударственных отношений стратегического взаимодействия, заключив Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (16 июля 2001 г.). В контексте оценки регионального экономического сотрудничества между СССР и КНР первый этап можно охарактеризовать не только в плане укрепления политического доверия, но и как создание серьезной экономической основы²⁰⁶ взаимоотношений.

Второй этап наступает в 60–80 гг. прошлого века. Это был сложный этап в советско-китайских отношениях, сопряженный с многочисленными разногласиями и противоречиями как по пограничным вопросам вплоть до вооруженных столкновений²⁰⁷, так и по проблемам международного характера, и приведший все же к нормализации двусторонних отношений в 1989 году²⁰⁸. Второй этап имел самый низкий уровень регионального сотрудничества, поскольку даже дипломатические отношения были сведены до уровня поверенных в делах.

²⁰⁶ В интересах развития дружбы и взаимной помощи Советское правительство 31 декабря 1952 г. передало КНР все права и имущество Китайской Чанчуньской железной дороги (КЧЖД), которая управлялась ранее совместно. Кроме этого, 12 октября 1954 года в распоряжении КНР передана совместно используемая военно-морская база Порт-Артур (Люйшунь) и т.д. – Усов В.Н. История КНР. – М., 2006. – Т. 2. – С. 425.

²⁰⁷ 2–17 марта 1969 г. — вооруженный инцидент, спровоцированный китайской стороной, в районе острова Даманский (Чжэньбаодао). – Там же. – С. 635.

²⁰⁸ 15–19 июня 1989 г. – во время визита в КНР Председателя Президиума Верховного Совета СССР, Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева произошла нормализация межгосударственных отношений между СССР и КНР. Что касается документов о нормализации двусторонних отношений, то в новом перечне за 1989 год действующих договоров не указано, поскольку большая часть из межправительственных документов либо «прекратило действие в силу выполнения обязательств, истечения срока действия или замены новыми договорами», как комментируют эксперты МИД РФ. – Там же. – С. 642. Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. – С. 3.

Политические проблемы международного характера периода «холодной войны» были серьезным препятствием на пути нормализации советско-китайских отношений. Они усиливались, с одной стороны, китайской доктриной «борьбы против гегемонии двух держав» с выдвинутым на первый план «широчайшего единого фронта борьбы против СССР»²⁰⁹. С другой стороны, ощущалось влияние внешнеполитической стратегии США в отношении Китая. Правящие круги США (Р. Никсон, Дж. Форд, Р. Рейган) проводили последовательный курс на вовлечение Китая в орбиту антисоветской политики Запада. В наше время в американских исследованиях (У. Коэн, Н. Такер, Г. Киссинджер²¹⁰, Зб. Бжезинский и др.) появились новые тенденции, которые продиктованы политикой США «подвести историческую базу под их планы стратегического партнерства с КНР»²¹¹. Во-первых, неоднократно предпринимались попытки доказать, что политика СССР сразу же после образования КНР была направлена на изоляцию Китая от международного сообщества. Во-вторых, утверждается, что нормализация между СССР и КНР не могла быть достигнута в принципе из-за давления со стороны советского государства. В-третьих, высказываются версии о воспрепятствии СССР вооруженным силам КНР освобождению Тайваня²¹². Подобные попытки американских идеологов переписать

²⁰⁹ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – М., 2005. – С. 8.

²¹⁰ Современный Китай интересуется политическими концепциями по проблемам мировой политики и дипломатии. *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. Гу Шэсинь, Линь Тяньгуй. – Хайкоу, 2001 // 基辛格•亨利. 大外交. 顾涉馨、林添贵译. 海口, 2001 年.

²¹¹ *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – М., 2005. – С. 7.

²¹² Напротив, РФ документально подтверждает, что «правительство КНР является единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Тайвань — неотъемлемая часть территории КНР», а также поддерживает позицию КНР в том, что «китайская сторона решительно выступает против любых попыток и действий, направленных на создание «двух Китаев», «одного Китая и одного Тайваня», «одной страны с двумя правительствами» или «независимого Тайваня». – Протокол переговоров между правительственными делегациями РФ и КНР. 27 декабря 1991;

историю советско-китайских отношений искажают факты, поэтому об этом есть необходимость писать и говорить.

Нельзя отрицать сегодня, что само традиционное китайское мировоззрение не оказывает влияние на внешнеполитические концепции КНР в отношении, например, проблемы российско-китайской границы, хотя по Договору о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР 2001 года стороны взаимно отказались от территориальных претензий. Ведущий российский востоковед К.Е. Черевко пишет: «На дальневосточные территории России выдвигаются претензии не только в японской, но и в китайской историографии. Обращает на себя внимание, что и в Токио, и в Пекине на свой лад культивируется одна и та же версия об «исконной принадлежности» одних и тех же районов, в частности, острова Сахалин и Курил, что уже само по себе свидетельствует о ее противоречивости»²¹³. По мысли К.Е. Черевко, в китайских научных, политических и военных кругах есть определенные силы, которые могут служить серьезным препятствием на пути строительства долгосрочных добрососедских отношений между Россией и Китаем. «Руководствуясь традиционной даосско-конфуцианской доктриной, восходящей к «Канону перемен» («Ицзин») — основному памятнику китайской цивилизации (VIII–VII вв. до н.э.), деление мира на три Севера (теперь 1 — «Северная Америка», 2 — Европа и 3 — Северная Евразия к Востоку от Урала) и четыре моря с Центром (Середина) в Китае (Срединное государство), Военный совет Компартии Китая во главе с генералом Сун Гуанкаем, ведущим стратегом КНР, заявил, что в период прогнозируемого кризиса третьего Севера в 2010–2012 гг. путем предъявления справедливых требований к РФ, прибегнув к мягкой демонстрации военной мощи, в союзе с Финансовым Интернационалом, представленным его третьим по мощи расчетно-кассовым центром — Гонконгско-Шанхайской банковской кооперацией, Центр (КНР) должен будет

Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 132.

²¹³ Черевко К.Е. Имеются ли у России территориальные долги Китаю? // Мир и политика. — 2008. — № 9 (24). — Сент. — С. 48.

подчинить третий Север, так как это соответствует предстоящим кругообразным изменениям в мире по «Ицзину»²¹⁴.

«Карта мира по-китайски вообще не предполагает наличия «двухполюсного» или, тем более, «многополюсного» мира. И Китай в ней выступает вовсе не «сияющим градом на холме», как представлял себе воплощение «американской мечты» президент Рейган, даже не «морем, вбирающим в себя все реки» — его идеальная функция иная. Это своего рода «центр тяжести», относительно которого должны быть уравновешены все окраины. И действительно, в китайском понимании правый, традиционный, тоталитарный Восток (миллиард совокупного населения России и мусульманского мира) уравновешен «золотым миллиардом» левого, инвариантного, либерального Запада. Есть и другие пространственно-временные «оси баланса», проходящие через Китай и несущие прямой «геополитический смысл»²¹⁵, как объясняет российский китаевед А.П. Девятков. Другими словами, китайская культурная традиция вкладывает свой специфический смысл в современные геополитические концепции и в какой-то мере сказывается на взаимоотношениях КНР с соседними государствами. «Противоречив подход средних и малых соседей к Китаю, Японии, Индии. В Юго-Восточной Азии не забывают, что их страны по-прежнему обозначаются на исторических китайских картах как территории, утерянные Срединной империей»²¹⁶, — полагают российские политологи Е.П. Бажанов и Н.Е. Бажанова.

Политические проблемы второго периода российско-китайских отношений накладывались на серьезные противоречия по пограничным вопросам. Начало решений по пограничным вопросам было заложено встречей Председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина с премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем

²¹⁴ Черевко К.Е. Имеются ли у России территориальные долги Китаю? // Мир и политика. — 2008. — № 9 (24). — Сент. — С. 41–42.

²¹⁵ Девятков А.П. Китайская грамота (Страна иных измерений). Независимый альманах Лебедь. — 2001. — № 241. 14 окт. — <http://www.lebed.com>

²¹⁶ Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е. Куда идет человечество? // Мир и политика. — 2009. — № 8 (35). — Авг. — С. 19.

в Пекинском аэропорту 11 сентября 1969 года²¹⁷. Во избежание военных конфликтов на границе обе стороны установили четыре принципа: придерживаться существующей конфигурации границы; избегать вооруженных столкновений; в спорных районах исключить соприкосновения вооруженных сил двух стран и разрешать спорные вопросы диалогом пограничных служб. Дальнейшее урегулирование по пограничным вопросам между СССР и КНР происходило на уровне заместителей министров. В ходе пятнадцати раундов девятилетних (1969–1978 гг.) переговоров удалось добиться смягчения²¹⁸ напряженности в приграничных территориях. После длительного процесса смягчения напряженности в приграничных районах начался не менее продолжительный политический процесс переговоров по нормализации советско-китайских отношений (Ильичев С.В. — Цянь Цичэнь) в целом.

Прерванное на многие годы экономическое сотрудничество между СССР и КНР удалось восстановить. Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве 1984 года (Архипов И. В. — Яо Илин) создало долгосрочную основу для экономического и технического сотрудничества²¹⁹. Переговоры по развитию экономического сотрудничества и торговле были успешны. Китай к этому времени уже перешел к политике реформ и внешнеэкономической открытости. Китайская сторона с удовлетворением констатирует крупномасштабное увеличение товарооборота: «Китайско-советский товарооборот увеличился с 2,65 миллиардов швейцарских франков в 1984 году до 4,6 миллиардов швейцарских франков в 1985 году»²²⁰. Российские специалисты также отмечают крупные сдвиги в экономическом сотрудничестве и торговле, говоря о том, что нарабатанная двусторонняя документальная база

²¹⁷ Усов В.Н. История КНР. – М., 2006. – Т. 2. – С. 635.

²¹⁸ В 1970 году возобновился обмен послами и ежегодные переговоры по торговым вопросам. С 1974 года возобновились регулярные авиарейсы между столицами двух стран.

²¹⁹ Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. С. 44–45.

²²⁰ Цянь Цичэнь. Нормализация китайско-советских отношений. – Ч. 3 // Партнеры. – 2004. – № 25. Окт. – С. 56.

по развитию регионального сотрудничества во многом утратилась по причине распада СССР, который привел к изменению экономических возможностей прежде огромного государства. Крупнейших экономических соглашений в развитии регионального сотрудничества двух стран второго периода насчитывается более десятка, относящихся на сегодняшний день к категории действующих межгосударственных документов. Например, Соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве в строительстве и реконструкции промышленных объектов в КНР (1985 г.), Соглашение о создании советско-китайской комиссии для руководства разработкой Схемы комплексного использования водных ресурсов в пограничных участках рек Аргунь и Амур (1986 г.), Соглашение о принципах создания и деятельности совместных предприятий (1988 г.), Соглашение о сотрудничестве в области рыбного хозяйства (1988 г.), Меморандум о сотрудничестве в сооружении в КНР атомной электростанции и представлении Советским Союзом Китаю государственного кредита (1990 г.), Соглашение о сотрудничестве в производстве гражданской авиационной техники и товаров народного потребления (1990 г.), Торговое соглашение (1990 г.), Соглашение о воздушном сообщении (1991 г.) и т.д. Эти соглашения указывают на широкий спектр двустороннего экономического взаимодействия.

Несмотря на определенные успехи в развитии экономического сотрудничества и торговли между СССР и КНР, политический процесс переговоров по нормализации советско-китайских отношений шел очень медленно. Как откровенно вспоминает специально уполномоченный китайского правительства Цянь Цичэнь, китайская сторона с самого начала имела политическую установку на продолжительное течение переговорного процесса по нормализации двусторонних отношений. «Первый тур политических переговоров начался 5 октября 1982 года в Пекине. В самом начале мы идейно подготовлены вести переговоры с Советским Союзом продолжительное время. Товарищ Дэн Сяопин указывал, что во время общения с Советским Союзом следует избегать торопливости в решении вопроса, не следует добиваться успеха поспешно. Наша излишняя поспешность принесет пользу СССР. Согласно этому

указанию и в соответствии с принципиальной позицией и политической установкой в отношении Советского Союза, изложенными в докладе на XII съезде КПК, мы выработали курс на этих политических переговорах»²²¹. Это высказывание говорит о политическом недоверии между КНР и СССР, а также влиянии сложной международной обстановки в Юго-Восточной Азии на процесс нормализации двусторонних отношений. В чем же заключался политический курс Китая? Как свидетельствует китайская сторона, «он заключался в том, чтобы, исходя из общего стратегического положения, придерживаясь принципиальной позиции, делать упор на то, чтобы побудить Советский Союз совершать практические дела: прекратить поддерживать Вьетнам в его агрессии в Камбодже и оказать содействие выводу вооруженных сил Вьетнама из Камбоджи. Одновременно, основываясь на определенной тактике в целях обеспечения контакта на переговорах, мы поднимаем знамя улучшения отношений двух стран и сохранения дружбы между китайским и советским народами»²²².

Таким образом, проблемы политического характера влияли на процессы регионального экономического сотрудничества между СССР и КНР. Советско-китайское коммюнике о нормализации отношений (Горбачев М.С. — Дэн Сяопин) 1989 года завершило самый сложный этап в двусторонних отношениях и в то же время открыло новые возможности к поиску наиболее оптимальных условий политического и экономического сотрудничества. Осмысливая самый сложный процесс нормализации советско-китайских отношений, российские дипломаты высказывают мнение: «С нашей стороны потребовалась смена двух поколений руководителей, прежде чем были устранены наслоения, мешавшие развитию добрососедства и сотрудничества с Китаем. Руководство КНР во главе с Дэн Сяопином продемонстрировало недюжинную политическую волю и прагматизм, чтобы преодолеть инерцию конфронтационных подходов и принять решения о полной нормализации

²²¹ Цянь Цичэнь. Нормализация китайско-советских отношений. — Ч. 2 // Партнеры. — 2004. — № 24. Сент. — С. 48.

²²² Там же.

с Советским Союзом, а затем, опираясь на достигнутое, дать новый импульс развитию связей уже с Российской Федерацией»²²³. Позитивный момент связан с тем, «что два с лишним десятилетия бессмысленного и опасного советско-китайского противостояния помогли народам, общественности и руководителям наших двух стран выработать своего рода «антиконфронтационный иммунитет», который в немалой степени гарантирует неповторение случившегося и настраивает нас на принципиально иные, нежели в прошлом, подходы»²²⁴.

Третий этап двусторонних отношений начинается с конца 1991 года — по настоящее время, при котором совершается плавный переход от этапа советско-китайских отношений к российско-китайским отношениям. Он характеризует новый тип межгосударственных отношений после образования РФ как продолжателя СССР. Первым директивным документом российско-китайских отношений в новой обстановке выступает Протокол переговоров между правительственными делегациями РФ и КНР от 27 декабря 1991 года на уровне заместителей министров (Кунадзе Г.Ф. — Тянь Цзэнпэй). Этот документ сохраняет политическую преемственность как на уровне двусторонних межгосударственных отношений, так и на международном уровне. В Протоколе переговоров подтверждается, что РФ «будет пользоваться правами и выполнять обязанности, предусмотренные договорами и соглашениями между бывшим Союзом ССР и КНР», а также «правительство КНР поддерживает продолжение Россией членства бывшего СССР в ООН, в том числе в Совете Безопасности, а также в других международных организациях»²²⁵.

В период правления Первого Президента РФ коренным образом изменяется характер двусторонних отношений, закладывающий политический фундамент и материальную базу для полноценного российско-китайского регионального сотрудничества. Российско-

²²³ Рогачев И.А. Российско-китайские отношения в конце XX — начале XXI века. — М., 2005. — С. 47.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 132.

китайское политическое взаимодействие к началу XXI века представлено четырьмя совместными декларациями и тремя заявлениями. Это Совместная декларация об основах взаимоотношений между РФ и КНР от 18 декабря 1992 года; Совместная российско-китайская декларация от 3 сентября 1994 года; Совместная российско-китайская декларация от 25 апреля 1996 года и Российско-китайская совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка от 23 апреля 1997 года, а также Совместное российско-китайское заявление от 10 ноября 1997 года; Совместное заявление по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне «Российско-китайские отношения на пороге XXI века» от 23 ноября 1998 года и Совместное заявление о российско-китайских пограничных вопросах от 23 ноября 1998 года. За этот период состоялось семь встреч на высшем уровне и четыре встречи глав правительств с использованием нового механизма регулярных встреч глав правительств, начавшихся с 27 июня 1997 года. На уровне глав правительств важнейшим документом является Совместное российско-китайское коммюнике от 26 июня 1995 года, а также Соглашение о создании и организационных основах механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая и текущие ежегодные Протоколы заседаний Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая. К ним примыкает целый ряд дипломатических документов по вопросам доверия в военной области, российско-китайской границе, а также многостороннего экономического сотрудничества.

Каждый из документов фиксирует определенную фазу в развитии двусторонних отношений, а также отражает постепенный переход от начального уровня российско-китайских отношений к новому, более качественному уровню. В отношениях России и Китая наблюдается переход с уровня «дружественных государств» на уровень «отношений конструктивного партнерства», а в дальнейшем — на более высокий уровень «отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в XXI веке», что соответственно зафиксировано в трех первых декларациях.

Первая Совместная российско-китайская декларация 1992 г. провозглашает основы взаимоотношений России и Китая, кото-

рые выступают в качестве дружественных государств, имеющих исторические традиции добрососедства и дружбы. Это означает новый прогресс в продолжении нормализации советско-китайских отношений и одновременно поиск решений как в развитии всестороннего двустороннего сотрудничества, так и крупных региональных и глобальных проблем посредством политического диалога. Вторая Совместная российско-китайская декларация 1994 г. направлена на поддержку и развитие долговременных и стабильных отношений добрососедства, дружбы и взаимного сотрудничества. Декларация призывает поднять отношения РФ и КНР на качественно новый уровень конструктивного партнерства. В ней выделяются четыре приоритетных направления: область политических отношений, торгово-экономические и научно-технические связи, военно-политическая область и сфера международных отношений. Стороны ориентируются не только на двустороннее сотрудничество, но и на многосторонний уровень отношений, а также намерены оказывать взаимное содействие в активизации участия в многостороннем экономическом сотрудничестве, в том числе в АТР. И это уже серьезная заявка для развития региональной интеграции с участием России и Китая. Третья Совместная российско-китайская декларация 1996 г. подтверждает решимость развивать более высокий уровень отношений равноправного доверительного партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие в новом веке. Документ представлен в трех частях: Двустороннее сотрудничество, Международный мир и развитие, Безопасность и сотрудничество в АТР. Четвертая Российско-китайская совместная декларация 1997 г. расширяет спектр совместной ответственности по содействию развитию многополярного мира и нового международного политического и экономического порядка. Все вместе эти документы демонстрируют последовательный и восходящий характер двусторонних отношений.

Содержание российско-китайских деклараций и других документов указывает на постепенную смену политических парадигм как совместно выработанных представлений и стратегических подходов к двусторонним отношениям, к региональным и глобальным процессам. Политические парадигмы, соответствующие тому или

иному переходному периоду, формируют не только международно-правовую основу, но и концептуальную базу межгосударственных отношений России и Китая. По мере возникновения новых форм сотрудничества, а также тенденций и перспектив развития международных ситуаций появляются возможности для дальнейшего изменения и дополнения законодательных и концептуальных основ. Происходит смена от первоначальных представлений о российско-китайских отношениях с их опорой на традиционные основы добрососедства и дружбы с постепенным, поэтапным подходом к устранению оставшихся от истории противоречий в военной области и в вопросах границы, до близкого совпадения подходов. Первая Декларация 1992 г. утверждает основы взаимодействия РФ и КНР, а четвертая Декларация 1997 г. — подчеркивает важное значение практического опыта российско-китайских отношений для установления нового международного порядка.

Такая же тенденция просматривается при анализе других совместных российско-китайских документов. Первое Совместное российско-китайское заявление 1997 г., высоко оценивая четыре декларации, констатирует широкое единство мнений о перспективах двусторонних отношений и по международным актуальным вопросам. Отношения РФ и КНР рассматриваются в качестве «важной органической части безопасности, стабильности и экономического прогресса на Евразийском континенте и Тихом океане»²²⁶. Второе Совместное российско-китайское заявление 1998 г. уже свидетельствует о выработке согласованных подходов к основным тенденциям развития мирового сообщества²²⁷ и единому

²²⁶ Сборник российско-китайских договоров 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 408.

²²⁷ «Имеющая конструктивный характер эволюция международных отношений в направлении многополярности благоприятствует созданию сбалансированного, стабильного, демократического и лишенного конфронтационности нового миропорядка. Такая тенденция объективно отвечает коренным интересам всех государств (п. 1). На рубеже веков глобализация и регионализация мировой экономики становятся важнейшими факторами, определяющими ее состояние. Россия и Китай поддерживают эти процессы и готовы принимать в них самое активное участие (п. 3)». Там же. — С. 454.

пониманию долгосрочных стратегических перспектив двустороннего сотрудничества²²⁸, а также демаркации границы в восточной её части (4200 км) и обеспечение безопасности вдоль границ²²⁹. Третье Совместное заявление о российско-китайских пограничных вопросах от 23 ноября 1998 г. отмечает успешное решение вопросов демаркации в западной части (около 55 км) как важный вклад в дело укрепления безопасности и стабильности в регионе²³⁰. В вышеназванных документах концептуализируется специфика двусторонних российско-китайских отношений. Эта специфика относится к расширению рамок совместной ответственности за мир и стабильность на региональном и глобальном уровнях, ориентации на взаимную поддержку в активизации участия РФ и КНР в многостороннем экономическом сотрудничестве в АТР и к приобретению при этом практического опыта сотрудничества.

Начало экономического регионального сотрудничества между новой Россией и Китаем официально было заложено Соглашением о торгово-экономических отношениях от 5 марта 1992 года. На основе равенства и взаимной выгоды стороны договорились о создании режима наибольшего благоприятствования в вопросах та-

²²⁸ «Формирующееся российско-китайское стратегическое взаимодействие не является союзом и не направлено против какой-либо из третьих стран. Оно исключает появление во взаимоотношениях элементов конфронтационности и создает условия для максимально широкого равноправного и взаимовыгодного сотрудничества во всех областях». — Сборник российско-китайских договоров / Г.Б. Карасин Г.Б. и др. 1949–1999 гг. — М., 1999. — С. 453.

²²⁹ «Оба государства намерены практически реализовать соглашения об укреплении доверия в военной области и сокращении вооруженных сил в районе границы. Будет продолжена практика проведения углубленных консультаций на высоком уровне по различным аспектам обеспечения безопасности (п. 9.)». — Там же. — С. 456.

²³⁰ «Стороны едины в том, что успешное решение вопросов демаркации российско-китайской границы на основе равноправных консультаций, взаимопонимания и взаимной уступчивости благоприятствует сохранению мира и спокойствия в приграничных районах, способствует дальнейшему развитию отношений добрососедства и дружбы между Россией и Китаем и вносит важный вклад в дело укрепления безопасности и стабильности в регионе». — Там же. — С. 458.

моженных пошлин, налогов на импорт и экспорт товаров и услуг, а также правил таможенного управления. С целью правовой помощи гражданам, находящимся на территории соседнего государства, заключен Договор о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 19 июня 1992 года. Развитию новых форм двустороннего сотрудничества способствовало Соглашение о принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России от 19 августа 1992 года.

Параллельно развивались массовые формы приграничной торговли в виде так называемого «челночного» бизнеса, которые со временем претерпели серьёзные изменения. Отдельные российские ученые по истечению времени неоднозначно оценивают приграничные торгово-экономические явления следующим образом: «К тому времени Китай первым открыл замкнутую экономическую систему в этом регионе. Однако он не смог полностью укрепить и развить свои первоначальные достижения на дальневосточном рынке. Между прочим, сформировался экономический уклад такого рода в течение десятилетия. Были определены главные участники (легальные или нелегальные), которые вовлечены в эти экономические отношения. Импортно-экспортная структура изменилась. Изменился и способ взаимных расчетов: от бартерных сделок перешли на сделки на наличной основе. При этом была выявлена важная роль «челночного» (народного) бизнеса. Тот факт, что российская экономика вышла из кризисного периода, выдвигает новую задачу, которую должны решить российская и китайская стороны»²³¹.

Если говорить об общем направлении экономического регионального сотрудничества между РФ и КНР, то, несмотря на народный, стихийный бизнес, ориентир был взят прежде всего на крупномасштабные долгосрочные проекты. Совместные российско-китайские документы выделяют крупнейшие области сотрудничества не только на двусторонней, но и на многосторонней основе. Крупномасштабные проекты намечены Соглашением о сотрудни-

²³¹ Ларин В.Л. Выдержки из выступлений на международной конференции на высоком уровне по китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству // Партнеры. – 2004. – № 22. Июль. – С. 32.

честве в сооружении на территории КНР атомной электростанции и предоставлении Россией КНР государственного кредита от 18 декабря 1992 г., Соглашением о сотрудничестве в сооружении на территории КНР газодиффузионного завода по обогащению урана для атомной энергетики от 18 декабря 1992 года, Соглашением о сотрудничестве в исследовании и использовании космического пространства в мирных целях от 18 декабря 1992 года, Соглашением о совместном строительстве моста через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе городов Благовещенск — Хэйхэ от 26 июня 1995 года и другими. Начиная с 1995 года, планируется международное сотрудничество с участием пяти государств России, КНР, КНДР, Монголии и Республики Корея Соглашениями о создании Консультативной комиссии, а также Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии.

Крупномасштабные российско-китайские проекты создают широкие перспективы для сотрудничества и дальнейшего развития интеграции, реализация отдельных из них уже началась в конце 90-х годов, а другие и сегодня еще находятся на разных стадиях их выполнения. Основа для двустороннего сотрудничества по крупным проектам в области атомной энергетики была заложена началом сооружения российскими специалистами АЭС «Тяньвань», расположенной в городе Ляньюньган провинции Цзянсу. С 1996 года полный комплект технологий и ключевого оборудования поставлялся Россией китайской корпорации «Цзюйхуа» по производству фторхимической продукции в провинции Чжэцзян. Это примеры первых успешных предприятий в КНР на базе российских высоких технологий.

Если сравнить крупномасштабное советско-китайское сотрудничество с российско-китайским до конца 90-х годов, то можно сказать, что в 50-е гг. прошлого века оказанная помощь СССР Китаю в строительстве и реконструкции более ста пятидесяти промышленных объектов заложила первичный фундамент для индустриализации Китая. Одновременно расширилось двустороннее научно-техническое сотрудничество и обмен. СССР стал крупнейшим торговым партнером КНР. В 1950 г. объем товарооборота

между СССР и КНР составил 338 млн долл США, в 1959 г. он поднялся до уровня 2,098 млрд долл США. В 60-е годы серьезные разногласия между СССР и КНР в идеологической сфере сказались на двустороннем сотрудничестве, тем не менее торговые связи полностью не прекращались. В конце 80-х годов с процессом нормализации советско-китайских отношений получило расширение торгово-экономическое и научно-техническое сотрудничество. К крупным объектам советско-китайского сотрудничества относятся строительство Уханьского моста через реку Янцзы, железной дороги Ланьчжоу — Синьцзян, первого в Китае завода по производству высокоточных приборов и инструментов — Харбинского завода измерительных приборов и режущих инструментов. Поражали воображение китайцев советские выставки научно-технических достижений СССР в мирном использовании атомной энергии (2 июня 1956 г., Пекин) и космической техники (12 декабря 1986 г., Пекин). Начиная с 90-х годов российско-китайское сотрудничество развивается, продвигаясь в направлении создания стратегической экономической основы.

К началу XXI века заложена договорная основа для осуществления проектов по строительству газопроводов²³² из Восточной

²³² Меморандум о взаимопонимании между Правительствами РФ и Правительством КНР об основных принципах подготовки технико-экономического обоснования проекта строительства газопровода для транспортировки газа из Восточно-Сибирского региона РФ в КНР, а также до возможных потребителей в третьих странах и разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения в РФ от 10 ноября 1997 г.; Протокол по подготовке ТЭО для строительства газопровода для транспортировки природного газа, добываемого на Ковыктинском газоконденсатном месторождении в Иркутской области РФ, в КНР, а также до возможных потребителей в третьих странах и разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения от 11 ноября 1997 г.; Меморандум многосторонних переговоров по подготовке Соглашения по разработке технико-экономического обоснования проекта строительства трубопровода с Ковыктинского газоконденсатного месторождения в КНР через территорию Монголии, а также до возможных потребителей в третьих странах от 25 декабря 1997 г.; Соглашение о сотрудничестве в области газовой промышленности между РАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией от 9 августа 1997 г. и Меморандум переговоров между РАО «Газпром» и КННК

и Западной Сибири в Восточные районы Китая, разработаны основные параметры проекта передачи электроэнергии из Иркутской области²³³ в КНР. В рамках приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества поставлен вопрос о возможности сотрудничества в строительстве Бурейской ГЭС в Амурской области РФ²³⁴. В области транспорта поставлена задача повышения конкурентоспособности российских портов и создания новой транспортной инфраструктуры. Это увеличение перевозок китайских транзитных грузов через российские морские дальневосточные порты и использование Транссибирской евроазиатской транспортной магистрали, обслуживающей грузовые пассажирские потоки на маршрутах Европа — Азия, Западное побережье Америки — Дальний Восток России — Северо-Восточный Китай²³⁵.

В этом периоде российско-китайских отношений уделяется внимание развитию межрегионального и приграничного торгово-экономического сотрудничества: создан Российско-Китайский Координационный Совет по межрегиональному и приграничному торгово-экономическому сотрудничеству под руководством Постоянной рабочей группы²³⁶. В области приграничной торговли была поставлена задача о создании и функционировании торговых зон на границе в районах Забайкальск — Маньчжурия, Благовещенск — Хэйхэ, Пограничный — Суйфэньхэ.

В региональном сотрудничестве России и Китая к началу XXI века достигнуты определенные результаты и посредством механизма регулярных встреч Глав правительств намечены перспективы в приоритетных областях: классическая и атомная энер-

о реализации проекта поставки российского природного газа в Восточные районы КНР от 25 декабря 1997 г.

²³³ Протокол второго заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств от 16 февраля 1998 г.

²³⁴ Протокол третьего заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств от 25 февраля 1999 г.

²³⁵ Протокол третьего заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств от 25 февраля 1999 г.

²³⁶ Протокол второго заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств от 16 февраля 1998 г.

гетика, транспорт, торгово-экономическая и научно-техническая области. Потребности национальных рыночных экономик РФ и КНР, регионального торгово-экономического сотрудничества и дальнейшей интеграции связаны с реализацией крупномасштабных проектов — поставки нефти и газа из РФ через территорию Монголии в КНР и до возможных потребителей в третьей страны (Япония, Республика Корея), Туманганский проект как международный проект, включающий пять государств СВА (РФ, КНР, КНДР, РК и Япония), создание трансконтинентального транспортного моста из Юго-Восточной Азии в Европу и на Ближний Восток.

В вопросах дальнейшего продвижения торгово-экономического сотрудничества в новый век Россия и Китай достигли понимания по развитию крупномасштабного, межрегионального и приграничного сотрудничества. В развитии российско-китайских отношений отмечаются четыре основных момента, которые выступают объективными факторами стратегического сближения. Во-первых, в политическом отношении укрепление взаимодействия двух крупнейших соседних стран Евразийского континента и поддержание стабильного развития отношений отвечает национальным интересам обеих сторон. Во-вторых, с точки зрения экономических перспектив регионального сотрудничества, Россия и Китай как два крупнейших внутренних рынка, вставших на путь рыночных реформ, представляют значительный интерес друг для друга. В-третьих, в международно-политическом плане стремление к миру и развитию двух мировых держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН, способствует стабильности в Восточной Азии и в мире. В-четвертых, в контексте преемственности политических традиций в развитии российско-китайских отношений важной доминантой выступает традиция дружбы между соседними народами. К началу XXI века был заложен политический фундамент, создана международно-правовая договорная основа и экономическая база для дальнейшего развития российско-китайского сотрудничества.

§ 2. Основные проблемы в региональном сотрудничестве РФ и КНР в начале XXI века

Для России и Китая XXI век открывает новые возможности по продолжению развития двусторонних отношений, характеризующихся динамизмом на протяжении последнего десятилетия. Стратегическое взаимодействие РФ и КНР, провозглашенное в конце 90-х годов прошлого века в качестве основы, создает в региональном плане благоприятные политические возможности для двустороннего сотрудничества, а на глобальном уровне способствует «формированию многополярного мира и нового справедливого и рационального международного порядка»²³⁷. Пекинская декларация РФ и КНР (18 июля 2000 г.) подтверждает актуальность предыдущих совместных российско-китайских документов и нацеливает на дальнейшее закрепление основ добрососедства и сотрудничества. Главы двух государств считают, что с наступлением нового века открываются ещё более широкие перспективы для развития российско-китайского взаимодействия.

Углубление политического доверия между двумя странами ознаменовано не только Пекинской декларацией, но и Совместным заявлением по вопросам противоракетной обороны (18 июля 2000 г.). Совместное заявление Президента РФ В.В. Путина и Председателя КНР Цзян Цзэминя как важнейший политический документ наступившего нового века наряду с Пекинской декларацией служит гарантией безопасности всех без исключения государств, основой которой является укрепление глобальной и региональной стратегической стабильности.

К важнейшим двусторонним документам новейшего периода относится Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ (16 июля 2001 года). Он подготовлен всем ходом исторического развития российско-китайских отношений, особенно последнего десятилетия, и продолжает традицию дружбы соседних народов на основе Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР (14 февраля 1950 года). Но в то же

²³⁷ Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Путин В.В. – Цзян Цзэминь). 18 июля 2000 г.

время новый документ отличается от предыдущего и символизирует качественно новую фазу развития взаимодействия России и Китая. Обе стороны рассматривают его в качестве руководящей программы развития отношений в новом веке, имеющей общую цель, главные принципы, основные направления и доминирующую концепцию мирного развития двух народов, по образному выражению китайской стороны «навсегда друзья, и никогда — враги». Отсутствие взаимных территориальных претензий (Ст. 6), неучастие в каких-либо союзах или блоках, наносящих ущерб суверенитету, безопасности и целостности друг другу (Ст. 8), укрепление доверия в военной области и взаимное сокращение вооруженных сил в районе границы (Ст. 7) — основные положения, выступающие в роли важнейшего фактора политического доверия для развития всестороннего российско-китайского стратегического взаимодействия. Данный Договор имеет практическое значение: обе стороны уже 14 октября 2004 года утвердили План действий по реализации положений Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2005–2008 годы, определяющий направления двустороннего взаимовыгодного сотрудничества во всех областях, а Совместная декларация РФ и КНР 21 марта 2006 года констатирует позитивные процессы хода выполнения этого Плана действий.

Совместное заявление РФ и КНР 2 декабря 2002 года завершает период, связанный с третьим поколением руководителей КНР во главе с Цзян Цзэмином. В нем обобщен успешный опыт динамичного развития российско-китайских отношений в последние десять лет. Основой для дальнейшего развития выступает высокое политическое взаимодоверие, стратегическое планирование двусторонних связей и отношений, регулярные взаимные контакты и ровное течение переговорного процесса по актуальным вопросам современности. Это благоприятные факторы, позволяющие увидеть новую международно-политическую ситуацию и решать новые вопросы двух стран. Тремя столпами российско-китайских отношений партнерства, направленного на стратегическое взаимодействие, являются политические контакты, торгово-экономическое сотрудничество и взаимная поддержка в международных делах.

В период правления Ху Цзиньтао как руководителя четвертого поколения КНР продолжается позитивная тенденция дальнейшего развития отношений, которая позволяет перейти к средне- и долгосрочному планированию широкого регионального сотрудничества. С одной стороны, это период широкомасштабного регионального сотрудничества, фундаментом которого выступает торгово-экономическое сотрудничество. С другой стороны, в этот период обозначился ряд проблем, обусловленных влиянием неблагоприятных факторов на российско-китайское сотрудничество.

Российско-китайское экономическое, торговое и научно-техническое сотрудничество постепенно развивается. Китай превратился в главного партнера России в Азии. Двустороннее сотрудничество выступает не только необходимым фактором для развития Дальнего Востока и Сибири и преодоления экономических трудностей, но и для повышения конкурентоспособности России на международной арене, в регионах Европы и Атлантического океана. Китайская сторона дает позитивную оценку российско-китайскому сотрудничеству в целом и перспективам межрегионального и приграничного сотрудничества, в частности. «Как Китай, так и Россия ставили стратегическую цель: увеличить в два раза ВВП к 2010 году. Китай последовательно выдвигал стратегические программы развития экономики в приморских регионах, освоения Западного Китая и возрождения северо-восточной старой промышленной базы. В последние годы электрическая и коммуникационная инфраструктура непрерывно улучшаются, постепенно утверждается рыночный механизм, высвобождаются экономические потенциальные возможности в российских регионах Дальнего Востока и Сибири. Все это создает благоприятные перспективы для ведения торгово-экономического сотрудничества между двумя странами»²³⁸. Однако отмечаются и трудности: «Китайским предприятиям приходится с трудом осваивать российский рынок. Для того, чтобы сохранить имеющую место долю на рынке и добиваться дальнейшего рас-

²³⁸ Ло Вэйдун. Выдержки из выступлений на международной конференции на высоком уровне по китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству // Партнеры. — 2004. — № 22. 7. — С. 30.

ширения её, прежде всего необходимо решить вопрос с легальным рыночным сбытом китайских товаров. Китайская и российская стороны должны крепить связи, прилагать совместные усилия в разрешении вопросов, связанных с легальным хозяйствованием китайских предприятий в России, нормализации налоговых платежей и охраны законных прав и интересов китайских предприятий с целью поддержания легальности китайских товаров в процессе растаможивания и реализации на российском рынке»²³⁹.

Экономическое региональное сотрудничество РФ и КНР из бессистемного все больше превращается в упорядоченное, переходит от исключительно торговых связей к всестороннему сотрудничеству в сферах высоких технологий, энергетики, освоения природных ресурсов, ядерной энергетики, финансов, транспорта, авиации и космоса и других отраслях. Меняется не только характер, но и формы: от сотрудничества в форме малого бизнеса индивидуальных предпринимателей переходит к реализации крупных проектов и партнерству с крупными объединениями, от однотипной товарной торговли и однотипных сделок идет переход к диверсифицированному, долгосрочному сотрудничеству.

В отношении равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия РФ и КНР, провозглашенного ещё в 1996 году, произошли качественные позитивные изменения буквально за десять лет. В области торгово-экономических связей сотрудничество России и Китая вышло на «траекторию ускоренного роста»²⁴⁰, а, в частности, в энергетической сфере как одной из главных составляющих стратегического партнерства осуществляется «стратегия диверсификации»²⁴¹. Нереализованным потенциалом двустороннего российско-китайского сотрудничества по качеству и уровню остается инвестиционное сотрудничество как важнейший канал расширения экономического взаимодействия

²³⁹ Лай Цунли. Выдержки из выступлений на международной конференции на высоком уровне по китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству // Партнеры. – 2004. – № 22. 7. – С. 31.

²⁴⁰ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21 марта 2006.

²⁴¹ Там же.

и структурных параметров взаимной торговли, а также машиностроительная и высокотехнологическая сферы. Уже выполненные (объем двусторонней торговли к 2006 году приблизился к 30 млрд долларов США) и запланированные (к 2010 году запланирован товарооборот в 60–80 млрд долларов США) масштабы торгово-экономических связей создают весомый потенциал российско-китайского регионального сотрудничества, призванный использовать основные преимущества, отмеченные еще в период создания фундаментальной основы двустороннего взаимодействия, такие, как географическая близость и взаимодополняемость национальных экономик. Однако следует признать, что пока совместный потенциал торгово-экономического сотрудничества и инвестиций РФ и КНР реализован далеко не полностью и не соответствует потребностям развития национальных рыночных хозяйств, а также их реальным и потенциальным возможностям. Недостаточность качественного содержания, отсутствие новых форм и методов торгово-экономических связей отражается на эффективности приграничного и межрегионального экономического взаимодействия, контактов деловых кругов двух стран.

В анализе основных проблем в региональном сотрудничестве России и Китая в начале XXI века как одного из сложнейших вопросов в контексте исследования возможностей и развития региональной интеграции есть как объективные причины, так и субъективные. Объективные причины имеют общий характер, обусловленный влиянием международной ситуации в АТР и в мировой хозяйственно-экономической системе. К ним относятся жесткая международная конкуренция, сложившаяся к этому периоду на китайских рынках, неблагоприятная конъюнктура для традиционных российских экспортных товаров сырьевой группы, колебания мировых цен на углеводородное сырье, сложные условия реформирования национальных экономик РФ и КНР в рыночных условиях. Субъективные причины требуют отдельных усилий двух государств, а также совместных действий по устранению вопросов, тормозящих взаимные процессы по созданию благоприятных условий для торговли, сотрудничества и инвестиций. Китайская сторона в качестве субъективных причин называет неблагоприят-

ный инвестиционный климат в России, в то время как китайские предприниматели пропагандируют Китай как «лучшего создателя инвестиционного климата в мире»²⁴², частые перемены в российском законодательстве по экономическим, финансовым, налоговым и таможенным вопросам, проблему легализации китайских рынков в РФ, вопросы, касающиеся режима работы пограничных пунктов пропуска, различных сборов и т.д.

Динамичный переход количественных и качественных параметров двусторонних связей зависит от проблемы оздоровления российско-китайского торгового и экономического сотрудничества. Смягчение проблем, оставшихся от прошлого периода и возникающих на новом этапе двустороннего сотрудничества, требует настойчивой работы обеих сторон во многих областях. Допустим, в вопросах, касающихся таможенной сферы, помимо пресечения таких негативных явлений, как браконьерство, трансграничная преступность, нарушение визового режима, загрязнение приграничной зоны и других, проводится работа по нормализации порядка при пропуске и получении товаров, прохождении таможенного контроля и по созданию нормальных условий для продажи китайских товаров на российских рынках. В соответствии с новым российским Таможенным Уставом, принятым 1 января 2004 г., были повышены таможенные тарифы на китайские товары. Наиболее остро стоит проблема так называемых «серых таможенных расчетов» китайских товаров, которые устанавливают российские компании, действующие как агенты китайских торговых фирм. Также есть проблема, связанная с российским экспортом в Китай, в котором система регулирования, например, лесной отрасли до конца не сформирована. Этот момент затрудняет отслеживание законности происхождения российской древесины из-за сложной цепочки посредников-перекупщиков, а также занижения экспортерами объемов и сортности вывозимой древесины, завышения ее плотности при прохождении таможенного досмотра. Причинами подобных проблем являются не только пробелы в российском за-

²⁴² Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 33.

конодательстве, но и недобросовестность российских и китайских партнеров в погоне за быстрой прибылью, а также влияние нерыночных факторов, таких, как коррупция и в России и в Китае как основная проблема, принявшая особо острые формы в рыночных условиях, чиновничий произвол, бюрократический подход к сложнейшим процессам развития, формирования и становления двустороннего сотрудничества.

Качественные сдвиги в региональном сотрудничестве РФ и КНР связаны с созданием благоприятных финансовых условий в продвижении экспорта и импорта товаров. Это надежная совместная банковская инфраструктура, страхование и арбитраж коммерческих сделок, легализация продаж с современной системой платежно-расчетных отношений, принятых в мире, оценка и сертификация соответствующих стандартов качества импортируемой и экспортируемой продукции, консигнационная торговля и т.д.

Учет специфики приграничных связей, играющих важнейшую роль в экономической жизни Дальнего Востока и в восстановлении ранее утраченных российских позиций в АТР в целом, как проблема реформирования механизма сотрудничества приграничных связей в соответствии с положениями и нормами ГАТТ/ВТО, занимает важное место в комплексном подходе снижения негативных моментов российско-китайских отношений и перспектив.

Корень проблемы оздоровления российско-китайского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества кроется в ограниченности экстенсивных источников роста товарооборота при динамическом изменении рыночного спроса на ту или иную группу экспортных и импортных товаров. Отсутствие диверсификации товарной структуры российского экспорта как исключительно российской проблемы ведет к углублению его сырьевой направленности. Замедленный переход от модели торгово-посреднической к производственно-инвестиционной влияет на все параметры российско-китайского торгово-экономического сотрудничества.

Китай и Россия стоят сегодня перед необходимостью выбора новой модели сотрудничества. Однако использование совместного потенциала крупного экономического пространства должно увязываться с национальными интересами взаимодействующих госу-

дарств, учетом специфики отдельных российских регионов и китайских провинций по степени развитости их экономик и уровню проблем социально-экономического характера и проходить путем использования преимуществ и взаимных выгод международного разделения труда. В этот период развития двустороннего сотрудничества китайская сторона, будучи членом ВТО с 2001 г., инициирует политику «четырёх свобод» (полная ликвидация ограничений межстранового перемещения товаров, капитала, рабочей силы и технологий) в приграничных районах Китая и России, которая успешно функционирует в ЕС и НАФТА. При этом китайская сторона выделяет пять основных методов экономической дипломатии: «экономическое сотрудничество, экономическая помощь, экономические санкции, развитие дипломатии стран третьего мира, мировая согласованность и международное экономическое право»²⁴³. Эти дипломатические методы направлены не только на развитие равноправного партнерства, но и на предъявление определенных требований к сотрудничеству в рыночных условиях в соответствии с достаточно жесткими и рациональными положениями теории политического реализма. Дипломатические усилия внешнеэкономической политики КНР направлены не только на сотрудничество, но и на использование экономических санкций.

Однако в китайских предложениях не учитывается тот факт, что «в ЕС процесс интеграции происходит под воздействием разветвленного политико-правового, институционального механизма межгосударственного и надгосударственного регулирования»²⁴⁴, а двигателем Североамериканской свободной торговой зоны (НАФТА), которая практически не была четко оформлена в течение нескольких десятилетий, выступают транснациональные корпорации и другие бизнес-структуры. А также не учитывается тот факт, что тихоокеанская интеграция развивается по типу так называемой «мягкой интеграции», прежде всего «на микроэкономическом

²⁴³ Лу И, Хуан Цзиньцзы и другие. Введение в дипломатию. – Пекин, 2008. – С. 169–174 // 鲁毅, 黄金祺等. 外交学概论. 北京, 2008年. 169 – 174页.

²⁴⁴ Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006. – С. 47.

уровне, где важнейший субъект — предпринимательские структуры»²⁴⁵. В развитии российско-китайской приграничной торговли подобных условий нет. И поэтому «перспективы для развития межрегионального взаимодействия на современном этапе, к сожалению, однобоки, так как китайская сторона откровенно заявляет о своих жизненно важных интересах в отношении природных ресурсов и малозаселенных территорий России. В сложившейся ситуации, по нашему мнению, для России главным является выработка стратегии экономического развития российского Дальнего Востока и Сибири. По сравнению с китайскими провинциями и автономными районами, которые имеют в арсенале реальные и выполнимые планы экономического развития до 2010–2020 гг., у российских Дальнего Востока, Забайкалья и Сибири существуют федеральные целевые программы развития на начало XXI века, во многом не соответствующие складывающейся в регионах ситуации. Вести разговор о равноправном партнерстве в торгово-экономической сфере с каждым годом становится все сложнее, так как в настоящее время российский Дальний Восток и Сибирь по ряду основных количественных параметров, не говоря о качественных, отстают от южного соседа. Отсутствие реалистичных программ развития российских регионов еще больше увеличивают подобный разрыв, что чревато серьезными последствиями экономического характера»²⁴⁶.

По сути дела Китай предлагает России форсировать упрощенную схему о свободном перемещении товаров, рабочей силы, капиталов и технологий по типу создания российско-китайского двустороннего таможенного союза с элементами общего рынка путем ликвидации барьеров для передвижения факторов производства между двумя странами и формирования единых факторов рынка. Наверное, не стоит много говорить о том, что механизм формирования ЕС прошел долгий путь развития, а каждый новый этап

²⁴⁵ Международная экономическая интеграция / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006. – С. 47.

²⁴⁶ Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. – М., 2005. – С. 228–229.

являлся логическим продолжением предыдущего. Как правило, подстегивание к снятию защитных барьеров национальных экономик неминуемо оборачивается неудачей перед лицом глобальной конкуренции.

Основной вопрос в том, насколько торговое и экономическое сотрудничество с Китаем стимулирует развитие производства в российских приграничных районах? Это открытие совместных предприятий с использованием крупных инвестиционных вложений с китайской стороны, производственная кооперация, производство из давальческого сырья, поставка и сборка комплектующего оборудования, расширение сферы российских новейших технологий и т.д. И какова заинтересованность Китая в интенсивном развитии российского Дальнего Востока и Сибири?

Достаточно сложный сравнительный экономический анализ стратегий и программ развития смежных территорий двух государств, а именно российского Дальнего Востока и Сибири и китайского Северо-Востока (Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин), Внутренней Монголии и Синьцзяна, все же позволил российским ученым Института Дальнего Востока РАН под руководством М.Л. Титаренко прийти к следующему выводу. «Активное лоббирование национальных экономических интересов Китаем во внешнеэкономических связях с Россией указывает на то, что к середине 90-х годов сотрудничество шло не на паритетных условиях, и китайская сторона оказывала давление на Россию»²⁴⁷. Китайские рекомендации для российской стороны акцентировали проблемы форсирования перевозки грузов, стабилизации таможенных тарифов, модернизации российской таможенной и портовой инфраструктуры и оборудования, упрощения перехода границы и оформления виз, ускорения строительства приграничных СЭЗ (Совместных Экономических Зон) и других вопросов, влияющих как на приграничную торговлю, так и на сотрудничество в целом.

В экономическом аспекте вопросов российско-китайских отношений, когда речь идет о возможностях и перспективах территори-

²⁴⁷ Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. – М., 2005. – С. 214.

альной приграничной политики КНР в российском направлении, появляются геополитические мотивы. Геополитическая составляющая отражает новые реалии в расстановке сил и новые стратегии в борьбе за экономическое пространство, поскольку ее предмет концентрируется на политических процессах и объектах приложения усилий на определенной территории, а специфические ее категории неотделимы от геостратегии с ее акцентом на анализ сил и роль государства на международной арене. «В международных отношениях экономическая мощь государства, безусловно, является основой развития ее дипломатической деятельности. В то время, когда экономическая мощь превращает его в сильное государство, в дипломатии, как правило, дела спорятся, проявляется гибкость и активность, создавая благоприятные условия для реализации главных задач и основных целей страны»²⁴⁸. Можно напомнить аксиому международных отношений о том, что военная составляющая непосредственно связана с экономической мощью современного государства.

С точки зрения современных геополитических исследований, российские ученые констатируют, что «наряду с общими стратегическими задачами сохранения мира и противостояния гегемонии российско-китайские отношения имеют немало подводных камней и противоречий. Россию серьезно беспокоит проникновение на российский Дальний Восток китайских иммигрантов и торговцев во все увеличивающихся масштабах, что создает угрозу массового заселения этих территорий китайцами. Территориальные претензии²⁴⁹ Китая к России, пока не актуализированные, но и не забытые, также являются основанием для беспокойства российского государства»²⁵⁰. Другая точка зрения говорит о позитивном влиянии китайского фактора на развитие регионального сотрудни-

²⁴⁸ Цзинь Чжэнкунь. Дипломатия. – 2-е изд. – Пекин, 2007. – С. 56 // 金正昆。外交学。(第2版)北京, 2007年。56页。

²⁴⁹ См. подробно: Черевко К.Е. Имеются ли у России территориальные долги Китаю? // Мир и политика. – 2008. – № 9 (24). – Сент. – С. 48–71.; № 10 (25). – Окт. – С. 36–55.

²⁵⁰ Василенко И.А. Геополитика современного мира: Учеб. пособие. – М., 2006. – С. 276.

чества между РФ и КНР. «На самом деле в сегодняшних условиях представление об угрозе «китайской демографической экспансии», нависшей над Россией — это не более чем социально-психологическая химера. Мало того, что численность китайцев в нашей стране при всех конъюнктурных колебаниях не достигает и одного процента от её населения, и переселиться в Россию они не жаждут. Российское правительство в настоящее время обладает сильными административными рычагами, позволяющими регулировать приток мигрантов. В последние годы число выезжающих из России китайцев приближается к 100 % от числа въезжающих»²⁵¹.

Развитие китайских приграничных провинций, прилегающих к РФ, осуществляется комплексно. А именно — от торговых и сервисных центров до капитальных промышленных объектов, намного превышающих способность российских предприятий по экспортному производству, переработке и организационной структуре управления, и до транспортных коммуникаций с новейшей инфраструктурой и с выходом в более широкое региональное и мировое экономическое пространство. А также до так называемых «пограничных поясов открытости» (Маньчжурия, Хэйхэ, Суйфэньхэ, Хуньчунь), близких по статусу к СЭЗ, ориентированных на создание наиболее привлекательного инвестиционного климата преимущественно с использованием более развитых японских и южнокорейских инвестиций, на освоение высоких технологий, на получение прибыли от импорта российского сырья и от продажи китайской продукции на российских рынках. Ранее советская сторона имела огромные преимущества в производственном, транспортном, технологическом оснащении и обустройстве приграничных территорий. Теперь — Китай ушел далеко вперед и ситуация изменилась: Россия экономически слабее Китая, хотя стартовые условия приграничных российских городов, например, Благовещенска²⁵² были намного выше, чем китайского —

²⁵¹ *Ларин А.* Мигранты на российских просторах: не угроза, а благо // Российская газета. — 2007. — № 61 п(4324). — 26 марта.

²⁵² «В начале 90-х годов на этот город возлагались особые надежды. Он был единственным на российско-китайской границе городом, расположенным на самой границе с КНР, вдоль отрезка хорошей судоходности р.Амур,

Хэйхэ»²⁵³. Китайский «пограничный пояс открытости» опирается в основном на четыре города: Хэйхэ, Маньчжурия, Хуньчунь, Суйфэньхэ²⁵⁴. Китайская политика в отношении российских регионов постоянно корректируется в связи с изменениями рыночных условий в экспортно-импортной торговле, при этом китайская сторона находит другие формы своей деятельности. Так, например, «наивысший объем грузов (более 90 млн т.), перевезенных через Хэйхэ, пришелся на 1993 г., товарооборот был представлен 800 видами товаров. После снижения деловой активности в середине 90-х годов, с конца 1998 г. наметилась тенденция к активизации инвестиционной деятельности: построены новый железнодорож-

имел выход на Транссиб, автомагистральные подъезды, аэропорт международного ласа с авиалиниями в центральные районы страны. Это давало широкую перспективу развития международных связей через Благовещенск... Прошло практически десятилетие, но в развитие города так и не поступило мощных финансовых вливаний как со стороны государства, так и от иностранных инвесторов. В результате он оказался не готов к вызову со стороны южных соседей и явно проигрывает». *Александрова М.В.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. — М., 2005. — С. 203, 207.

²⁵³ «В 1984 г., когда начала возрождаться приграничная торговля, за холустную деревушку Хэйхэ посетил генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан. Он заявил: «На юге — Шэньчжэнь, на Севере — Хэйхэ. Это — два крыла, которые помогут лететь». И скоро из деревушки в несколько десятков дворов Хэйхэ превратился в город с населением в 70 тыс. чел. К середине 90-х годов в нем находились представительства около 720 компаний из всех провинций Китая, а в общей сложности — 1260 торгово-экономических компаний. Иностранные инвестиции в зоне Хэйхэ сконцентрированы в 6 крупных функциональных зонах». — Там же. — С. 184.

²⁵⁴ «В Суйфэньхэ создаются комфортные бытовые условия для проживания и работы иностранных коммерсантов. За последние годы выросло число стран — торговых партнеров Суйфэньхэ, расширился ассортимент экспортируемых и импортируемых товаров, увеличился объем экспорта одежды, обуви, электротехнической продукции, фруктов и овощей, произошли изменения в импортной стратегии и источниках поступления материальных ресурсов. Внешнеторговые предприятия установили партнерские отношения с более чем 5 тысячами компаний и стран Азии, Европы, Африки, Северной и Южной Америки и Океании». *Чжунци Э.* Тоннель, соединяющий берега // Российская газета. — 2007. — № 61 п(4324). — 26 марта.

ный вокзал (напрямую связавший Хэйхэ с г.Харбином), реконструирован Хэйхэский порт (грузооборот в 1,2 млн т.), начата реконструкция Хэйхэского международного аэропорта, капиталовложения в строительство которого составят 198 млн. юаней. К концу 2001 г. аэропорт сможет принимать пассажирские лайнеры серии «Боинг-737», сооружаются гостиницы высокого класса, административные здания и торговые объекты»²⁵⁵.

В приграничных зонах КНР сформированы и активно функционируют деловые центры, обслуживающие внешнеэкономическую деятельность, с банками, офисами, гостиницами, многочисленными предприятиями, включая сельскохозяйственные комплексы по обеспечению продуктами питания местного населения и экспорту этой продукции в РФ. Таким образом, в китайских приграничных территориях вся деятельность направлена на увеличение рабочих мест и притока ресурсов из других регионов страны, а также зарубежных инвестиций. Другими словами, развитие пограничных контактов с российской стороной направлено на удовлетворение текущих потребностей, но и увязывается с общим экономическим развитием прилегающих китайских провинций. Организация процесса развития приграничных провинций КНР идет в контексте международной торговли с российскими прилегающими территориями, но без учета российской специфики и динамики.

Россия на данный момент не готова к подобному трансформационному переустройству приграничных территорий и быстрому подъему Дальнего Востока и Сибири. В виду того, что значительный экспортный потенциал российского Дальнего Востока и Сибири не проявляется в полной мере, России есть смысл обратить внимание на китайский опыт. Обычно в числе главных причин системного отставания российских приграничных территорий наряду с остро назревшими экономическо-социальными проблемами указывается, как правило, такая проблема, как нехватка финансовых средств, направляемых из центра. В этом смысле России в ее региональной политике относительно Дальнего Востока и Сибири

²⁵⁵ Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. – М., 2005. – С.185.

следует обратить внимание также на опыт и западноевропейской интеграции. «Практика осуществления региональной политики в рамках ЕС показала, что основными изъянами любого централизованного финансирования, ведущими к неэффективному использованию средств являются недостаточная адресность их выделения, гигантомания проектов или, наоборот, распыление или дублирование средств, слабая технико-экономическая проработка проектных заявок, связанный с их продвижением лоббизм и, наконец, отсутствие должного контроля за исполнением»²⁵⁶.

В российских перспективных планах освоения и подъема Дальнего Востока и Сибири есть необходимость решить проблему соотношения не только разграничения политических полномочий между регионами и центром, но и финансовых разграничений в целях улучшения их экономического статуса с одновременным усилением контроля по целевому расходованию бюджетных средств. Таким образом, в региональном сотрудничестве России и Китая в начале XXI века есть проблемы разного характера, отдельные позитивные и негативные моменты. Основные проблемы разрешимы в тактическом плане. В стратегическом отношении региональное сотрудничество между РФ и КНР имеет свои перспективы по обеспечению национальных интересов двух государств в контексте их развития и соработки.

§ 3. Российско-китайское сотрудничество в новых международно-политических условиях

Российско-китайское сотрудничество перешло в новую фазу развития, связанную с избранием третьего Президента РФ. Первый официальный визит Президента РФ Д.А. Медведева в Китай состоялся 23–24 мая 2008 г. По итогам встречи подписана Совместная декларация РФ и КНР по основным международным вопросам, всего было заключено 8 соглашений, затрагивающих различные области сотрудничества двух государств. Официальный визит китайской стороны в лице Премьера Государственного Совета КНР

²⁵⁶ Международная экономическая интеграция /Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006. – С. 125.

Вэнь Цзябао состоялся 27–29 октября 2008 года в рамках тринадцатой регулярной встречи глав правительств России и Китая²⁵⁷. В 2009 г. исполняется юбилейная дата в российско-китайских отношениях — 60 лет с момента установления дипломатических отношений между соседними странами. Россия и Китай подтвердили свою заинтересованность в укреплении сотрудничества и в развитии региональной интеграции в АТР, а также в систему мирохозяйственных связей и мировой политики.

В этот период в мире происходят серьезные изменения. Новые международно-политические условия обозначили политические, финансовые, экономические и другие акценты российско-китайского сотрудничества как на глобальном, так и на региональном уровнях. Происходящие изменения в мире демонстрируют все большую взаимозависимость и уязвимость системы международных отношений для развязывания вооруженных конфликтов (агрессия Грузии в Южной Осетии 8 августа 2008 года) и других глобальных угроз (проблемы на ипотечном рынке США в сентябре 2008 года спровоцировали стремительное развитие мирового финансового кризиса), что привносит дестабилизирующие и деструктивные элементы в развитие региональных интеграционных процессов. Из-за появления острейших международных проблем, принимающих глобальный характер, возникают как новые проблемы, требующие своего осмысления и принятия совместных решений, так и новые точки соприкосновения в российско-китайском региональном сотрудничестве.

Заметная политическая активизация российско-китайского взаимодействия в сфере региональной безопасности произошла

²⁵⁷ В ходе 13-й регулярной встречи Глав правительств России и Китая подписаны следующие документы: Соглашение о принципах строительства и эксплуатации нефтепровода «Сковородино — граница с КНР» между Китайской национальной нефтегазовой корпорацией и ОАО «Транснефть»; Соглашение между Государственной корпорацией «Внешэкономбанк» и Государственным банком развития Китая о сотрудничестве в области совместного финансирования российско-китайских проектов; Базовое кредитное соглашение между ОАО «Газпромбанк» и Экспортно-импортным банком Китая и др.

из-за конфликтной ситуации на Кавказе. Совсем недавно Россия оказалась втянутой в первую локальную войну нового века, и мир вновь стал свидетелем того, что угроз региональной и глобальной безопасности не стало меньше, чем в годы стратегического противостояния Запада и Востока. Направленная на геноцид осетинского народа грузинская агрессия при единодушной поддержке США, ведущих промышленных стран и НАТО, а также осуждение России за признание независимости Южной Осетии и Абхазии указывают на возросшую несбалансированность международных отношений в сфере безопасности и знаменует глобальный кризис международного права и международных институтов. К сожалению, «практика международной жизни продолжает разрушать остатки иллюзий и надежд, связанных с окончанием холодной войны и распадом биполярной конфигурации мира. «Формирование саморегулирующей многополюсной системы, основанной на примате правовых норм, укреплении существующих международных институтов, отказе от конфронтации и силовых методов в решении возникающих проблем, по-прежнему остается далекой мечтой. Налицо не только дефицит необходимой для этого политической воли главных действующих лиц международной сцены, не только отсутствие сколь-либо заметного желания поступиться своими сиюминутными интересами во имя перспективных интересов всего человечества, но и стремление наиболее сильных из них воспользоваться переходной ситуацией с целью подчинить мировое развитие своим «жизненным интересам»²⁵⁸.

С точки зрения теории международных отношений содержание и формы вновь образованных (Южная Осетия, Абхазия) и будущих политических единиц в качестве международных правосубъектов, их позиционирование на мировой арене оказывают влияние на облик мировой политической системы. Другими словами, идет активный процесс структурирования глобальной политической системы XXI века. И в этом процессе Россия и Китай должны сотрудничать и двигаться к развитию и соразвитию. Процесс многопараметровой трансформации мира далеко не закончен и вызывает

²⁵⁸ Цыганков П.А. Теория международных отношений. – М., 2005. – С. 12

у международного сообщества ощущение тревоги при нарушении стабильного порядка вещей и привычной картины международных отношений, включая новые вызовы и угрозы, протекающие в условиях мирового финансового и экономического кризиса. Согласно новой Концепции внешней политики Российской Федерации, которая в научных кругах, хотя и вызвала неоднозначные оценки, все же считается более конструктивной по сравнению с прежней, «Россия всецело осознает свою ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне, и готова к совместным действиям со всеми другими государствами в целях решения общих задач. Если партнеры не будут готовы к совместным действиям, Россия для защиты своих национальных интересов будет вынуждена действовать самостоятельно, но всегда на основе международного права. Россия не даст вовлечь себя в затратную конфронтацию, в том числе в новую гонку вооружений, разрушительную для экономики и пагубную для внутреннего развития страны»²⁵⁹. Этот документ формирует современный внешнеполитический курс России.

Исторический факт признания Россией государственного суверенитета и независимости Южной Осетии и Абхазии открывает путь к созданию новой, более устойчивой системы безопасности в регионе, увеличивающей возможности политической интеграции всего постсоветского пространства. Россия уже сегодня устойчиво предлагает альтернативные стратегии²⁶⁰ нового века,

²⁵⁹ Документы РФ: Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008.

²⁶⁰ «Мы предлагаем комплексно взглянуть на проблемы безопасности. Президент России Д.А. Медведев, выступая 5 июня в Берлине, выдвинул инициативу разработки Договора о евроатлантической безопасности, своего рода «Хельсинки-2». Начать эту работу можно было бы на общеевропейском саммите с участием как государств, так и всех действующих на этом пространстве организаций. Договор призван создать надежную коллективную систему, которая обеспечит равную безопасность для всех государств, в юридически обязывающей форме зафиксирует основы взаимодействия между всеми его участниками в целях укрепления мира и обеспечения стабильности, а в конечном счете — единства и управляемости развития обширного евроатлантического региона. Речь идет о процессе, в рамках ко-

эффективные механизмы и стимулы, способные противостоять нарастающим глобальным угрозам, включая военные, несмотря на противодействие ЕС, США и НАТО, и придать новый импульс²⁶¹ международным взаимодействиям.

Каковы же политические последствия противостояния России и Запада? И какова при этом реакция Китая? Повлияло ли жесткое намерение США превратить Россию в очередную «проблему XXI века»²⁶² на российско-китайские отношения, в том числе и на процессы региональной интеграции?

По мере нарастающей конфронтации между Россией и США относительно Южной Осетии российско-китайские отношения попали под пристальное внимание зарубежных экспертов и СМИ. Запад заговорил о «стратегической двойственности» Пекина и

того все подтвердили бы свою приверженность основополагающим принципам международного права — таким, как неприменение силы, мирное урегулирование конфликтов, суверенитет, территориальная целостность и невмешательство во внутренние дела, недопустимость укрепления своей безопасности за счет ущемления безопасности других. Необходимо также сообща подумать о том, какие нужны механизмы, чтобы более эффективно обеспечить соблюдение этих основополагающих принципов. Разумеется, такой договор должен органично вписываться в правовые рамки Устава ООН и предусмотренных в нем принципов коллективной безопасности». *Лавров С.В.* Выступление Министра иностранных дел России на 63-й сессии ГА ООН. — Нью-Йорк, 2008. — 27 сент. — <http://www.mid.ru>

²⁶¹ 63-я сессия ГА ООН признала, что практически все серьезные конфликты, включая Кавказ, Ближний Восток, ситуацию вокруг Ирана, Северной Кореи и другие, невозможно решить без активного участия России. «Кавказский кризис лишний раз показал, что решать проблемы современности в шорах однополярного мира не только невозможно, но и опасно. Слишком велика цена, которую приходится платить в человеческих жизнях и судьбах. Нельзя более допускать попыток решать конфликтные ситуации путем разрыва международных договоренностей и незаконного применения силы. Единжды простив подобную авантюру, мы все рискуем спровоцировать цепную реакцию». Там же.

²⁶² *Ю Бин* (старший научный сотрудник Шанхайской ассоциации американских исследований). Китай все ещё на стороне России. Южная Осетия и «стратегическая двойственность» Пекина. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1220858220>

растущем влиянии Китая в Центральной Азии в ущерб России, о конфликте интересов и различиях партнеров ШОС — Китая, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана и России. Осторожная публичная реакция Китая породила довольно широкий спектр мнений, который колебался от резкого преувеличения угрозы для Запада российско-китайского стратегического партнерства до нулевой отметки этих отношений. На самом деле китайские лидеры вполне однозначно поддержали и военные и дипломатические действия России в Южной Осетии как в личной беседе руководителей, так и в рамках ШОС. Фраза премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о том, что «война никому не нужна», облетела весь мир, а председатель КНР Ху Цзиньтао на закрытой встрече шести лидеров ШОС²⁶³ высказал мнение, что действия Грузии и западных партнеров направлены на безусловное расширение НАТО на Восток и необходимость этому противодействовать вполне поддерживается Китаем. Впоследствии осторожную позицию КНР по вопросу Южной Осетии и Абхазии, которую Запад назвал «нейтральной», относил Китай к числу неприсоединившихся к позиции России стран, подтвердила официальный представитель МИД КНР Цзян Юй: «Мы с пониманием относимся к исторической сложности этой проблемы, осознаем реальность ситуации. Мы надеемся, что все заинтересованные стороны путем диалога и консультаций решат все соответствующие вопросы и общими усилиями внесут вклад в обеспечение мира и безопасности в регионе»²⁶⁴.

Кавказский кризис еще больше подчеркнул актуальность Шанхайской организации сотрудничества как интеграционного ядра, в котором ведущие позиции занимают РФ и КНР без участия вне-

²⁶³ Политическая поддержка действий России участниками ШОС выражена в Совместной декларации в Душанбе. «Государства — члены ШОС выражают глубокую озабоченность в связи с недавно возникшей напряженностью вокруг югоосетинского вопроса и призывают соответствующие стороны путем диалога мирно разрешить существующие проблемы, прилагать усилия к примирению и содействию переговорам». Документы ШОС: Совместная декларация. — Душанбе, 2008. — 28 авг. — <http://www.sectsc.org>

²⁶⁴ Документы МИД КНР: Цзян Юй. Очередная пресс-конференция. 23 сентября 2008. — www.fmprc.gov.cn

региональных стран, в том числе США. Не вызывает сомнения, что оба государства, Россия и Китай, заинтересованы в продвижении современных форм интеграции и в случае создания региональной безопасности будут заинтересованы в снижении её рисков. По вопросам стратегической безопасности между РФ и КНР установлен механизм консультаций как важнейший канал координации российско-китайского взаимодействия в этой сфере, третий раунд которого состоялся в ноябре 2008 года. Внешнеполитическая линия Китая направлена на обеспечение статуса глобальной державы с широким спектром политических и экономических интересов. «Китай неуклонно придерживается пути мирного развития, что не может представлять угрозу и наносить ущерб ни одной стороне. КНР, которая не выступает и не будет выступать в роли гегемона, готова прилагать совместные с мировым сообществом усилия к тому, чтобы добиться гармоничного и поступательного развития всего мира»²⁶⁵.

Как известно, Китай стремится добиться ускоренного развития национальной экономики и укрепления военной мощи. При этом, во-первых, КНР намерена помешать США реализовать политику сдерживания Китая, во-вторых, стремится не раздражать единственную сверхдержаву, конкурировать с военным потенциалом которой пока Китай не в состоянии, и, в-третьих, смягчить агрессивный внешнеполитический курс Америки, направленный на формирование однополярного мира. «Основные позиции новой внешней политики Китая состоят в следующем: первое — отстаивать независимость и самостоятельность, второе — развивать всестороннюю дипломатию»²⁶⁶.

Будет ли Китай открыто противодействовать США, которые сохраняют свое военное присутствие в Восточной Азии? В частности, ВМС США находятся в Тайваньском проливе в непосред-

²⁶⁵ Вэнь Цзябао. Придерживаться политики реформ и открытости, неуклонно следуя по пути мирного развития // Доклад на общеполитической дискуссии в рамках 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Нью-Йорк, 2008. — 24 сент.

²⁶⁶ Цзинь Чжэнкунь. Дипломатия. 2-е изд. — Пекин, 2007. — С. 156–157 // 金正昆. 外交学 (第2版). 北京, 2007年. 156 – 157页.

твенной близости от западных границ Китая. Власти КНР могут занять жесткую позицию в отношении США, если американские политики будут подталкивать Тайвань к провозглашению независимости от Китая. Западные эксперты уже подготовили сценарии и мирного, и конфронтационного развития событий в Восточной Азии с участием КНР. Российские аналитики предпринимают попытки «объективно оценить сильные и слабые стороны экономического, военного и государственного строительства в КНР, дать ответ на вопрос, действительно ли Китай способен противостоять наступлению американского гегемонизма в Восточной Азии в XXI в. или интересам КНР отвечает раздел с Америкой сфер влияния в мире и продолжение процесса модернизации»²⁶⁷. Россия в контексте стратегических партнерских отношений с Китаем в ситуации китайско-американской конфронтации относительно Тайваня займет осторожную и нейтральную позицию с выражением политической солидарности, как и Китай относительно Южной Осетии. Поэтому реакция Китая на проблему конфронтации Запада и России обуславливается мотивами политической солидарности, а не конкретными действиями по типу блоковых или союзнических отношений, ушедших в прошлое.

Вооруженная агрессия Грузии вызвала обеспокоенность государств Центральной Азии как составной части всего постсоветского пространства, в котором пересекаются интересы крупнейших экономических держав мира, в первую очередь США, ищущих любой повод записать тот или иной регион в качестве якобы угрозы для национальной безопасности США. Страны развивающегося мира высказывают свою солидарность России. Например, вслед за Россией чуть более чем через год МИД Венесуэлы направил официальную дипломатическую ноту, в которой заявляет о признании независимости Абхазии и Южной Осетии. Запад вскоре стал понимать, что агрессивный внешнеполитический курс Грузии, создающий как внутривосточную нестабильность в стране, так и в регионе в целом, имеет экономически невыгодные для

²⁶⁷ Крупянюк М.И., Арешидзе Л.Г. Восточная Азия после «холодной войны»: зона конфронтации или сотрудничества? – М., 2006. – С. 12–13.

него последствия. Уже спустя год иностранные СМИ заговорили об уязвимости кавказских трубопроводов. «Взять в свою орбиту энергоносители Центральной Азии пытается Китай, а США и ЕС призывают Казахстан и Туркменистан направить экспорт энергоносителей на Запад по новым кавказским трубопроводам. Однако недавний конфликт в Грузии выявил уязвимость трубопроводов, построенных при энергичной поддержке США и призванных помочь нефтедобывающим странам каспийского бассейна диверсифицировать маршруты экспорта на Запад в обход России»²⁶⁸. Россия, напротив, прилагает усилия для стабилизации мировых энергетических рынков. Российские энергетические магистрали по типу «Южного потока» и «Северного потока» имеют перспективу изменить топливную карту Европы.

Перспективы российско-китайского взаимодействия зависят от двусторонних усилий. Взаимной политической основой является близость позиции РФ и КНР по актуальным международным вопросам, которые как члены СБ ООН обладают правом вето. Экономической основой являются российская Программа экономического и социального развития Дальнего Востока и Забайкалья до 2010 г. и китайская Программа освоения западных районов Китая до 2050 г. и ряда других документов. Пока важнейшей проблемой в аспекте интеграционного сближения вокруг России стран Центральной Азии, особенно в периоды острейших конфликтных ситуаций, остается обеспечение международной безопасности, недопущения дальнейшего расползания конфронтации по всему постсоветскому пространству как за счет внутренних проблем региона, так и по причине вмешательства внерегиональных центров силы.

Изменение международной политической ситуации в связи с мировым финансовым кризисом вносит свои коррективы во взаимоотношения РФ и КНР, а также в формы торгово-экономического сотрудничества. На мировой арене усиливается роль совместных

²⁶⁸ Горст И. Богатый нефтью, далекий и сложный регион Центральной Азии не обошли стороной толчки, сотрясающие остальной мир // The Financial Times. Великобритания. – 2008. – 30 окт. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

антикризисных инициатив России и Китая, выступающих за изменение мировой финансовой системы путем введения наднациональной мировой валюты и трансформации финансовых институтов. Если США в кризисных условиях, по всей видимости, будут сокращать национальное потребление и увеличивать экспорт, то КНР, наоборот, — наращивать внутреннее потребление и сокращать экспортный рост. Уже намечилось некоторое снижение темпов прироста двусторонней российско-китайской торговли, главным образом, за счет снижения темпов прироста импорта из Китая. А в период с января по ноябрь 2008 г., по данным МИД РФ, наблюдалось увеличение российско-китайского товарооборота на 44,4 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, что составило 52 млрд долл США, в том числе российский экспорт вырос на 37,4 % до 19,8 млрд долл США, а импорт — на 49,2 % до 32,2 млрд долл США. Отрицательное сальдо России составляло 12,4 млрд долл США. «В условиях ослабления внешней конъюнктуры Китай наращивает мощности и создает дополнительные реальные активы в своей экономике. Вряд ли это можно считать признаком переориентации экономической стратегии на внутренний рынок и в особенности на его потребительский сегмент. Это означает, что речь не идет о фундаментальном замещении американского или иного внешнего рынка на внутрикитайский. Следовательно, и признаки «автономизации» при этом имеют сугубо временный характер. В дальнейшем же Китай сможет переработать еще больше сырья и капиталов, чем прежде»²⁶⁹.

Каковы особенности российско-китайского сотрудничества в новых международно-политических условиях? Характерной чертой связей между РФ и КНР в современном периоде является достаточная степень зрелости отношений стратегического партнерства и взаимодействия с тем, чтобы не только расширять двустороннее сотрудничество, но и совместно решать актуальные проблемы в новых международно-политических условиях на региональном и глобальном уровнях, как отмечается практически во всех совмест-

²⁶⁹ Макушкин А. Дискуссия. Спасет ли Китай мир? // Международная жизнь. — 2009. — № 9. — С. 85.

ных документах. Российско-китайское сотрудничество охватывает практически все сферы рыночных экономик и пользуется активной политической поддержкой руководителей двух государств на официальном уровне. Только за 2008 год Президент РФ Д.А. Медведев и Председатель КНР Ху Цзиньтао встретились пять раз как в форме официальных визитов, так и в форматах встреч в международных организациях²⁷⁰. То есть интенсивность межгосударственного политического взаимодействия очень высока. Уже на лондонском саммите «двадцатки» 20 апреля 2009 года были определены подходы РФ и КНР к путям преодоления глобального кризиса относительно фундаментальных вопросов состояния мировой экономики, цен на нефть и сохранения стабильности валютных рынков. Меры макроэкономического регулирования по минимизации последствий кризиса каждой стороны направлены на обеспечение условий для устойчивого развития своих национальных экономик.

Активно развиваются межрегиональные и приграничные связи. Более ста соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве между местными властями более семидесяти российских регионов и китайских провинций находятся в процессе реализации. Оба государства заинтересованы в расширении инвестиционного сотрудничества в соответствии с особенностями и преимуществами развития национальных экономик. При этом используется ранее созданная платформа — региональные ярмарки в КНР и РФ, комитет содействия капиталовложениям, различные формы активизации взаимных инвестиций, стимулирование крупных китайских предприятий КНР для вложений в российскую экономику, а российских предприятий в КНР. На сегодняшний день важно понимание текущей ситуации российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия, а также потенциальных возможностей и проблем. Необходимо учитывать, что в двустороннем сотрудничестве имеются свои противоречия. В России

²⁷⁰ 23–24 мая 2008 г. первый официальный визит Президента РФ в Китай, 9 июля 2008 г. саммит «Группы восьми» на о.Хоккайдо, 27–28 августа 2008 г. саммит ШОС в Душанбе, 15 ноября 2008 г. саммит «двадцатки» в Вашингтоне, 23 ноября 2008 г. саммит АТЭС в Лиме.

имеют место разговоры о нарастающей китайской угрозе и другие неофициальные мнения, для которых есть свои основания. Зарубежные политологи и дипломаты высказывают разные мнения о российско-китайском сотрудничестве, в том числе и скептические. «Имеется понимаемый соблазн придавать российско-китайским отношениям силу, способную потрясти весь мир, рассматривать их ни больше ни меньше как ось, которая угрожает стратегическому превосходству Запада и глобальному лидерству Соединенных Штатов. Из этого убеждения следует заключение, что хорошие отношения между Москвой и Пекином фундаментально опасны для Запада, да и всей международной стабильности. Реальность однако сложнее, рассуждает автор. «Стратегическое партнерство», по сути, больше видимость, оппортунистическое состояние, в котором стороны движимы не общими взглядами, а расчетами, постоянно меняющимися векторами национальных интересов, диктуемыми правящими элитами и внешними обстоятельствами. Москва и Пекин полагают, что им выгодно играть на демонстрации важности и силы их взаимоотношений. Но в то же время нередкие расхождения портят внешний фасад. В дальнейшем и Москве и Пекину придется искать более конструктивную базу для сотрудничества, если они хотят, чтобы нынешние отношения приобрели действительную значимость»²⁷¹.

Избрание нового Президента России Д.А. Медведева в качестве третьего поколения руководителей высшего ранга вызвало закономерный интерес в Китае. Сразу же после выборов в КНР вышла книга «Вопросы национального развития России»²⁷², в которой переведены речи Д.А. Медведева. Широкой китайской общественности Д.А. Медведев был известен еще как Председатель российского Оргкомитета по проведению Года Китая в России, укрепляющий политическую, экономическую и культурную базу двустороннего взаимодействия. Примечательно, что первый визит

²⁷¹ Пядышев Б.Д. Пекин выбирает «ось удобства» // Международная жизнь. – 2009. – № 9. – С. 68.

²⁷² Медведев Д.А. Вопросы национального развития России / Пер. с рус. яз. Чэнь Юйжун, Ван Шэнцзы, Ли Цзыго. – Пекин, 2008 // 梅德韦杰夫 德阿; 陈玉荣, 王生滋, 李自国 译审. 俄罗斯国家发展问题. 北京, 2008年.

Президента РФ в КНР состоялся уже в мае 2008 г., свидетельствующий о качественно новом этапе сотрудничества²⁷³ между Россией и Китаем в XXI веке. «Мы исходим из того, что российско-китайское взаимодействие сегодня превратилось в ключевой фактор международной безопасности, тот фактор, без которого невозможно принятие основных решений в рамках международного сотрудничества»²⁷⁴.

²⁷³ «В ходе встречи на высшем уровне подписаны следующие документы: Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам; План совместных действий Федерального агентства по туризму (Российская Федерация) и Государственного управления по делам туризма Китайской Народной Республики на период 2008–2010 гг. по реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма от 3 ноября 1993 года; Соглашение о базовых условиях контрактов на оказание технического содействия в сооружении четвертой очереди газодиффузионного завода в Китайской Народной Республике и поставкам начинающая с 2010 года в течение 11 лет российских услуг по обогащению урана и/или обогащенного уранового продукта в Китайскую Народную Республику между Открытым внешне-экономическим акционерным обществом «Техснабэкспорт» и Китайской компанией индустрии атомной энергии; Генеральное соглашение о сотрудничестве между Федеральным государственным унитарным предприятием «Производственное объединение «Уральский оптико-механический завод имени Э.С. Яламова» (Российская Федерация) и Китайской национальной компанией по экспорту и импорту авиационных технологий; Меморандум о развитии сотрудничества между Открытым акционерным обществом «Вертолеты России» и Китайской национальной компанией по импорту и экспорту авиационных технологий; Меморандум о взаимопонимании между Открытым акционерным обществом Банк ВТБ и Строительным банком Китая; Меморандум между Администрацией Томской области Российской Федерации и Яньтайской северо-западной компанией лесного хозяйства (Китайская Народная Республика) о создании на территории Томской области комплексного лесопромышленного предприятия с объемом заготовки и комплексной переработки до 4,5 тысяч куб м в год». Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне. – Пекин, 2008. – 24 мая. – <http://www.kremlin.ru>

²⁷⁴ Медведев Д.А. Лекция в Пекинском университете и ответы на вопросы студентов и преподавателей. – 2008. – 24 мая. – <http://www.kremlin.ru>

С приходом третьего Президента РФ наряду с преемственностью выбранного политического курса страны просматривается индивидуальный стиль руководителя такого высокого уровня. Как следует из его высказываний, российское государство ставило и будет ставить амбициозные цели в разных сферах жизнедеятельности. Все чаще в политической лексике звучит термин «модернизация» как необходимость отойти от сырьевой направленности экономики, в корне изменив бизнес-парадигму мышления российского общества, при которой бизнес не создает, а торгует сырьем²⁷⁵. Среди главных проблем стратегического развития России Президент называет три причины. Во-первых, застаревшая экономика с крайне неудавшейся, абсолютно тяжелой структурой, в которой как только проваливается сырьевая экономика, проваливается все. Президент говорит также о подверженности российской экономики глобальным кризисам. По его словам, «это путь в никуда, так как в следующий кризис экономика России рухнет еще сильнее». Во-вторых, коррупция, принявшая системный характер и имеющая глубокие исторические корни. В-третьих, привычные установки общества надеяться на государство. Как констатирует Д.А. Медведев, российское руководство недооценило масштабы кризиса. Глубина падения рынков оказалась ниже, чем предполагали. ВВП снизится в этом году (2009 г.) на 8,5 %. Предположения допускали лишь 1–2 %. И все же Россия, хотя и тяжело, выходит из кризиса. По итогам третьего квартала 2009 г., как следует из выступления Министра финансов РФ, можно говорить о полноценном выходе из кризиса.

В продолжение уже сформировавшейся политической традиции усиливается диалоговый характер общения не только на высоком международном уровне, но и внутри страны. Предварительный текст программной статьи «Россия, вперед!» Послания Президента

²⁷⁵ «Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создаёт нужные людям вещи и технологии. Торгует тем, что сделано не им, — сырьём либо импортными товарами. Готовые же изделия, произведённые в России, в основной массе пока отличаются крайне невысокой конкурентоспособностью». *Медведев Д.А.* Россия, вперед! – 2009. – 10 сент. – <http://www.kremlin.ru>

России к Федеральному Собранию РФ выносятся на обсуждение общественности с целью расширения рамок массового участия в политической жизни государства²⁷⁶. Как транслирует российское телевидение (15 сентября 2009 г.) по свидетельству самого Президента РФ, такой практики не было в Российской Федерации.

Россия сегодня стоит на пороге перемен, связанных с «новой волной технологических изменений» в мировой экономической системе. Переход на инновационный путь развития России с выдвижением её в лидирующую пятерку государств связан с планами действий Президента РФ и Правительства РФ в соответствии с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 г. от 17 ноября 2008 г. Например, Президент РФ в статье «Россия, вперед!», а также в Послании Федеральному Собранию Российской Федерации²⁷⁷ выделяет пять стратегических векторов экономической модернизации в разных областях: энергетика и новые виды топлива, ядерные, информационные и медицинские технологии, а также космические исследования.

Самым важным смыслом и основным курсом экономической и социальной политики государства является развитие производства и отстаивание коренных интересов своего народа. Устойчивое повышение благосостояния российских граждан, обеспечение национальной безопасности, динамичное развитие экономики, укрепление позиций России на международной арене — стратегические цели нашего государства.

Россия обладает всеми возможностями для опережающего экономического роста. Это огромная территория, колоссальные запасы природных ресурсов (четверть мирового запаса древесины, шестикратное превышение на душу населения запасов нефти по сравнению со среднемировым уровнем, треть мировых запасов природного газа, второе место в мире по запасам водных ресурсов, пашни и пастбищ и т.п.), высокий интеллектуальный потенциал

²⁷⁶ *Медведев Д.А.* Россия, вперед! – 2009. – 10 сент. – <http://www.kremlin.ru>

²⁷⁷ *Медведев Д.А.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. – 2009. – 12 ноября. – <http://www.kremlin.ru>

страны, готовность большинства населения переносить трудности. Вопрос состоит в реализации этих возможностей.

России нужно перейти от экспортно-сырьевой направленности экономики к инновационному социально ориентированному типу экономического развития. Для этого необходимо преодолеть экстенсивный характер экономики.

Успешная модернизация экономической и социальной сферы, согласно формуле развития «демократия — человек — технологии», уже сегодня нуждается в новом методологическом подходе. Об этом надо говорить. При этом важно подчеркнуть специфику, новизну экономической политики России, когда экономические факторы, основой которых являются инновации, технологии и нанотехнологии, сопрягаются с социально-гуманитарными факторами, в центре которых находится человек, неотделимый от судьбы своего народа и государства.

Новый подход, выходящий за рамки ресурсно-сырьевой парадигмы, меняет сущность проблемы и указывает на новые параметры стратегии развития России. Проблема исчерпания экспортно-сырьевого потенциала позволяет увидеть новые факторы экономического и технологического роста. Это такие факторы, которые способны обеспечить и эффективность воспроизводства, и модернизацию производственного аппарата, и повышение уровня жизни людей. Актуальной становится новая методология как более широкий способ видения экономики в качестве фундамента развития человека, повышения качества и уровня его жизни. Поэтому экономика выступает базовой составляющей устойчивого развития страны, тогда она в полной мере будет соответствовать статусу России — мощной экономической державы XXI века. Именно той России, которая способна отвечать на глобальные вызовы и решать новые задачи.

Надо понимать, что трудно отойти от сырьевой зависимости. Нарастивание объемов экспорта сырой нефти и других энергоресурсов позволяет поддерживать сильный торговый баланс и поступление валюты в российскую экономику. Но и здесь все не так просто. Проблема стабильных поставок газа и нефти на мировой энергетический рынок — это и проблема транзита через Украину в

Европу, и сложная реализация проекта «Северный поток», и резкспорт энергоносителей с постсоветского пространства (Азербайджан, Туркменистан и др.), а также ряд внутренних проблем. России нужны масштабные инвестиционные проекты по типу Программы освоения месторождений полуострова Ямал и прилегающего к нему континентального шельфа. Это даст новые технологии, сбалансированность регионального развития с использованием «механизма особых экономических зон», по словам Министра экономического развития РФ Э.С. Набиуллиной. Причем в тендерной документации необходимо предусмотреть дополнительные условия иностранным компаниям, включая стопроцентную передачу технологий, как это делают, к примеру, китайцы.

В реальных условиях социально-экономического развития России экономика предстает сложным и противоречивым явлением. Важной задачей экономической науки, стратегических программ и текущих планов Правительства РФ является социальный аспект экономической жизни общества. Он требует первоочередного решения, поскольку чисто экономический аспект проблем неполно отражает место человека в современном обществе. Согласно Конституции РФ Ст. 7, государство должно придать экономике социальную ориентированность. Оно должно установить, чтобы сам российский рынок был социально ориентирован. Рынок и государство должны дать социальные гарантии людям. Это социальная защищенность от экономической бедности и социальной деградации. Весь хозяйственный механизм должен быть развернут к человеку, а также логика любой экономической доктрины, новых концепций. При этом необходимо сбалансированное сочетание следующих понятий: новая степень ответственности государства перед гражданами и техногенная культура производства, новая бизнес-парадигма, позволяющая уйти от сырьевой экономики, и национальные приоритеты страны. При такой постановке проблемы у нас есть уверенность в том, что Россия займет достойное место в мире.

Что касается Китая, то государство проводит в жизнь концепцию мирного возвышения, выдвинутую Ху Цзиньтао еще в начале его прихода к власти на XVI съезде КПК. Как полагают китайские ученые: «Мир и развитие — это два важных вопроса, стоящих пе-

ред лицом современного мира, а также два важных вопроса, стоящих перед лицом Восточной Азии. Мир и развитие имеют взаимосвязь; если нет мира, нет и развития»²⁷⁸. Однако возвышение Китая, включая экономическую и военную мощь современного государства, а также традиционные цивилизационные характеристики, все больше втягивающие в его орбиту страны конфуцианского ареала, вызвало неоднозначные отклики у международного сообщества, в том числе и в России. Концепция мирного возвышения Китая была скорректирована XVII съездом КПК в контексте более гармоничного сближения Китая с окружающим миром. Большинство китайских ученых придерживается однотипных мнений. «Концепция построения гармоничного мира является важным вкладом Китая в изменение структуры нового международного порядка. Современный мир не гармоничен, яркими проявлениями которого являются несправедливость, отсутствие коренных изменений старого нерационального мирового порядка, гегемонизм и использование силы в политике, неравномерность мирового развития, увеличение конфликтов между различными культурами. Являясь постоянным членом Совета Безопасности ООН и самой большой страной с высокими темпами роста из всех развивающихся стран мира, Китай выдвинул новую концепцию построения гармоничного мира, посвятив себя миру, развитию и сотрудничеству и взяв на себя ответственность по строительству нового мирового порядка»²⁷⁹. А также подобная точка зрения отражена в трудах других ученых. «Китай выдвинул концепцию «гармоничного мира», а на международной арене популярная теория глобального управления получила еще большую популярность. Страны развивающегося мира, заботясь об общей судьбе человечества, выступая против однополярности и гегемонизма, против «Pax Americana», а также за укрепление роли ООН, прилагают усилия для установления нового мирового поли-

²⁷⁸ У Цзяньминь. Дипломатия и международные отношения: взгляд и мысли У Цзяньминя. – Пекин, 2006. – С. 78 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年. 78页。

²⁷⁹ Е Дучу. Особенности социализма в Китае: Учеб. пособие. – Пекин, 2007. – С. 158 // 叶笃初. 中国特色社会主义学习读本. 北京, 2007年. 158页。

тического и экономического порядка»²⁸⁰. Содержание подобных высказываний, их частота повторений в китайской научной литературе указывают на идеологический характер внешней политики Китая, не лишенной стереотипов азиатской системы ценностей с усилением националистических тенденций по сохранению политических амбиций в контексте глобального управления миром.

²⁸⁰ Юй Кэтин. Эмансипация мышления и политический прогресс. – Пекин, 2008. – С. 263 // 俞可平. 思想解放与政治进步. 北京, 2008年. 263页。

Глава III.

Российско-китайское сотрудничество как фактор развития интеграционных процессов в АТР

§ 1. Региональное сотрудничество России и Китая как условие стабилизации процессов интеграции в Центральной Азии

Интеграционные процессы в наиболее общем понимании как часть процесса глобализации означают сближение государств на непрерывно расширяющемся в историческом плане пространстве, на котором происходит интенсивное взаимодействие народов²⁸¹. Усиление международных контактов, интенсификация торгово-экономического сотрудничества между Россией и Китаем²⁸² как крупнейшими региональными государствами побуждают к интеграции более мелкие сопредельные страны Центральной Азии, заинтересованные в увеличении своего международного влияния. Динамичное российско-китайское сотрудничество формирует условия стабилизации развивающихся интеграционных процессов в Центральной Азии как постсоветского и околопостсоветского пространства. Развитие реальных интеграционных процессов предполагает принципиальную смену моделей взаимодействия государств в Центральной Азии, а в настоящее время на постсоветском пространстве наблюдается лишь процесс их качественных изменений. В чем суть этих изменений в Центральной Азии?

Вновь возникший отдельный регион ЦА включает Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, выступающих в качестве новых независимых государств после распада

²⁸¹ Лебедева М.М. *Мировая политика: Учебник для вузов.* – М., 2006. – С. 161.

²⁸² «Межгосударственные связи России и Китая сейчас находятся на самом высоком уровне за всю историю отношений», по оценке Президента РФ в преддверии екатеринбургских саммитов ШОС и БРИК. *Медведев Д.А.* Интервью китайским СМИ. – 2009. – 15 июня. – <http://www.kremlin.ru>

Советского Союза. Провозглашение нового региона ЦА, охватывающего постсоветские государства этого региона, вместо старого названия Средняя Азия²⁸³ по инициативе Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева имеет свой политический смысл. Во-первых, новая дефиниция послужила символом политического дистанцирования вновь образованных независимых республик от России как международно-правового продолжателя бывшего СССР. Во-вторых — определила направление политической трансформации этих государств на суверенитет и независимость, выступающих на международной арене в качестве международно-правовых субъектов. В-третьих — создает предпосылки для будущей полноценной интеграции стран ЦА как одной из составляющей современной системы международных отношений, очерчивающей новые контуры и новые границы региона, где проживает более 60 миллионов человек. На сегодняшний день остается открытым вопрос, насколько состоялся регион Центральная Азия в политическом, экономическом, социальном, цивилизационном и других отношениях?

²⁸³ Понятие Средней Азии в российской географической науке существует с советских времен, что связано с делением СССР на экономические районы: Среднеазиатский (Узбекистан, Туркмения, Таджикистан и Киргизия) и Казахстанский. С точки зрения географической науки ЦА — это гораздо более крупный регион, включающий помимо Средней Азии, также Монголию и западную часть Китая. По определению ЮНЕСКО, ЦА включает Монголию, Западный Китай, Афганистан, Пенджаб, северную Индию и северный Пакистан, северо-восточный Иран, районы азиатской России южнее таежной зоны и пять бывших советских республик Средней Азии. Другой метод определения границ ЦА исходит из этнического состава населения, в котором за основу берутся районы, населенные восточно-тюркскими народами, монголами и тибетцами. В таком случае в ЦА входят Синьцзян, тюркоязычные регионы Сибири, пять бывших советских среднеазиатских республик (хотя Таджикистан населен ираноязычными народами) и север Афганистана. Исторически ЦА всегда ассоциировалась с населяющими ее кочевыми народами и Великим шелковым путем, то есть местом пересечения различных частей Евразийского континента — Европы, Ближнего Востока, Южной и Восточной Азии. Отдельные российские востоковеды к ЦА относят Среднеазиатский субрегион, включающий Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, а также примыкающие к ним: на севере — Казахстан, на востоке — Монголию и на юге — Афганистан.

Центральная Азия объединяет разноплановые в экономическом отношении государства, отличающиеся политическими, стратегическими и в меньшей степени этническими и конфессиональными доминантами. Этот регион выступает одновременно в нескольких обликах. Первый облик Центральной Азии. Прежде всего, это достаточно целостный в территориальном отношении регион, вновь восстанавливающий свои границы между внутрорегиональными государственно-территориальными единицами и соседними странами и в то же время не выходящий за пределы постсоветского пространства.

Проблема территориального размежевания границ внутри ЦА не создала конфликтного потенциала, хотя и породила некоторые пограничные межгосударственные трения. Их причина кроется в историческом характере отношений между странами Средней Азии в составе СССР. «Тогда в основе установления границ между ними лежали политико-административные интересы, из-за чего районы, относящиеся к одним государствам оказались почти в анклавном положении, будучи полузамкнутыми землями соседних, а национальный состав на сопредельных территориях заметно смешан с нередким и значительным преобладанием народности смежного государства. Такое положение дел, к сожалению, порождает пограничные трения. Однако они носят в основном межобщинный характер и касаются в первую очередь споров за сельскохозяйственные угодья, источники воды и свободу транспортных сообщений. Реагировать на них, естественно, приходится и властям соответствующих стран, но, несмотря на наличие внутри и вне их деструктивных сил, заинтересованных в нестабильности обстановки, возникновения серьезных межгосударственных противоречий, а тем более конфликтов на этой почве в регионе ожидать не следует. Здесь все государства, кроме Туркмении, входят в ЕврАзЭС, ШОС и ОДКБ, потенциал которых способен обеспечить урегулирование трений между их членами»²⁸⁴. Примером современных приграничных трений служит установление Узбекистаном в одностороннем

²⁸⁴ Агафонов Г.Д. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. – М., 2007. – С. 125.

порядке оградительных трехметровых сооружений вдоль границы с Киргизией в Андижанской области 10 июня 2009 года²⁸⁵. Между Узбекистаном и Киргизией есть определенное количество спорных участков, которые каждая сторона считает своей территорией. Однако согласно совместным договоренностям, стороны не имеют право проводить какие-либо односторонние действия до окончательного завершения демаркации границы.

Что касается территориальных вопросов центральноазиатских государств с Китаем, то существуют специальные договора и соглашения с приграничными Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном. Например, Протокол о демаркации линии государственной границы между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой от 10 мая 2002 г., завершивший юридическое оформление казахстанско-китайской границы протяженностью 1782 км, из них 1215 км приходится на сухопутную границу, 567 км — на водную.

В настоящее время политические аспекты процесса урегулирования государственных границ между странами Центральной Азии и Китаем уже получают своё научное осмысление, например, в исследованиях Дипломатической Академии МИД РФ²⁸⁶. В то же время в центральноазиатской прессе высказываются разные мнения по поводу территориальной политики Китая в ЦА. «Китай после распада СССР проводит крайне активную политику в Центральной Азии, в первую очередь направленную на приобретение небольших, часто расположенных в труднодоступных районах территорий. Такие приобретения состоялись в результате переговоров по спорным территориям с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, а также с Россией (небезызвестное приобретение в районе Амура). Китайцы всюду создают комиссии, делящие так называемые спорные территории, хотя до распада СССР они таковыми не считались. Например, Таджикистан отдал Китаю тысячу квадратных километров в труднодоступном Мургабском районе.

²⁸⁵ <http://www.internovosti.ru/text/?id=18139>

²⁸⁶ Курбонова З.М. Политические аспекты процесса урегулирования государственной границы между Таджикистаном и Китаем: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2009.

Неоднократно там побывав, могу утверждать, что в этом высокогорном районе (пять километров над уровнем моря) нет ничего ценного. Но это стратегическое место, которое в перспективе позволяет контролировать Горно-Бадахшанскую автономную область и особенно пути, ведущие в Ферганскую долину. В этом регионе у Китая есть претензии к Таджикистану в размере двадцати восьми тысяч квадратных километров, что сопоставимо с территорией нынешней Армении. Кроме активной территориальной экспансии символического свойства, Китай крайне деятелен в экономических вопросах»²⁸⁷. Зарубежные СМИ пишут об активизации политики Китая в отношении строительства транспортных коммуникаций в Центральной Азии в период глобального финансового кризиса. «Пока богатые страны направляли миллиарды на спасение банков, Китай в сентябре без лишнего шума объявил о планах инвестирования 100 млрд долларов в строительство автомобильных и железных дорог, призванных открыть труднодоступную Центральную Азию остальному миру. В ближайшие десятилетия будет построено более 20 000 км железнодорожных путей, чтобы доставлять китайские товары в Центральную Азию, а нефть и металлы — в Китай. Железные дороги, которые пойдут в направлении России, Европы, Ирана и Пакистана, создадут современный эквивалент древнего Шелкового пути. Ожидается, что проект, осуществляемый в то время, как даже самые отсталые и изолированные страны ЦА начинают искать инвестиций извне, придаст импульс запоздалой интеграции региона с глобальными рынками»²⁸⁸.

Второй облик ЦА. В то же время Центральная Азия — чрезвычайно сложная по своей структуре, этнически раздробленная контактная зона противоречивых отношений народов и новых госу-

²⁸⁷ Багдасаров С. Центральная Азия — ключевой регион мировой политики // Русский Журнал, 1997–2008. — <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Centr-azia.html>

²⁸⁸ Горст И. Богатый нефтью, далекий и сложный регион Центральную Азию не обошли стороной толчки, сотрясающие остальной мир // The Financial Times. — Великобритания, 2008. — 30 окт. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

дарственных образований. Структура ЦА дезадаптирована за счет нарушения ранее сложившихся исторических связей, каждая отдельная часть которой, будучи в составе бывшего Советского Союза, представляла собой согласованную неотъемлемую единицу общего целого во всей системе жизнедеятельности прежде единого высокоцентрализованного государства. Центральная Азия — это в свою очередь и своеобразный структурный «разлом» на стыке разновекторных геополитических, геостратегических и геоэкономических интересов глобальных и макрорегиональных игроков, стремящихся к обретению зон влияния (военно-политических, экономических, религиозных, этнических и иных) в слабо оформленном и довольно аморфном центральноазиатском постсоветском пространстве. И, наконец, третий облик ЦА. Центральная Азия в аспекте проявления интеграционных тенденций приобретает все более выраженные черты ареала трансграничного и приграничного торгово-экономического сотрудничества, протекающего на фоне рыночной трансформации национальных экономик и обострения стратегического соперничества в топливно-энергетической и других ресурсно-сырьевых сферах, таких, например, как доступ к источникам пресной воды и т.д.

Каковы условия стабилизации процессов сотрудничества и дальнейшего развития интеграции в ЦА? Несмотря на то, что отдельные национальные государства Центральной Азии по-разному вписываются в региональные процессы, наличие общих системных проблем постсоциалистической эволюции структурирует процессы выстраивания этих государств вокруг России как формирующегося интеграционного ядра по воссозданию экономической целостности постсоветского пространства в контексте реинтеграционного сближения²⁸⁹. Исключение составляет Туркменистан, который не входит, кроме СНГ, ни в одну интеграционную реги-

²⁸⁹ «В отношениях между собой центральноазиатские республики пуговиной соединены с Россией, а не с Китаем». На этот момент обращают внимание российские ученые, проводя обзор, в частности, индийских исследований по проблеме взаимоотношений центральноазиатских государств с Россией и Китаем. Задепей Н.В. Обзор исследований по проблеме развития Шанхайской организации сотрудничества // Клименко А.Ф. Шан-

ональную группировку (ШОС, ОДКБ²⁹⁰, ЕврАзЭС²⁹¹, СВМДА²⁹²). На формирующемся интеграционном региональном фоне прослеживается тенденция к обособлению Туркменистана. Позиция политического обособления Туркменистана с элементами изоляционизма и фрагментации как тенденции, противоречащей процессам интеграции, не расширяет степень свободы внешнеполитического маневра туркменских лидеров, а, наоборот, удерживает страну на периферии региональных процессов. Политика нейтралитета, при которой Туркменистан стремится избежать какого-либо иностранного влияния, может повлиять на стабильность в Центральной Азии. По мнению российских ученых Института Дальнего Востока РАН, «в принципе, если Ашхабад не будет создавать затруднения для США в деле установления их контроля в ЦАР и Прикаспий-

хайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008. – С. 396.

²⁹⁰ ОДКБ (Организация Договора о коллективной безопасности) — военно-политический союз, созданный государствами СНГ на основе Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г., преобразованный в полноценную международную организацию 7 октября 2002 г., которая имеет статус наблюдателя в ГА ООН с 2 декабря 2004 г. Членами ОДКБ являются: Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан.

²⁹¹ ЕврАзЭС (Евразийское экономическое сообщество, Астана, 2000 г.) — международная экономическая организация, связанная с формированием общих внешних таможенных границ, выработкой единой внешнеэкономической политики, тарифов, цен и другими составляющими функционирования общего рынка, входящих в нее стран (Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан). Страны-наблюдатели: Армения, Молдавия, Украина. В 2006 году на совете ЕврАзЭС принято решение учредить Таможенный союз между РФ, Беларусью и Казахстаном. В 2008 году Узбекистан вышел из ЕврАзЭС.

²⁹² СВМДА (Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии) — политический форум для диалога в целях поиска взаимоприемлемых мер по решению проблем и конфликтов в регионе, созданный в 1993 г. по инициативе Казахстана 5 октября 1992 г. Государствами-членами являются: Афганистан, Азербайджан, Китай, Монголия, Египет, Индия, Иран, Израиль, Казахстан, Кыргызстан, Пакистан, Палестина, Республика Корея, Россия, Таджикистан, Таиланд, Турция и Узбекистан. Государства-наблюдатели: Австралия, Ливан, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Япония, Украина и США, а также участвуют ООН, ОБСЕ, ЛАГ.

ском регионе, а также продвижению НАТО на Восток, он имеет шансы на снисхождение американцев. Однако если Вашингтону потребуется разместить свои базы в Туркмении, например, в случае решения о проведении военной операции в Иране, туркменскому руководству вряд ли удастся сохранить нейтралитет. Поэтому, придерживаясь такого курса, Ашхабад даже вопреки своему желанию может сыграть деструктивную роль в деле сохранения стабильности в ЦАР. И, похоже, что это начинает понимать новое руководство страны»²⁹³. В настоящее время США планируют создание военной базы вблизи г.Мары и транзит военных грузов через территорию этой страны. С ухудшением внутривосточной ситуации в Иране, связанной с очередными выборами главы государства, с ядерной программой, а также влиянием соседних государств (Израиль), внешнее давление США будет усиливаться и на руководство Туркменистана. С приходом нового руководства меняются внешнеполитические приоритеты Туркменистана. По мнению иностранных СМИ, «наиболее радикальная трансформация происходит в Туркмении, где новый лидер Гурбангулы Бердымухаммедов объявил страну открытой для иностранных инвестиций, покончив с многолетней изоляцией, в которую погрузил страну его предшественник. Туркменистан стал объектом пристального внимания нефтяных компаний, а Россия, Европа и Китай борются за доступ к гигантским газовым резервам страны. Бердымухаммедов умело сталкивает инвесторов друг с другом, в то время, как его важнейший приоритет на настоящий момент — направить иностранный капитал на реформу сельского хозяйства и социальной сферы страны, находящихся в упадке»²⁹⁴.

В аспекте проявления интеграционных тенденций в ЦА следует отметить противоречивый характер общих системных проблем и складывающихся при этом ситуаций в экономической

²⁹³ Агафонов Г.Д. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. – М., 2007. – С. 81.

²⁹⁴ Горст И. Богатый нефтью, далекий и сложный регион Центральной Азии не обошли стороной толчки, сотрясающие остальной мир // The Financial Times. – Великобритания, 2008. – 30 окт. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

сфере. Это необходимость ускоренной модернизации и нехватка, а точнее дефицит, нужных для полноценного ее осуществления ресурсов (финансовых, технологических, производственно-кооперационных, демографических и других). А также необходимость создания экспортно-ориентированных производств, исходя из опыта, например, восточноазиатских моделей развития, включая специфику китайской модели, и при этом сложность выхода на внешние региональные и глобальные рынки, на которых уже сложилась жесткая международная конкуренция и обозначились сильные и слабые участники. И, наконец, это необходимость формирования благоприятного инвестиционного климата в ЦА и одновременно опасность системного вымывания национальных стратегических ресурсов в отдельных странах региона. Целая группа нерешенных проблем ставит отдельные государства Центральной Азии перед весьма серьезной проблемой оттеснения на периферию региональных интеграционных процессов. Сотрудничество России и Китая, направленное на тесное взаимодействие с центральноазиатскими государствами с учетом их национальной специфики, выступает в качестве позитивного фактора в создании условий стабилизации региональных процессов и в развитии дальнейшей интеграции в ЦА.

Интеграционные процессы способствуют поддержанию стабильности в регионе и развитию национальных экономик. В Центральной Азии наблюдается сложная ситуация, создающая угрозу целостности региона. Пока не определены зоны влияния внешних региональных и мировых держав, а также глобальных экономических центров, но геостратегические схемы нового передела региона, по крайней мере, в теоретическом плане уже созданы. Свои геостратегические проекты привносит в ЦА целая группа стран, таких, как Иран, Турция, США, страны Евросоюза, Китай и другие. Например, Иран выдвигает проект расширения цивилизационного, религиозного, а, следовательно, и политического пространства. В результате отдельные центральноазиатские государства пересматривают концептуальные основы будущего развития, все больше связанные с построением исламского государства. В частности, не исключается возможность превращения Таджикистана в ислам-

ское государство²⁹⁵, в котором глава государства является одновременно и политическим и религиозным лидером. С одной стороны, ислам без радикальной составляющей, использующей экстремизм и терроризм как метод политической борьбы, имеет позитивный потенциал, религиозный ресурс которого способствует стабильному развитию общества. С другой стороны, идея, преследующая цель создания крупных исламских халифатов в различных регионах Восточной Евразии, эксплуатируется различными террористическими организациями, а мусульманские лидеры превращаются в механизм глобальной стратегии иностранных держав, стремящихся поставить под контроль перспективные районы добычи сырьевых ресурсов в регионе.

Для США геополитическим стремлением является создание единого контролируемого замкнутого кольца в составе стран Центральной Азии, Афганистана и Ближнего Востока и превращение его в зону нестабильности. В военно-политическом плане контроль США над Центральной Азией «позволит осуществить глубокое

²⁹⁵ «Сегодня, пожалуй, нет страны бывшего СССР, в котором не отмечался бы ренессанс религии... Учитывая потенциальный экономический и иной вес мусульманских стран, ряд экспертов Таджикистана однозначно полагают, что сближение с братьями по вере не останется для их страны незамеченным. Первое, что можно ожидать — духовно-политическое сближение с исламскими странами и отдаление от России. Например, недавнее возвращение национального варианта написания имени главы государства. Примечательно, что фактически возвращение к национальной форме написания имен не означает ничего религиозного, но воспринимается как ещё один шаг, отдаляющий Таджикистан от российского влияния. Это, казалось бы, незначительное событие, которое, однако, взволновало российских политиков. К этому следует добавить частые встречи Президента Рахмона с Президентом Ирана Ахмадинежадом, 4 встречи в течение прошлого года, создание единого фарсиязычного телевидения Таджикистаном, Ираном и Афганистаном. В этом ряду частые визиты главы Таджикистана в страны арабского мира. Удельный вес таких визитов возрастает. Все это в Таджикистане воспринимается как национальное возрождение жизни страны после более чем столетнего влияния России в стране, а внешними наблюдателями как все большая дистанция от России». *Асадуллаев И.* Есть ли почва для возникновения исламского государства в Таджикистане? 17 февраля 2009. — <http://www.easttime.ru/analytic/1/10/573.html>

рассечение азиатского континента и создаст некую разделительную полосу между Россией и Индией, Россией и Западным Китаем, а также отсечь от них Иран. Такая полоса может простираться от азиатского форпоста НАТО — Турции вплоть до Монголии и включать в себя «покоренный» Ирак, «усмиренный» Афганистан, «рвущуюся» в альянс Грузию, «вовлекаемые» в него Азербайджан и некоторые государства Средней Азии. В экономическом отношении это поставит под контроль Запада весь прикаспийский и центральноазиатский нефтегазовые районы, в политической плоскости даст рычаги воздействия на ситуацию в сибирско-дальневосточном регионе России, в Западном Китае и Северной Индии. Поэтому экономические и военно-политические интересы в ЦАР США и их союзников с одной стороны, России, Китая, Индии и взаимодействующих с ними стран с другой — вступают в серьезное противоречие и могут вылиться в прямое противоборство»²⁹⁶. В связи с обострением иранской проблемы США стремятся поставить под свой контроль нефтегазовое побережье Персидского залива и Прикаспийский регион с тем, чтобы проникнуть вглубь Азии вплоть до Сибири. В плане стратегического вовлечения США в ЦА большое внимание уделяется Монголии с тем, «чтобы осуществить глубокое вклинивание между Китаем и Россией, завершив тем самым разделительную полосу на континенте от Средиземного моря до Забайкалья и пустыни Гоби. При этом обладание в Монголии воздушными базами с самолетами системы АВАКС»²⁹⁷

²⁹⁶ Агафонов Г.Д. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. — М., 2007. — С. 7173.

²⁹⁷ Система АВАКС, *AWACS* (Авиационная система предупреждения и управления, *Airborne Warning and Control System*) позволяет отслеживать воздушные суда на удалении до 400 км, находящихся вне пределов поражения современных систем ПВО. В режиме воздушного боя АВАКС может взаимодействовать с дружественными летательными средствами, расширяя зону действия и приобретая дополнительную возможность обнаружения. В системе АВАКС используется вращающийся радар, разработанный и построенный компанией Boeing, на основе разработок компании Вестингауз (сейчас Northrop Grumman). Система монтируется на специальном самолёте E-3 Sentry, который является модифицированным Boeing 707. Вариант для ВВС Японии называется E-767 и основан на Boeing 767. Самолеты системы

позволило бы американцам контролировать большую часть Сибири и Дальнего Востока России, а также восточные и значительную часть центральных областей Китая, что осуществляется сегодня только из космоса»²⁹⁸. К геостратегическим инициативам США в ЦА относятся проекты «Большая Центральная Азия», «Большой Ближний Восток», «Каспийский страж», ЗДЭР ГУАМ, форум под эгидой США «Партнерство ради сотрудничества и развития Большой Центральной Азии» и др.

ЕС наряду с США, следуя геополитическим концепциям прошлого века, стремится занять свободные ниши в «подбрюшье» России и выйти на новые рынки энергоносителей. Хотя «страны Центральной Азии не реформировались и не интегрировались в глобальную экономику такими же темпами, как другие бывшие советские республики, — говорит Оливье Декам (Olivier Descamps), управляющий директор отдела Евразии в Европейском банке реконструкции и развития. — Большинство центральноазиатских государств ещё не появилось на экранах радаров международных инвесторов»²⁹⁹.

Китай в геостратегическом плане, отнесенном пока на долгосрочную перспективу, но в то же время опирающегося на ретроспективную проекцию китайских национальных интересов в отношении исторической территории Центральной Азии, намерен расширить свои стратегические горизонты. Хотя в целом, согласно официальной точке зрения³⁰⁰, в российско-китайском сотрудничестве

АВАКС используются в Афганистане. В связи с выборами в Афганистане летом 2009 г. члены НАТО приняли решение о направлении 3–4 самолетов АВАКС на его территорию. Встреча министров обороны 28 стран-членов НАТО. Брюссель. — 2009. — 11–12 июня. — <http://www.nato.int>

²⁹⁸ Агафонов Г.Д. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. — М., 2007. — С. 81.

²⁹⁹ Горст И. Богатый нефтью, далекий и сложный регион Центральной Азию не обошли стороной толчки, сотрясающие остальной мир // The Financial Times. Великобритания. — 2008. — 30 окт. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

³⁰⁰ «Наше стратегическое взаимодействие оцениваю весьма и весьма позитивно. Оно динамично развивается с учетом двух главных принципов. Во-первых, Россия и Китай имеют общее видение современного мира, тен-

ве почти не осталось нерешенных политических, военных и пограничных вопросов, а будущее направлено на укрепление стратегического взаимодействия, тем не менее в неофициальных кругах распространяются разные мнения. «По мере того, как Китай будет становиться сильнее и расширять свои стратегические горизонты, он не будет готов играть вторую скрипку в отношениях с Россией в Центральной Азии»³⁰¹. Другими словами, по мысли российских востоковедов, «Китай рассчитывает на достижение статуса супердержавы, не имеющей себе равной на мировой арене»³⁰². Если учесть тенденцию ускорения региональных и глобальных процессов, масштабность и глубину мировых кризисов финансовой и экономической системы, ведущей к более активной ее трансформации, усложнению международного взаимодействия и смене региональных лидеров, то Китай выдвигается на лидирующие позиции гораздо раньше, чем было им запланировано³⁰³. В настоящий период США постепенно начинают терять глобальную стратегическую инициативу, которую впоследствии может перехватить богатый и мощный Китай. При этом возможностями России как экс-сверхдержавы XX века не следует пренебрегать в новом веке. «И причина этого — ... неспособность США поступиться даже

денций его развития, общее видение путей решения глобальных и региональных проблем на основе международного права, укрепления центральной роли ООН, а также на основе многосторонней дипломатии. Во-вторых, Россия и Китай, в рамках изложенных мной выше подходов, всегда поддерживают друг друга по конкретным вопросам, которые напрямую затрагивают национальные интересы России и Китая». *Лавров С.В.* Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Китая Ян Цзечи. Москва. 27 апреля 2009.

³⁰¹ *Бобо Ло.* Выступление на семинаре «Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы» в рамках программы «Азиатская безопасность» в Московском Центре Карнеги. — М., 2004. — 8 июня. — <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/70663.htm>

³⁰² *Агафонов Г.Д.* Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. — М., 2007. — С. 88.

³⁰³ Китай еще в конце прошлого века поставил стратегическую цель по завершению «четырех модернизаций» к 2050 году.

малой частью текущих интересов ради урегулирования своих же собственных стратегических проблем. Этот поистине самоубийственный эгоизм буквально выталкивает на авансцену мирового развития новых участников — Евросоюз, Китай и ... Россию, и кладет конец Pax Americana»³⁰⁴.

Для России центральноазиатское пространство является традиционным в сфере экономики и стратегическим — в сфере безопасности. Россия имеет определенные преимущества в ЦА. «Если США, Евросоюз и даже Китай делают большие усилия, чтобы найти общий язык с правительствами, проникнуть в ментальность закрытых для них среднеазиатских народов, у России в этом смысле большая фора. Почти 200-летняя общая история, не ушедший из оборота русский язык, больше 10 миллионов соотечественников, навсегда связавших свою жизнь с Азией, — это ли не преимущества. Справедливости ради надо признать, что после обретения независимости центральноазиатские республики не вызывали особого энтузиазма у российского истеблишмента. Украина, Белоруссия, страны Кавказа — на них было сфокусировано куда больше внимания и надежд»³⁰⁵. Кроме этого «нельзя однозначно оценивать российскую политику в Центральной Азии либо как угасающую, либо, наоборот, как возрастающую. Последние восемь лет политика России в регионе остаётся на одинаковом уровне, и достаточно сильное влияние России обусловлено наличием большой прослойки пророссийски настроенных людей в центральноазиатских странах. Если Россия сумеет поддержать каким-то образом эти элитные группы, то она усилит свои позиции»³⁰⁶. В геостратегическом плане самыми важными государствами для ЦА являются Россия и Китай. Политика США в Центральной Азии не оправдала особых

³⁰⁴ *Делягин М.Г.* Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса // Мир и политика. — 2008. — № 11 (26). — Ноябрь. — С. 8.

³⁰⁵ *Таранова Э.* Центральная Азия не взорвется. Битва за регион только началась // РИА Новости. — 2008. — 15 апр. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

³⁰⁶ *Иманалиев М.* Центральная Азия — традиционно ведомый регион // Интервью. Фергана.ру. — 2008. — 4 нояб. — <http://www.fergana.ru/article.php>

надежд на финансовую помощь и претерпевает кризис доверия из-за вмешательства во внутренние дела других государств. И РФ и КНР заинтересованы совместно с центральноазиатскими государствами в решении общих системных проблем по сохранению взаимной безопасности и стабильному политическому, экономическому, военному, культурному и иному сотрудничеству и интеграции как в двустороннем, так и в многостороннем форматах.

Китай в Центральной Азии проводит политику «мягкого сотрудничества». Интенсификация торгово-экономических связей Китая в Центральной Азии и его роль в регионе будет постепенно возрастать. При этом сохраняется политика дифференцированного подхода к центральноазиатским государствам. В настоящее время диапазон политических двусторонних контактов Китая достаточно широк с Казахстаном. Двустороннее казахстанско-китайское сотрудничество отвечает уровню доверительного и стратегического партнерства, экономическую основу которого составляет торговля. Для Казахстана Китай в списке торговых партнеров стоит на втором месте после России. Казахстанско-китайский годовой товарооборот составляет около 15 млрд долларов, а объем китайских инвестиций в казахстанскую экономику превысил 8 млрд долларов. Двустороннее стратегическое партнерство основано на Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РК и КНР от 23 декабря 2002 года, Совместной декларации РК и КНР об установлении и развитии стратегического партнерства от 4 июля 2005 года, Совместном заявлении РК и КНР от 16 апреля 2009 года и других политических документах. Сотрудничество в экономической, энергетической, финансовой сферах, а также в областях образования и транспорта отражено в Стратегии сотрудничества РК и КНР в XXI веке от 20 декабря 2006 года, Концепции развития экономического сотрудничества между РК и КНР от 20 декабря 2006 года и других экономических соглашениях.

В условиях мирового финансового кризиса Казахстан и Китай предпринимают антикризисные меры. Совместные документы РК и КНР свидетельствуют о позитивном настрое двух стран. «В целях предотвращения продолжения распространения и разраста-

ния мирового финансового кризиса международному сообществу следует объединить усилия; укрепить сотрудничество в сфере финансового контроля; продвигать реформу международных финансовых организаций; повышать представительность и право голоса развивающихся стран в международных финансовых организациях; поощрять региональное финансовое сотрудничество; улучшать международную валютную систему. Стороны продолжают тесное финансовое сотрудничество, усилят контроль в финансовой сфере, будут проводить обмен опытом и информацией в целях противостояния финансовым рискам; содействовать устойчивому и интенсивному развитию экономик двух стран путем активного продвижения реализации конкретных проектов в торгово-экономической, энергетической и других сферах; вносить должный вклад в обеспечение стабильности мировой финансовой ситуации»³⁰⁷.

Китай поддерживает связь по обеспечению стабильности и развитию национальных экономик с Киргизией, Таджикистаном, взял курс на создание зоны долгосрочного влияния в Туркменистане с дальнейшей привязкой его к китайскому рынку, что выражается в предоставлении безвозмездной финансовой помощи, которая используется на поставку китайских товаров. Основным документом в кыргызско-китайских отношениях является Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой от 24 июня 2002 года. Он определяет направление двух стран по обеспечению долговременного, стабильного и здорового развития и имеет важнейшее историческое и практическое значение. В этом русле важна Программа сотрудничества между КР и КНР на 2004–2014 годы от 21 сентября 2004 года, Совместная декларация между КР и КНР от 9 июня 2006 года, знаменующая вступление кыргызско-китайских отношений в новый этап развития. Приоритетные направления двустороннего сотрудничества выделены в Совместной декларации КР и КНР о дальнейшем углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества от 14 августа 2007

³⁰⁷ Совместное заявление Республики Казахстан и Китайской Народной Республики (п. 10). – 2009. – 16 апр. – <http://www.fmprc.gov.cn>

г., в которой планируется «развивать сотрудничество по реконструкции и открытию автомобильной дороги «Кашгар – Иркештам – Сары-Таш – Ош – Андижан – Ташкент», уделять особое внимание проекту строительства железнодорожной магистрали Китай – Кыргызстан – Узбекистан. Стороны будут расширять возможности автотранспортных и транзитных перевозок, взаимно предоставлять благоприятные условия для железнодорожных, авиационных и автомобильных перевозок»³⁰⁸.

Таджикско-китайские отношения базируются на Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой от 15 января 2007 года и закрепляются в Совместной декларации РТ и КНР о дальнейшем развитии отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества от 27 августа 2008 года. Эти документы имеют актуальное значение для долгосрочного, стабильного и здорового развития двух государств.

Основы туркмено-китайского партнерства заложены в ходе контактов на высшем уровне руководителей Туркменистана и Китая. Наиболее продуктивно сотрудничество продвигается в экономической области в сферах энергетики, телекоммуникаций, транспорта, химической и текстильной промышленности и производстве строительных материалов. Эффективным показателем сотрудничества стала работа по созданию газопровода на правом берегу Амударьи протяженностью в семь тысяч километров, который должен связать территории двух стран. Изначально планировалось, что ежегодный дебет газовой магистрали составит 30 миллиардов кубометров углеводородного сырья. Затем в ходе встреч на высшем уровне стороны, опираясь на взаимные экономические интересы и экспертные оценки возможностей туркменского газового экспорта, договорились об увеличении пропускной способности будущего трубопровода до 40 миллиардов кубометров газа в год. Важными являются двусторонние договоренности

³⁰⁸ Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества (п.12). – 2007. – 14 авг. – <http://www.fmprc.gov.cn>

о строительстве в Туркменистане сервис-центра по техническому обслуживанию и ремонту железнодорожного оборудования, межправительственные соглашения о технико-экономическом сотрудничестве, рамочные соглашения между Государственным концерном «Туркменгаз» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией о расширении сотрудничества в газовой отрасли.

Политика Китая в отношении Узбекистана, в отличие от других центральноазиатских республик, характеризуется стремлением КНР дозировать и контролировать контакты. В политическом диалоге присутствует элемент взаимной настороженности, акцентированный Китаем, несмотря на широкое узбекско-китайское сотрудничество. Причины кроются в усилении националистических тенденций в идеологии Узбекистана, связанных с возрождением идеи образования будущего объединенного государства в Центральной Азии. Концептуальное обоснование этой идеи уходит корнями в империю Тамерлана, которая была в XIV–XV вв. политическим центром Средней Азии от Волги и Кавказского хребта до Индии со столицей в Самарканде (Сияющая звезда Востока). Субъективный настрой отдельных кругов узбекской политической элиты по сплочению центральноазиатских народов (уйгуров, казахов, туркмен, таджиков, киргизов, монголов, пуштунов, хазаров и других) вокруг узбекского народа настораживает соседние государства и Китай, что является одним из деструктивных моментов в региональных интеграционных процессах.

Негативные моменты усугубляются тем фактом, что внутри Китая не решена проблема уйгурского сепаратизма в Синьцзян-Уйгурском Автономном районе, как проблема «разделенных народов», имеющих корни в центральноазиатских странах. При этом немаловажен и исламский фактор. «У Китая есть так называемый Синьцзян-Уйгурский автономный район (Восточный Туркестан). Он граничит с афганским Бадахшаном, с Ваханским коридором, Киргизией и Таджикистаном по району Мургаба. Основное население — уйгуры, народность тюркского происхождения, близкая к узбекам. На территории этого автономного района действуют экстремистские группировки радикального толка, совершившие в канун Олимпиады в Пекине несколько террористических акций.

Они тесно сотрудничают с рядом экстремистских организаций Центральной Азии, Афганистана и Пакистана, с Исламской партией Туркестана. Когда в 2002 году встал вопрос о переименовании Исламского движения Узбекистана, первым вариантом было название «Исламское движение Центральной Азии», и туда должны были войти уйгурские радикальные группы из Синьцзян-Уйгурского автономного района. Поэтому в вопросе борьбы с терроризмом Россия и Китай должны координировать свои действия»³⁰⁹. Внешнее воздействие деструктивного характера, подпитываемое религиозным настроением народов ЦА в виде национальной идеи возрождения, может нарушить политическую стабильность внутри Китая в разных его провинциях. В частности, масштаб и время массовых беспорядков в Тибете³¹⁰, их синхронизация с серией антикитайских выступлений в других странах мира свидетельствует о влиянии Запада на внутривнутриполитическую стабильность в КНР.

Основным ориентиром узбекско-китайского торгово-экономического сотрудничества за последние годы является выявление потенциала по наращиванию объемов двусторонней торговли, активизации в сфере экономики и технологий и улучшению инвестиционной и коммерческой среды для совместной производственно-хозяйственной деятельности. Вступление двусторонних отношений на новый уровень знаменует Договор о партнерских отношениях дружбы и сотрудничества между Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой от 25 мая 2005 года. Для стимулирования более тесного делового сотрудничества является «намерение активизировать меры по завершению строительства и открытию международной автомобильной дороги, соединяющей Китай, Кыргызстан, Узбекистан, и железной дороги по маршруту

³⁰⁹ Багдасаров С. Центральная Азия — ключевой регион мировой политики // Русский Журнал. — 1997–2008. — <http://www.russ.ru/layout/set/print//Mirovaya-povestka/Centr-azia.htm>

³¹⁰ Мирная демонстрация тибетских монахов в Лхасе Тибетского Автономного района КНР быстро переросла в массовые беспорядки 14 марта 2008 г.

Китай — Кыргызстан — Узбекистан, предоставить благоприятные друг для друга условия в сфере воздушного сообщения»³¹¹.

Исходя из вышесказанного, можно отметить важный аспект внешнеполитической доктрины Китая. Поскольку в международном взаимодействии Китай отдает приоритет экономическому фактору, то многие российские СМИ и отдельные аналитики говорят о сугубо экономической прагматичности внешней политики КНР, даже в ущерб ее политической составляющей. Однако Китаю нельзя отказать во внешнеполитической системности, а порой и в избирательности его государственного курса. Особенно обозначилась тенденция на дифференциацию отношений со странами Центральной Азии, где политическая обстановка вышла из под контроля России и стала открытой для влияния соседнего Китая, а также других сильных внерегиональных государств. Китай при этом умеет четко расставить политические акценты в общении с центральноазиатскими государствами и жестко придерживаться их в своих внешнеполитических приоритетах.

Стратегическая ситуация в Центральной Азии непростая и противоречивая. Она характеризуется ростом угроз международного терроризма, сепаратизма и экстремизма, политической нестабильностью отдельных новых республик, разновекторностью их внешней политики, готовых не только на экономическое, но и тесное военно-политическое сотрудничество с Западом, но уже с тенденцией перехода в вопросах обеспечения национальной безопасности на уровень многосторонних структур, таких, как РАТС ШОС³¹². Так ШОС в 2005 году потребовала ликвидировать американские военные базы в Узбекистане и Кыргызстане.

Реинтеграционные процессы с участием России на постсоветском экономическом и политическом пространстве как в европейской его части, так и в центральноазиатской, идут не просто. В региональном процессе структурирования вокруг России как

³¹¹ Совместное коммюнике между правительством Республики Узбекистан и правительством Китайской Народной Республики (п.6). 3 ноября 2007. — <http://www.fmprc.gov.cn>

³¹² РАТС ШОС — Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества.

интеграционного ядра наблюдается формирование нестабильных уровней взаимодействия постсоветских государств, расположенных на разноудаленных и меняющихся сферах реинтеграционной конфигурации. В свете развития тех или иных ситуаций во взаимоотношениях постсоветских государств необходимым условием стабилизации отношений является, по крайней мере, сохранение уровня уже достигнутых международных договоренностей как в двустороннем плане, так и в многостороннем, а затем терпеливое и настойчивое их продвижение к практической реализации.

В современном периоде развития региональных интеграционных процессов на постсоветском пространстве пока сохраняется негативный потенциал влияния двусторонних отношений тех или иных государств на последовательное и ровное течение всего комплекса многосторонних процессов. Порой на первый план двусторонних отношений, касающихся России, выносятся целая серия взаимных претензий и политические амбиции лидеров отдельных государств (Украина, Грузия, Туркменистан, Узбекистан, в последнее время — Белоруссия); нагнетание политической ситуации с использованием экономического эмбарго (в случае запрета РФ на поставки молочной продукции из Белоруссии) и других экономических рычагов влияния (давление Украины с помощью транзитных рычагов на транспортировку газа из РФ в страны ЕС) и политическая игра на противоречиях с привлечением третьей стороны (разыгрывание политической карты Белоруссией в отношении ее вступления в ЕС) и т.д. вплоть до открытых вооруженных столкновений при поддержке внерегиональных силовых центров (ситуация военной агрессии Грузии на Кавказе). В частности, во взаимоотношениях России и Белоруссии к июню 2009 года накопился тот негативный потенциал, который обозначил важнейший момент — это сохранение на стабилизационном уровне ранее достигнутых трехсторонних договоренностей по совместному вступлению в ВТО в качестве единого кандидата, включая Казахстан. Отказ Белоруссии от участия на заседании ОДКБ, проходящего в Москве в июне 2009 г., привел к возникновению цепочки глубинных взаимосвязанных ситуаций, поставив под вопрос создание стабильных таможенных российско-белорусских отношений, затормозив уже документально подготов-

ленный процесс образования Союзного государства Россия — Белоруссия, а также — процесс совместного вступления трех государств в ВТО, затронув интересы Казахстана, который ранее отказался от самостоятельного вступления в ВТО в пользу трехстороннего варианта. Между тем отдельные центральноазиатские страны, такие, как Кыргызстан (1999 г.), уже являются членами ВТО. Несмотря на противоречия в ноябре 2009 г. было подписано соглашение о создании тройственного Таможенного союза между Россией, Белоруссией и Казахстаном с 1 января 2010 г., а единые механизмы регулирования планируется запустить в течение шести месяцев.

Если прибегнуть к сравнительной характеристике реинтеграционных процессов европейской и центральноазиатской частей постсоветского пространства, хотя и трудно прийти к однозначной констатации, то все же можно сказать, что центральноазиатские страны демонстрируют относительно устойчивый характер³¹³ сближения с Россией и друг с другом при всех имеющихся текущих противоречиях. В случае реальных и потенциальных угроз процессу региональной стабилизации центральноазиатские государства проявляют большую политическую сплоченность и солидарность, в отличие от новых государств европейской части. Наиболее яркий пример — сплоченная реакция центральноазиатских государств в рамках ШОС на военный конфликт на Кавказе летом 2008 года.

Китай в Центральной Азии оказывает позитивное воздействие на создание политических и экономических условий стабильности в регионе, расширяя при этом российско-китайское сотрудничество равноправного взаимовыгодного партнерства, что способствует в значительной мере региональному сближению новых независимых государств. В то же время в геостратегическом плане китайский фактор, основные параметры которого включают в контекст межгосударственных взаимоотношений жесткую конкурентную

³¹³ «При всей кажущейся нестабильности руководители центральноазиатских республик демонстрируют непоказную устойчивость. Они вполне контролируют ситуацию у себя на родине, обходят острые углы при встречах так, чтобы никто из непосвященных не увидел явной неприязни». *Таранова Э.* Центральная Азия не взорвется. Битва за регион только началась // РИА Новости. — 2008. — 15 апр. — <http://www.centrasia.ru/newsA.php>

борьбу за национальные интересы на международной арене, не делает исключений ни для партнеров по стратегическому взаимодействию, ни для других лидирующих игроков на региональной и глобальной сцене.

Россия и Китай заинтересованы в создании условий стабилизации в Центральной Азии. Оба государства нуждаются в совершенствовании инфраструктуры внешнеэкономических связей. В межгосударственном плане отмечается необходимость согласования и интегрирования национальных правовых систем двух государств. В настоящее время интенсифицируются политические связи, а в отношении экономического сотрудничества есть немало трудностей, которые разрешимы. Региональное взаимодействие России и Китая в контексте создания условий стабилизации процессов на постсоветском и околосоветском пространстве является важным фактором центральноазиатской интеграции.

§ 2. Перспективы ШОС в качестве интеграционной системы нового типа

Развитие региональной интеграции в континентальной части АТР с участием России, Китая и центральноазиатских государств имеет объективный характер. Интеграционные процессы возникают, вызревают и формируются на геополитическом пространстве ШОС не в результате произвольного желания отдельных политических лидеров или группы, а являются своеобразным ответом объединяющихся государств на вызовы времени, изменения обстоятельств в их жизнедеятельности и условий, образующихся на пересечении целого ряда тенденций в их развитии, востребовавших именно этот способ обеспечения национальных интересов и решения актуальных проблем. Сходное восприятие противоречивого глобального мира, в котором возрастает роль локальных источников напряженности (угрозы, исходящие от Исламской Республики Афганистан) и в то же время «повышается значимость регионального аспекта в решении глобальных проблем»³¹⁴, формирует осо-

³¹⁴ Документ ШОС: Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС (п.1). – Екатеринбург, 2009. – 16 июня. – <http://www.sectscsco.org>

бую логику межгосударственного взаимодействия в рамках ШОС, неразрывно связанную с перспективными планами обновления интеграционной политики национальных государств. Создавая ШОС в начале нового века, предпосылки которой были подготовлены всем ходом исторического взаимодействия так называемой «шанхайской пятерки»³¹⁵, страны региона увидели реальный выход в соединении усилий и ускорении регионального сотрудничества для совместного развития. В настоящее время ШОС стала «важным элементом формирующейся архитектуры безопасности и сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³¹⁶.

Создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС, июль 2001 г.) — это развитие интеграционных процессов нового XXI века. Политическая карта азиатской части АТР расширяется и наполняется новым понятием, таким, как «пространство ШОС», за которым всё больше закрепляется термин — Восточная Евразия³¹⁷. В концептуальном отношении «пространство ШОС» — это не только территория шести стран-учредителей — России, Китая,

³¹⁵ Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. – Шанхай, 1996. – 26 апр.; Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. – С. 365.

³¹⁶ «Государства-члены ШОС, подтверждая свою приверженность совместному развитию на основе принципов и положений Хартии Шанхайской организации сотрудничества и Договора о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС, рассматривают в качестве приоритетной задачи поддержание конструктивного диалога и углубление тесного взаимодействия и партнерства для совместного поиска эффективных путей решения глобальных и региональных проблем с использованием растущего потенциала и международного авторитета ШОС». Документ ШОС: Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС (п.1). Екатеринбург, 2009. – 16 июня. – <http://www.sectscsco.org>

³¹⁷ Восточная Евразия включает три основных региона Азии (Восточный, Центральный и Южный), а также — европейскую часть территории России как одной из 6 стран-учредителей. См. подробно: Агафонов Г.Д. Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. – М., 2007. – С. 14–15.

Казахстана, Киргизии, Таджикистана и Узбекистана, но и четырех государств-наблюдателей — Индии, Ирана, Монголии и Пакистана, а также можно учесть возможности специальной контактной группы с Афганистаном, официальные связи с ООН, СНГ, АСЕАН, ЕврАзЭС, ОДКБ и др.; в перспективе — создание партнерской сети многосторонних объединений в Азиатско-Тихоокеанском регионе (Ташкентская инициатива ШОС, 2004 г.); государств-партнеров по диалогу (Республика Беларусь и Демократическая Социалистическая Республика Шри-Ланка)³¹⁸. С этих позиций есть основание говорить об её реальном влиянии на международно-политическую систему в Восточной Евразии и содействии «постепенному формированию новой демократической и современной архитектуры международных отношений, усилению коллективных возможностей в повышении безопасности, в противодействии терроризму и незаконному наркотрафику, в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, в борьбе с эпидемическими заболеваниями и другими вызовами и угрозами»³¹⁹. С точки зрения мировой политики региональные интеграционные группировки в открытом геополитическом пространстве как независимые акторы влияния есть свидетельство современного многополюсного мира. В международно-политическом плане ШОС выступает дополнительным формирующимся полюсом глобального мира, который представляет интерес для разнотипной группы стран.

Перспективы ШОС обусловлены долгосрочными интересами государств-членов, стремящихся к обеспечению общими усилиями собственной безопасности, политической стабильности и ши-

³¹⁸ Государства-члены ШОС «с удовлетворением отмечают растущий интерес международного сообщества к установлению связей с ШОС, они приветствуют присоединение Республики Беларусь и Демократической Республики Шри-Ланка к сотрудничеству в рамках ШОС в качестве партнеров по диалогу». Документы ШОС: Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС (п.17). Екатеринбург. 16 июня 2009. — <http://www.sectsc.org>

³¹⁹ Воробьев В.Я. Интервью специального представителя Президента России по делам Шанхайской организации сотрудничества журналу «Дипломат» // Дипломат №6 (146). — М., 2006. — С. 5.

рокоформатного экономического сотрудничества в регионе. Изначально в истоках образования «шанхайской пятерки» на повестке дня стояли задачи обеспечения безопасности государственной границы и укрепления мер доверия в военной сфере³²⁰. Шанхайская организация сотрудничества создавалась для обеспечения коллективной безопасности, борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Затем сотрудничество по этим вопросам дополнилось достаточно тесными экономическими, гуманитарными и деловыми связями. С видоизменением традиционных угроз национальной, региональной и глобальной безопасности, усилением влияния различных компонент политического, экономического, энергетического, продовольственного, финансового характера, активизацией деятельности трех сил — терроризма, сепаратизма и экстремизма, создавших серьезную угрозу миру и спокойствию, обстановка в регионе требовала и требует общих усилий и более тесного сотрудничества по обеспечению безопасности и стабильности. Теперь задачи защиты стабильности в своих странах, содействия экономическому сотрудничеству и развитию процессов национального возрождения определяют квинтэссенцию политической линии ШОС с основополагающей формулой «безопасность и развитие

³²⁰ «Укрепление безопасности, сохранение спокойствия и стабильности в районе границы между Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, с одной стороны, и Китаем, с другой стороны (далее именуемой — район границы), являются важным вкладом в поддержание мира в азиатско-тихоокеанском регионе». Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. — Шанхай. — 1996. — 26 апр.; Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 365. «Российская Федерация, Республика Казахстан, Киргизская Республика, Республика Таджикистан, составляющие Совместную Сторону, и Китайская Народная Республика, далее именуемые Сторонами, ... подтверждая взаимное неприменение силы или угрозы силой, отказ от стремления получить одностороннее военное превосходство, ... стремятся придать вооруженным силам, остающимся в районе границы, исключительно оборонительный характер». — Соглашение между РФ, РК, КР, РТ и КНР о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. — 1997. — 24 апр. — Там же. — С. 385.

неразделимы». При этом важным является взаимодополняемость экономик, сложение ресурсов и возможностей по созданию новых производственных мощностей. Поступательное движение от факторов политической стабилизации обстановки в регионе к широкому спектру экономического многостороннего сотрудничества с постепенным включением ШОС в глобальную сферу мировой политики, экономики и финансов увеличивает региональные возможности управления интеграционными процессами. ШОС, все более приобретающая политический вес на международной арене и выступающая в качестве прогрессивной тенденции, имеет реальную перспективу для оздоровления международной обстановки и консолидированного поиска путей становления нового международного политического, экономического и финансового порядка.

Глобальный финансовый кризис обозначил начало формирования основ будущих тенденций в пространстве ШОС, связанных с углублением взаимозависимости национальных, региональных и глобальных процессов. Аспекты формирующихся противоречивых тенденций разнообразны: от структурных изменений национальных экономик государств-членов ШОС до пересмотра экономических стратегий, все больше смещающихся с общего равнения на рынки индустриально развитых западных держав, особенно после стремительного обвала экономических показателей США, на учет потребностей национального и регионального спроса и расширение взаимодействий с рынками развивающихся стран Латинской Америки (активизация БРИК, расширение внерегиональных двусторонних контактов государств-членов), Африки и других регионов и континентов. В международно-политическом плане — от необходимости переосмысления роли регионального фактора ШОС по мере её выхода в глобальное пространство в решении координированной макроэкономической и валютно-финансовой политики, включая политику активизации совместного поиска альтернативной региональной валюты, до смены парадигм комплексного обеспечения безопасности и стабильности в АТР, связанных с необратимостью тенденций к многополярному миру. На Екатеринбургском саммите ШОС 2009 года зафиксирован именно этот переходный момент в международной обстановке, а, следовательно,

но, и в мировой политике, как «тенденция к реальной многополярности необратима»³²¹. Близость политических позиций отражают «общие подходы участников Организации к выстраиванию более справедливой и рациональной архитектуры межгосударственных отношений на фоне кризиса традиционных структур обеспечения безопасности и финансовой стабильности»³²².

Развитие новых тенденций в процессах региональной интеграции в АТР связано с разными причинами. Одной из объективных и непосредственных причин влияния мирового финансового кризиса на ШОС, принявшего затяжной характер, явилось сопряжение во временной плоскости двух фундаментальных факторов уже сложившейся системы международных отношений: незрелость региональной валютно-финансовой и банковской системы ШОС и в то же время устаревшие формы управления мировых финансовых институтов, включая МВФ и МБ.

С одной стороны, незрелость региональной финансовой системы в целом и национальных экономик государств-членов ШОС, в частности, в том числе и в связи с неравномерностью их экономического развития, продемонстрировала неспособность противостоять и падению рынков и тенденции деформации их экономик. Отсутствие региональных механизмов валютного регулирования с устоявшейся привязкой к американскому доллару стало результатом неспособности государств ШОС, в том числе как ее ключевых участников РФ и КНР, так и государств-наблюдателей и можно добавить, вновь принятых государств-партнеров по диалогу (Белоруссия, Шри-Ланка), предъявить международному сообществу альтернативную валюту либо уже отлаженный способ валютно-финансовых операций. Низкий уровень многостороннего сотрудничества банковских систем стран-участниц ШОС препятствует созданию координирующих валютно-финансовых механизмов регулирования, способных предотвратить кризисные явления,

³²¹ Документы ШОС: Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС (п.1). Екатеринбург, 2009. – 16 июня. – <http://www.sectsc.org>

³²² Документы ШОС: Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав государств-членов ШОС. Екатеринбург, 2009. – 16 июня. – <http://www.sectsc.org>

исходящие из мировой сферы, что в конечном итоге затрудняет и быстрый выход из кризиса и предотвращение его новых витков. Государства ШОС оказались безоружными перед лицом мировой финансовой разбалансированности, а банковское, кредитное, валютное и инвестиционное сотрудничество стран ШОС оказалось настолько слабым и неэффективным, что в кризисных условиях этот факт стал наиболее заметен и очевиден. Другими словами, страны ШОС оказались не готовы к очередному витку глобального кризиса, что показало слабый уровень многостороннего сотрудничества, в частности, и региональной интеграции в целом. Говоря о перспективах ШОС, нельзя не учитывать этот момент.

Если иметь в виду влияние лидеров ШОС России и Китая на движение и контроль региональных финансовых потоков, то оно в настоящий период оказалось нереализованным. Россия только делает первые шаги по созданию рублевой зоны. Подвижки в этом вопросе уже есть. Например, на Екатеринбургском саммите ШОС Ираном была высказана инициатива о проведении платежных операций в рублевом эквиваленте. После саммита с приездом китайского лидера Ху Цзиньтао в Москву Россия и Китай договорились о проведении взаимных расчетов в национальных валютах. До этого в период кризиса Белоруссия неоднократно заявляла о привязанности своей национальной валюты к российскому рублю.

Что касается Китая, то можно отметить его опыт в региональной валютно-финансовой сфере, особенно в сотрудничестве со странами АСЕАН и СВА в период Азиатского финансового кризиса конца прошлого века. Китаем уже обыгрывались перспективы формирования региональной восточноазиатской валюты с использованием юаня как средства укрепления его позиций в торгово-экономических связях с другими странами. «КНР проводит планомерный курс на трансформацию юаня в региональную валюту, а также добивается превращения Шанхая в один из важнейших финансовых центров Восточной Азии. Эти планы Пекина вполне могут быть реализованы. В пользу такого вывода свидетельствуют по крайней мере два обстоятельства. КНР смогла сформировать международный образ надежного партнера, страны, устойчивой в политическом и социальном планах. Китайский рынок облада-

ет колоссальным потенциалом роста, что привлекает в страну огромные инвестиции. В настоящее время практически нет ни одной ТНК, которая уже не открыла или не планировала бы открыть свои филиалы в КНР. В то же время внутренняя монетарная и фискальная политика КНР может не позволить осуществиться глобальным внешнеэкономическим планам Китая»³²³. В настоящее время возросла востребованность подобных действий КНР по инициированию вопросов создания региональной азиатской валюты.

Более осязаемыми стали инициативы Казахстана о введении единой наднациональной резервной валюты ШОС. По мысли Президента Казахстана Нурсултана Назарбаева на саммите ШОС в Екатеринбурге, «использование одной национальной валюты в качестве резервной во всем мире — «устаревшая схема», которая приводит лишь к извлечению выгоды страной, эмитирующей данную валюту»³²⁴. Одним словом, как следует из высказываний Премьер-министра Индии Манмохана Сингха, выступающего на этом саммите в качестве государства-наблюдателя, «развивающийся мир нуждается в доступе к финансовым ресурсам»³²⁵. Вероятность успешной реализации финансовой политики ШОС зависит не только от внутренних факторов экономического развития, степени эффективности государственного регулирования и открытости финансовых рынков для международной конкуренции, но и от объективных тенденций, внешних обстоятельств стабилизации мировой валютно-финансовой сферы, а также от ключевых параметров развития региональных интеграционных процессов.

С другой стороны, устаревшие, негибкие формы мировой финансовой системы показали уязвимость ее традиционных институтов. Это относится к раннему предупреждению кризисных явлений, их быстрому разрешению, а также более прозрачному контролю за движением международных финансов и капиталов, включая спекулятивные перемещения глобальных финансовых потоков. По

³²³ Восточная Азия: Между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004. – С. 133.

³²⁴ Аналитика. – 2009. – 17 июня. – [http:// www.nakanune.ru/articles/14103?print=1](http://www.nakanune.ru/articles/14103?print=1)

³²⁵ Там же.

сути дела, с точки зрения конструктивного подхода, речь может идти о кардинальном изменении соотношения ролей глобальных и региональных форм управления валютно-финансовой сферой. А в целом — о модернизации традиционной мировой экономической системы, подверженной кризисам, и в свою очередь о повышении мобильности ШОС как способности быстро ориентироваться в кризисной ситуации и находить нужные формы взаимодействия. Именно в этом аспекте роль таких международных организаций как ШОС трудно переоценить, поскольку именно международные организации как интегрирующие компоненты новой системы международных отношений расширяют возможности государств. «Международные организации — это, как правило, межгосударственные структуры, находящиеся вне рамок государственного суверенитета какого-либо государства. В широком смысле правительства более двух государств, политические партии, общественные группы или народные объединения, основываясь на определенных целях в соответствии с определенными соглашениями, создают эти межгосударственные структуры, которые можно назвать международными организациями. Международные организации имеют ряд преимуществ: они расширяют возможности государств, непосредственно расширяют дипломатическую деятельность. При этом каждое государство продвигает дипломатические связи в международных организациях, а сами международные организации сегодня уже обладают определенным дипломатическим статусом»³²⁶.

Устойчивость тенденции к реальной многополярности эксплицитно, то есть наиболее ярко, обозначилась именно в период современного глобального финансового кризиса. В этом смысле значение ШОС как интеграционной системы нового типа по стабилизации в АТР наполняется новым содержанием. Организация получает дополнительную возможность стать впоследствии полноценным полюсом глобального мира. Сама концептуальная идея глобальной перестройки противоречивого мира к более справедливому миропорядку как устранение его однополярности за-

³²⁶ Цзинь Чжэнкунь. Дипломатия. 2-е изд. — Пекин, 2007. — С. 69 // 金正昆. 外交学 (第2版). 北京, 2007年. 69页.

фиксирована практически во всех Декларациях ШОС, а также в двусторонних межгосударственных соглашениях России и Китая, начиная с конца прошлого века³²⁷. Истоки глобальных противоречий кроются именно в структуре мировой политической системы, доминирующее свойство которой проявляется в однополярности мирового устройства в докризисный период. Российские ученые полагают: «После победы над нами в «холодной войне» развитые страны перекроили мир в интересах своих глобальных корпораций слишком эгоистично, лишив свыше половины человечества возможности нормального развития. Это не только вызвало глобальную напряженность, терроризм и миграцию, но и ограничило сбыт самих развитых стран, на всех парах «взлетевших» в кризис перепроизводства (усугубленный злоупотреблением монопольным положением со стороны глобальных корпораций)»³²⁸. Китайская сторона оценивает однополярность как политику односторонних действий по сдерживанию развития Китая, связанную с доминирующим влиянием США, в основе которой лежит несправедливость миропорядка по отношению к развивающимся странам. «Если всем придется слушать одно государство, то очень сложно будет говорить о демократии, не говоря уже о законности. Демократию и законность мировому сообществу надо строить с помощью многополярности»³²⁹. Страны ШОС убеждены в необходимости глобального реформирования мировой финансовой архитектуры.

³²⁷ «Формирование нового международного экономического и политического порядка, способного на деле обеспечить социальную стабильность всех государств, справедливое и рациональное соблюдение интересов народов всех стран, может стать результатом только совместных усилий и коллективного творчества всех государств мира». Совместное заявление по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне «Российско-китайские отношения на пороге XXI века / Москва. 23 ноября 1998; Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 453.

³²⁸ Делягин М.Г. Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса // Мир и политика. — 2008. — № 11 (26). — Ноябрь. — С. 6.

³²⁹ У Цзяньминь. Дипломатия и международные отношения: взгляд и мнения У Цзяньмина. — Пекин, 2006. — С. 101 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年. 101页.

Необходимость активного строительства более сбалансированной модели многополярного мира символизирует проведение в Екатеринбурге 15–16 июня 2009 года одновременно двух региональных саммитов: ШОС и БРИК. Как известно, модель многополярной системы международных отношений предполагает наличие нескольких центров, выступающих в качестве самостоятельных зон развития. Одним из серьезных претендентов становится ШОС, в которой ключевыми игроками выступают две крупнейшие континентальные евразийские державы — Россия и Китай с прилегающей к ним «четверкой» сопредельных государств ЦА, в качестве наблюдателей — другие мощнейшие государства Восточной Евразии — Индия, Пакистан, Иран, Монголия, а также — учитываются интересы Афганистана³³⁰ посредством специальной Контактной группы; втягиваются в орбиту влияния новые государства — Белоруссия и Шри-Ланка в качестве партнеров по диалогу. Вновь образованная интеграционная структура БРИК, объединяющая три евразийские державы — Россию, Китай и Индию, и крупнейшего представителя Латинской Америки — Бразилию, за которой стоит солидаризирующаяся с ней Венесуэла и другие развивающиеся латиноамериканские государства, содержит в себе огромный консолидирующий потенциал.

ШОС и БРИК символично очерчивают новую конфигурацию формирующегося многополярного мира. Пока только просматривается символический смысл евразийско-латиноамериканского альянса многополярного мира. Его евразийская составляющая, концентрируемая в ШОС и подпитываемая латиноамериканской компонентой в лице БРИК, объединяет два огромных континента:

³³⁰ Документы ШОС: Декларация специальной конференции по Афганистану под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. 27 марта 2009; План действий государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. 27 марта 2009; Заявление государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. — 2009. — 27 марта. — <http://www.sectsco.org>

Восточную Евразию и Латинскую Америку. Единый трансгрессивный процесс, сужающий необъятные просторы Тихого океана, повышает значимость региональных держав в решении глобальных проблем, выдвигая Россию, Китай, Индию и Бразилию на авансцену мировой политики. Перспективы нового центра развивающихся интеграционных процессов заложены в основах открытой политики ШОС и БРИК, выступающих уже сегодня на мировой арене в качестве самостоятельных международно-правовых субъектов.

Политический резонанс саммитов ШОС огромен. Например, на Екатеринбургском саммите присутствовали представители высшего руководства одиннадцати государств и более семисот журналистов и членов делегаций. На фоне совместного проведения саммитов ШОС и БРИК рождаются ассоциации интеграционного слияния ОЦАС и ЕврАзЭС, окончательное объединение которых было завершено на саммите ЕврАзЭС в Минске 23 июля 2006 года, где решался параллельно вопрос укрепления взаимодействия с ОДКБ. Новые возможности интеграции просматриваются и при сближении российских проектов в рамках ОДКБ, ЕврАзЭС и СНГ. А также интеграционный потенциал и значение саммитов ШОС и БРИК не лишено стратегических перспектив.

Некоторые исследователи прогнозируют усиление развития треугольника Россия — Китай — Индия³³¹ на основе ШОС. Впер-

³³¹ Индия активно переходит на инновационный путь развития. «Пример Индии в данном случае более показателен, чем скажем, пример США, стран Западной Европы или Японии, которые уже давно отладили у себя эффективную инновационную политику и лидируют в этой области. Индия же подключилась к этому процессу позже этих государств. Тем не менее в последние десятилетия производство и технологии развиваются в этой стране очень высокими темпами. И это не взирая на то, что высшее образование в этой стране имеют только 4,5 % населения, в то время как в России — 75 %. Несмотря на это, Индия захватила мировой рынок в программном обеспечении, аутсорсинге информационных технологий — 65 %, в бизнес-аутсорсинге и инжиниринге — 45 %. Располагая одной из лучших в мире математических школ, Россия производит в 60 раз меньше программных продуктов, чем Индия. В 2010 г. объем экспорта информационных и телекоммуникационных услуг из Индии достигнет четверти того, что Россия получает от продажи нефти и газа. Все это стало возможным прежде

вые эту идею высказал ещё Е.М. Примаков, будучи Председателем правительства РФ. Её поддержали российские ученые, опирающиеся в своих выводах на традиционные дружественные связи между Россией и Индией, подкрепленные парадигмой стратегического взаимодействия России и Китая. В формате ШОС трехстороннее сотрудничество выше названных государств оценивается позитивно. «Позитивное влияние на развитие отношений России и КНР оказывает институционализация ШОС. Совместное участие двух стран в работе ШОС сглаживает вероятные шероховатости, связанные с возможным соревнованием за лидерство в Центральной Азии. Существование ШОС в известной степени подрывает долгосрочные планы США закрепиться в этом регионе не только за счет точечного военного базирования, но и путем сколачивания из местных государств региональной группировки, потенциально враждебной и России и Китаю, и, напротив, вынуждает Вашингтон выступать в непривычной для него роли стороннего наблюдателя, лишённого права решающего голоса. Наконец, создание в рамках ШОС антитеррористического центра в перспективе позволит России и Китаю совместно бороться с нетрадиционными угрозами на проблемных участках вблизи их границ (сепаратизмом, экстремизмом, терроризмом, наркотрафиком и др.). На этой основе весьма позитивно может развиваться и сотрудничество России, Китая и Индии, а также Ирана»³³².

Однако согласование взаимных интересов в составе закрытого треугольника Россия — Китай — Индия представляется проблематичным в силу определенных сложностей, возникших после распада СССР в российско-индийских отношениях, а также наличия ряда трудноразрешимых вопросов в китайско-индийских отношениях. Комплекс нерешенных китайско-индийских проблем: погранично-территориальные споры; пересечение интересов и соперничество военно-морских сил в акватории Индийского океана;

всего благодаря тому, что в Индии создана благоприятная для инноваций среда». *Пляйс Я.А.* Системная модернизация — императив для современной России // Мир и политика. — 2009. — № 9 (36). — Сент. — С. 24.

³³² Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. — М., 2006. — С. 14.

нерешенный Тибетский вопрос в Китае и его связь с Индией; комплекс сложных связей Китая, Пакистана и Индии. Превращение Юго-Восточной Азии в ядерную зону (Китай, Индия, Пакистан) предполагает серьёзную ответственность Индии и Китая, имеющих гигантские скопления населения в южной и восточной частях огромного Азиатского полуострова. К тому же подобная трехсторонняя конфигурация воспринимается Западом как попытка России найти силовой противовес. Наличие антизападного контекста сдерживает как Индию, так и Китай, которые желают избежать любой конфронтации с США.

Четырехсторонний формат БРИК — это дополнительная возможность развития треугольника Россия — Китай — Индия. БРИК — это не только взаимодействие трёх крупных государств, замкнутых в рамках Евразии, но уже межконтинентальное сотрудничество, охватывающее другой континент — Латинскую Америку. Можно согласиться с тем утверждением, что перспективы есть. Но всё же БРИК — пока больше намерение государств интегрироваться, чем реальное сближение, скорее увеличивающее политический авторитет четырех государств в собственных глазах, чем действительный их вес на международной арене. При этом нельзя отрицать, что ШОС и БРИК сегодня, очерчивающие новую международную конфигурацию, свидетельствуют о мощных внутренних течениях региональных процессов в АТР, вызревающих по обе стороны Тихого океана. Объективные процессы так или иначе стимулируют сближение треугольника Россия — Китай — Индия. Расширение рамок региональной интеграции за счет активизации БРИК позволяет реализовать потенциал трех государств не только как континентальных держав Евразии, но и морских государств в качестве составной части АТР.

Шанхайская организация сотрудничества позиционирует себя в качестве известной и успешной организации регионального сотрудничества новейшего времени. Перспективы ШОС зависят не только от её позитивной роли, но и от проявления негативных факторов (внутренних и внешних) в её деятельности, поскольку Организация подвергается критике. Зачастую международное сообщество обыгрывает проблематику перспектив ШОС, касающуюся

укрепления её позиций на мировой арене. Основной круг вопросов международного сообщества к ШОС можно структурировать следующим образом. Исходя из доминирующего значения фактора обеспечения безопасности и стабильности в АТР, во-первых, актуален вопрос, насколько адекватно реагирование ШОС на вызовы современности в меняющейся политической, финансовой и экономической реальности? И, во-вторых, насколько внутренние процессы ШОС отвечают разноплановым интересам её участников и не проецируются ли национальные интересы России и Китая на международные интересы ШОС?

Подобная постановка вопросов к крупнейшей институционально оформленной региональной Организации, выступающей за широкое и открытое международное сотрудничество и далеко выходящей за рамки шести государств, её главных участников, только на первый взгляд кажется нейтральной, казалось бы не проявляющей явно политического подтекста подспудной борьбы влиятельных внерегиональных держав за геополитическое и геоэкономическое пространство ШОС. «Следует заметить, что Центрально-Азиатский регион, территория которого составляет основу ареала деятельности ШОС, имеет все возможности для того, чтобы в будущем стать одним из влиятельных экономических центров мира. Он обладает огромными ресурсами — от трудовых до мирового значения запасов углеводородного сырья, металлов и редкоземельных элементов. Имеется внушительный интеллектуальный потенциал, в наличии все возможности для рентабельного сельскохозяйственного производства и одновременно огромный рынок для его продуктов. Уже действуют программы многостороннего экономического сотрудничества в формате ШОС и комплексный план по её реализации, в рамках которого определены 127 проектов, охватывающих энергетику, транспорт, торговлю, телекоммуникации, экологию, сельское хозяйство, научные исследования и другие области. Сложился механизм политического взаимодействия»³³³.

³³³ *Титаренко М.Л.* // Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. — М., 2008. — С. 5.

На самом деле проблематика вопросов указывает на некие не безоблачные перспективы ШОС, обусловленные расходящимися интересами её участников, и в этом есть весомая доля реализма. Одни аналитики приводят свидетельства возрастающей региональной роли КНР в качестве интегрирующего фактора, в частности, о политическом весе мощного Китая в ШОС, «все документы которой говорят о равноправии членов, что выгодно более слабым, так как уравнивает их в правах с сильнейшими так же, как членство в Совете Безопасности ООН уравнивает политический вес России (и других его членов) в ООН с США, что, кстати, часто вызывает недовольство Вашингтона»³³⁴. Ряд отдельных специалистов, к которым относится большинство российских чиновников как регионального, так и федерального уровней, порой высказывают опасения по поводу преобладающего и не только экономического доминирования КНР в ШОС в ущерб интересам других государств-участников, в том числе и России. «В последнее время представители Минэкономразвития вообще выдвигают идею о том, что экономическое сотрудничество в рамках ШОС должно быть ограничено, так как в нём доминирует Китай. По этой теории экономическую кооперацию России с Центральной Азией необходимо осуществлять через другие организации, в частности ЕврАзЭС, а за ШОС оставить лишь вопросы безопасности»³³⁵.

В то же время в контексте вопросов к ШОС прослеживается связь с недоброжелательными опасениями Запада о том, что ШОС может перерасти в мощный военный альянс, в котором главными участниками выступают ядерные державы Россия и Китай. В подобной трактовке ШОС выступает уже в качестве основной потенциальной угрозы миру, особенно в контексте расширения НАТО на Восток, которая после Бухарестского саммита³³⁶ вышла

³³⁴ *Лукин А.В.* Россия и ШОС // Аналитические записки. — 2007. — Вып. 6 (26). — Июль. — С. 9.

³³⁵ Там же. — С. 8.

³³⁶ Бухарестский саммит НАТО. 2–4 апреля 2008. На заседании Североатлантического совета обсуждались вопросы операций НАТО в Афганистане и выделения подкреплений для сил ИСАФ, а также вопросы расширения альянса, включая прием в НАТО новых членов (Албания, Хорватия и Маке-

на границы государств-участников ШОС. Негативный смысловой оттенок подпитывается тем фактом, что прямых контактов между ШОС и НАТО до сих пор нет. Хотя обе организации связаны казалось бы единой целью пресечения террористической угрозы, исходящей из Афганистана, а также территориально приближены друг к другу таким образом, что ШОС находится по периметру границ Афганистана, внутри которого расположены силы НАТО. Взаимодействие между ШОС и НАТО необходимо по той простой причине, что ситуация в Афганистане не улучшается, создавая нестабильность в регионе в целом. Однако необходимо правильное понимание военной составляющей ШОС: «военная составляющая ШОС, по определению учредителей Организации, заключается только лишь в Региональном антитеррористическом центре³³⁷ и совместных учениях по противостоянию террористическим угрозам. Считается, что ШОС не является военным союзом, и, в отличие от НАТО, не имеет обязательств о взаимной обороне. ШОС не намерена противостоять США и Североатлантическому альянсу»³³⁸. Важный принцип Хартии ШОС — «ненаправленность ШОС против других государств и международных

дония) и перспективы подписания Планов действия о членстве с Украиной и Грузией.

³³⁷ Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества (РАТС ШОС, 1 января 2004 г.) имеет цель — содействие координации и взаимодействию специальных служб и правоохранительных органов государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Учредительные документы: Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры (июнь 2002 г.), Регламент Исполнительного комитета РАТС ШОС (май 2003 г.). Основные документы: Концепция взаимодействия государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (июль 2005 г.), Программа сотрудничества государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 гг., соответственно на 2010–2012 гг., Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС (2009 г.).

³³⁸ *Титаренко М.Л.* // Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. — М., 2008. — С. 8.

организаций»³³⁹, а Конвенция ШОС против терроризма³⁴⁰ существенно укрепляет правовую базу контртеррористического взаимодействия в рамках ШОС.

Реакция международного сообщества на поступательное развитие ШОС и интеграционные инициативы может варьироваться от политического скепсиса по принижению её потенциальных возможностей с дискредитацией результатов деятельности, намерений и целей до попыток раскола ШОС вплоть до вооруженных акций и инцидентов в соседних странах. Надо признать, что ШОС — одна из самых успешных, но и самых противоречивых организаций. «Это не военно-стратегический альянс, не полноценный экономический союз и не политическая организация в традиционном (географическом, культурно-цивилизационном и т.д.) понимании. Тем не менее, она занимает важное место в глобальной системе международных отношений, являя собой пример особенной неконфронтационной модели региональной Организации»³⁴¹. Противоречивость расширенного толкования дефиниций ШОС говорит о наличии проблемы самоидентификации этой Организации, касающейся ее содержания, а не внешней формы, интерпретируемой в качестве организации нового типа. При этом необходим целенаправленный поиск многостороннего механизма согласования взглядов, позиций и интересов участников. Решение проблем немыслимо без доверия и уверенности в завтрашнем дне этой Организации.

В России нередко слышны мнения о доминировании китайских интересов в ШОС. «Вместе с тем признается, что китайская сторона играет заметную роль в консолидации совокупного потенциала Организации, проделывая ощутимый объем работ с тем, чтобы Шанхайская организация сотрудничества стала реально-

³³⁹ Документы ШОС: Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 7 июля 2002. — <http://www.shos2009welcome.ru/shos/document>

³⁴⁰ Документы ШОС: Конвенция ШОС против терроризма. — Екатеринбург, 2009. — 16 июня. — <http://www.sectsc.org>

³⁴¹ *Клименко А.Ф.* Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. — М., 2008. — С. 397.

тью, а не очередным «мыльным пузырем»³⁴². Лю Гучан, бывший Чрезвычайный и Полномочный Посол КНР, за годы работы которого товарооборот между РФ и КНР вырос с 16 до 56 миллиардов долларов³⁴³, говорит о значении ШОС для Китая. «Китай придает большое значение ШОС и испытывает гордость, что является ее членом. Во-первых, Китай является одним из инициаторов создания ШОС, он прошел путь «Шанхайской пятерки» рука об руку с другими создателями Организации, отдал ее созданию и развитию много сил и упорного труда. Как и другие страны-участницы, Китай испытывает к Организации глубокие чувства и возлагает большие надежды на ее будущее развитие. Во-вторых, все страны-участницы ШОС являются дружественными соседями Китая и между ними существуют тесные отношения. Создание ШОС представило новую платформу, новые каналы для усиления сотрудничества Китая с его дружественными соседями, что соответствует коренным интересам Китая и этих стран. В-третьих, новая форма межгосударственных отношений, новый взгляд на безопасность и новая модель регионального сотрудничества, инициированные ШОС, полностью соответствуют дипломатической концепции Китая»³⁴⁴. Однако по истечении времени мнение меняется. Китай, заинтересованный в развитии многостороннего экономического сотрудничества в рамках ШОС вплоть до ускоренного создания зоны свободной торговли, начинает испытывать «серьезное разочарование состоянием дел в этой организации и позицией России по ряду вопросов... в Китае обращают внимание на пассивность России в вопросах экономического сотрудничества в ШОС, на её стремление развивать сотрудничество с государствами исключительно в рамках ЕвразЭС»³⁴⁵. С точки зрения китайских экспертов, «Россия

³⁴² Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008. – С. 381.

³⁴³ Овчинников В. Прощание с китайским послом // Российская газета. Цент. вып. – 2009. – № 4945 (121). 3 июля.

³⁴⁴ Лю Гучан. Первые пять лет ШОС // Дипломат. – 2006. – № 6 (146). Июнь. – С. 10.

³⁴⁵ Лукин А.В. ШОС: итоги российского представительства // Международная жизнь. – 2009. – № 9. – С. 30.

должна определиться относительно роли ОДКБ, ЕвразЭС и ШОС в своей внешней политике»³⁴⁶.

Для выявления дальнейших перспектив и полноценного развития ШОС посредством поиска новых механизмов согласования позиций ее участников и выработки рекомендаций полезно подчеркнуть также актуальность и других проблемных вопросов, поставленных российскими учеными. «Острой проблемой является кадровое обеспечение работы ШОС и его аппарата. Необходимо решение Минобразования и МИД о подготовке специалистов по Китаю и странам Центральной Азии, а также Индии, Ирану, Пакистану и Монголии. Это, видимо, должен быть специальный государственный проект поддержки научных академических исследований и подготовки кадров»³⁴⁷. Важен также вопрос, поставленный российскими учеными о центрах изучения проблем развития Шанхайской организации сотрудничества в разных странах, в том числе в России³⁴⁸ и Китае³⁴⁹.

³⁴⁶ Там же. – С. 31.

³⁴⁷ Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008. – С. 375–376.

³⁴⁸ Центр исследования ШОС и проблем региональной безопасности ИДВ РАН под руководством А.В. Болятко, Центр исследования Восточной Азии и ШОС при МГИМО (У) МИД РФ под руководством А.В. Лукина. Центры дискуссий ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Института Мировой экономики и международных отношений РАН, Центра исследования постиндустриального общества под руководством В. Иноземцева, Института проблем глобализации под руководством М. Делягина. Задерей Н.В. Обзор исследований по проблеме развития Шанхайской организации сотрудничества // Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008. – С. 385.

³⁴⁹ Исследования ШОС в Шанхае: Центр России и Средней Азии и Центр Шанхайской организации сотрудничества Фуданьского университета под руководством Чжао Хуашэна, Центр изучения ШОС Института Восточной Европы и Центральной Азии Шанхайской Академии общественных наук (ШАОН) под руководством Пань Гуана, Отдел России и Центральной Азии Шанхайского института международных исследований (ШИМИ) под руководством Лу Гана и Центр российских исследований Восточно-китайского педагогического университета под руководством Фэн Шаолэя. Исследования ШОС в Пекине: Отдел России и Восточной Европы Китайского научно-

Перспективы ШОС зависят от того, насколько успешно Организация преодолает целый ряд проблем как внутреннего, так и внешнего характера. Масштабность проблем требует соотнесения целей и задач ШОС с реальной действительностью и устранения следующих противоречий. Это расширение сфер региональных и глобальных интересов ШОС и противодействие со стороны США, ЕС и других центров силы росту мирового влияния новой Организации; стремление к институциональной организованности и латентное внутреннее соперничество между ее лидерами (Китай, Россия и Казахстан) и «малыми государствами-участниками» (Киргизия, Таджикистан и Узбекистан); направленность на открытость ШОС и отсутствие реальных механизмов взаимодействия с государствами-наблюдателями, государствами-партнерами по диалогу; декларативный характер официальных документов и слабая их практическая реализация; срыв планов и программ многостороннего сотрудничества и формальный подход заинтересованных ведомств (Минфин РФ, Минэкономразвития РФ), а также других государств-членов; проблемы государственного финансирования и привлечение средств неправительственных бизнес-структур. Сложность реализации состоит в переплетении подобных противоречий национального и регионального характера. Центральной точкой их разрешения является нахождение золотой середины, когда на одной чаше весов — доверие и имидж, а на другой — финансы и механизмы международного взаимодействия. Сужение поля деятельности ШОС ведет к неудовлетворенности и разочарованию отдельных участников, за которым следует падение авторитета ШОС на международной арене. Наоборот, чрезмерное, а не реальное расширение задач упирается в проблемы финанси-

исследовательского института международных проблем под руководством Ма Чжэньгана, Институт России, Восточной Европы и Средней Азии Китайской академии общественных наук под руководством Сунь Чжуанчжи, Центр исследования Центральной Азии при Университете Ланьчжоу (профессор Ян Шу), Институт международной стратегии при Школе ЦК КПК (Цзо Фэнжун), Институт международных отношений Китайского народного университета (профессор Чэнь Синьмин), Китайский институт международных стратегических исследований (CISS). — Там же. — С. 382–384.

рования и отсутствие механизмов регулирования многосторонним взаимодействием.

Несмотря на наличие проблем и различные точки зрения на ход интеграционных процессов в регионе, а также на серьезную, а порой и неоднозначную критику ШОС при аналитическом подходе трудно сбросить со счетов интегрирующий потенциал ШОС. Это Организация нового типа, в которой предпринимаются попытки выработать новую интеграционную стратегию развития и соразвития на основе диалога, консенсуса и многостороннего сотрудничества, что позволяет создать новый баланс сил в регионе и учесть интересы разных сторон — участников интеграционных процессов. Констатация реальности ШОС как нового неконфронтационного типа отношений между государствами с принципиально отличной от Запада и без участия США концепцией безопасности, сотрудничества и политической стабильности позволяет более оптимистично оценить перспективы политической и экономической интеграции в АТР, по крайней мере, по сравнению с тем обстоятельством, если бы подобной организации не было вовсе.

§ 3. Региональное сотрудничество России и Китая как фактор укрепления интеграционных связей в АТР

Современные черты эпохи усиления экономического неравенства в глобальной экономике и мировой политике накладывают определенные условия на процессы регионального сотрудничества России и Китая. С одной стороны, закономерность развития мировой политической и хозяйственной системы, все больше приближающейся по степени взаимозависимости к единой макроэкономической структуре, формирует необходимость активизации международных кооперационных связей и интеграции в АТР, базирующихся на многосторонних исторических, политических, экономических и иных региональных взаимодействиях, в том числе и с участием России и Китая. С другой стороны, влияние глобального рынка, в котором общественное разделение труда уже не укладывается в упрощенную схему международной торговли товарами и услугами, все больше требует развития межстрановой ко-

операции и специализации производств со сложными региональными и мировыми валютно-финансовыми отношениями, подверженными кризисам, порождает не только центростремительные, но и центробежные тенденции в развитии интеграционных связей. К тому же все больше востребовано устойчивое политическое взаимодействие между государствами, выступающими в роли консолидирующего и координирующего фактора. Развитие отдельных стран и континентов идет неравномерно, процесс концентрации высокотехнологических производительных сил в небольшом числе развитых стран увеличивает разрыв между высокоразвитыми и слаборазвитыми странами. Тем не менее, темпы развития многонаселенной Азии³⁵⁰ все заметнее становятся выше темпов стареющей Европы. Несмотря на сложность и противоречивость мирового экономического и политического развития, сотрудничество России и Китая выступает в качестве важнейшего фактора укрепления интеграционных связей в АТР.

В настоящее время обеими сторонами признается, что усилиями двух стран созданы благоприятные политические, стратегические и экономические условия для наращивания российско-китайского торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества. Однако взгляд на перспективы развития сотрудничества России и Китая в аспекте региональной интеграции позволяет говорить о

³⁵⁰ «Стремительными темпами развиваются Китай, Индия, Бразилия. Есть все основания полагать, что будущее за этими тремя гигантами. Страны современной восьмерки, несомненно, уступят им первые места». *Козырев В. М. Основы современной экономики.* – М., 2009. – С. 491. «По совокупным масштабам экономики Китай к 2030 году сможет опередить США и в 4–5 раз превысит показатель Японии. К 2030 году в мировой экономике доля Азии составит более 50 %. Такой экономический рост будет возможным только при непрерывном углублении глобальной экономической взаимозависимости. Быстрое развитие китайской экономики будет способствовать увеличению торгового оборота стран в Юго-Восточной Азии, что будет содействовать развитию торговли Японии, США и стран АСЕАН. Иначе говоря, с каждым днем будет расти степень экономической взаимной зависимости как в региональном, так и глобальном масштабе. *Фукуда Ясуо.* К 2030 году по совокупным масштабам экономики Китай опередит США // По материалам Агентства Синьхуа. 19 апреля 2009. – <http://russian/china.org.cn>

влиянии целого комплекса факторов, в том числе и новых, возникших в сложных условиях рецессии мировой финансовой и экономической системы. В российско-китайском сотрудничестве важно увидеть объективное сочетание внутренних и внешних факторов, стимулирующих взаимовыгодное развитие национальных экономик двух соседних государств и активизирующих их влияние на упрочение региональных кооперационных связей и дальнейшей интеграции в АТР. Внутренние факторы в немалой степени зависят от конкурентоспособности РФ и КНР на международном рынке, обеспечивающей высокие темпы экономического роста³⁵¹ через интеграцию хозяйственных связей в регионе. Причем каждое из государств имеет свои интеграционные преимущества, а также слабые, либо нереализованные стороны. Внешние факторы связаны с проблемами и перспективами развития интеграционных процессов в АТР, постепенно вызревающих в сложившейся международно-политической и экономической реальности, в которой судьбы стран, народов, отдельных людей все больше переплетаются, а также с международным влиянием³⁵² и потенциалом влияния³⁵³ РФ и КНР в мире. «Россия занимает седьмое место в

³⁵¹ С начала реформ ежегодный экономический рост КНР в среднем составляет 9,4 %, а объем ВВП с 147 млрд долларов в 1978 г. достиг 2,6 трлн долларов к 2006 г. В связи с мировым экономическим кризисом цифры меняются, но тенденция остается и по своему экономическому весу КНР занимает 4-е место в мире, уступая только США, Японии и Германии. Главный вклад в прирост мирового ВВП дает уже не США, а Китай, обеспечивая 15 % мирового ВВП.

³⁵² В теории международных отношений и мировой политики, а также в реальной внешнеполитической практике термины «международное влияние» и «потенциал влияния» отличаются. «Под международным влиянием в данном случае понимается способность государства вызывать изменения в поведении других государств, оказывать воздействие на международную среду в своих интересах (безотносительно к последствиям)». *Мельвил А.Ю.* и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М., 2007. – С. 110.

³⁵³ «Потенциал влияния — это совокупность самых разнообразных средств и ресурсов, которыми государство располагает для оказания прямого и косвенного, военно-политического и дипломатического, экономического, технологического, культурного, информационного и др. влияния. — Там же.

рейтинге стран по индексу потенциала международного влияния (после США с их гигантским отрывом, Китая, Японии, Германии, Франции и Великобритании). Таким образом, Россия — в компактном и малочисленном «ядре» стран-лидеров мирового влияния. Основания: военный потенциал (размер ВС, ядерное оружие, высокотехнологичные вооружения), статус постоянного члена СБ ООН, экономический потенциал и др.»³⁵⁴. Новаторство статистического анализа современных политических систем государств в сравнительной политологии, осуществленного российскими учеными, заключается в новой постановке проблемы в отношении роли России на международной арене: «Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Многие привыкли принимать как данность распространенный аргумент о том, что международная роль России не соответствует ее наличным внутренним ресурсам. Между тем, наши данные могут свидетельствовать о несколько ином: похоже, у России имеется совокупный потенциал, который больше ее сегодняшнего международного влияния и, быть может, используется далеко не полностью»³⁵⁵. Западную точку зрения на международное влияние России выражает Крис Паттен, 28-й и последний британский губернатор Гонконга (1992–1997 гг.), а также Экс-комиссар (министр) по внешним связям Еврокомиссии ЕС (1999–2004 гг.): «Хотя Россия и богата природными ресурсами, но она не оказывает почти никакого влияния на развитие нашей экономики. Однако с Китаем все иначе»³⁵⁶. Действительно, стратегия активной интеграции КНР в региональные и мировые экономические связи способствует развитию рыночных отношений в стране. В частности, китайские северо-восточные провинции, для которых российский рынок является главным, буквально рвутся на международную арену. Провинция Хэйлунцзян стратегически

³⁵⁴ Мельвил А.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М., 2007. — С. 167.

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Паттен Крис. Не только дипломат. Горькая правда о международных делах. — Шанхай, 2008. — С. 254 // 彭定康. 非一般的外交家—关于国际事务的逆耳忠言. 上海, 2008年. 254页.

объединяет крупные предприятия, привлекая инвестиции из других городов Китая, для выхода на российский рынок строительных материалов и крупного оборудования, внося свою лепту в достижение двустороннего товарооборота до 60–80 млн долларов к 2010 г., согласно совместным документам глав государств.

Положение России в системе международного разделения труда более сложно и противоречиво, чем Китая. В российском экспорте преобладают сырьевые товары и высококвалифицированный труд, дающий основу на перспективу превращения страны в одну из лидирующих энергетических и индустриальных держав. Однако возможности технологической экспансии России на глобальный рынок оказались ограниченными, намного ниже бывшего СССР. Китай нуждается в российских технологиях, поскольку собственные его разработки в сфере высоких технологий все еще не удовлетворяют потребности китайской национальной экономики. В интеграционной политике России необходимо иметь в виду, что слишком узкая специализация, чрезмерная концентрация на развитии отдельных, пусть и самых современных секторах экономики, включая и постиндустриальный сектор, может сказаться на конкурентоспособности страны. Интеграционный смысл изменившейся парадигмы международной конкурентоспособности страны в глобальной экономике состоит не только в преимуществах крупного и широко диверсифицированного индустриального хозяйства, но и в достаточно высокой степени инвестиционной привлекательности государства с рыночной экономикой.

Сложности участия России в конкурентной борьбе с крупнейшими партнерами КНР и мощными ТНК на китайском энергетическом рынке наиболее ярко демонстрирует ход реализации межправительственного Соглашения³⁵⁷ по сооружению Тяньваньской АЭС в восточной провинции Цзяньсу по российскому проекту с энергоемкостью в 1075 МВт. Трудности при осуществлении

³⁵⁷ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сооружении на территории КНР атомной электростанции и предоставлении Россией КНР государственного кредита (Шохин А.Н. — Хуан Ичэн). 18 декабря 1992; Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 155.

крупномасштабного совместного проекта есть, как свидетельствуют российские строители-атомщики в КНР³⁵⁸.

Российские ноу-хау и оригинальные технические решения в области ядерной энергетики не удается защитить даже с помощью патентов. Хотя в данном Соглашении предусмотрено, что «передача технических решений и иных объектов интеллектуальной собственности в рамках сотрудничества по настоящему Соглашению не влечет за собой передачу авторских прав на такие решения и объекты, если иное не будет предусмотрено договорами, заключаемыми между соответствующими российскими и китайскими организациями»³⁵⁹. Кроме этого документа есть Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области охраны прав интеллектуальной собственности³⁶⁰. Китайские производители на строительной площадке «Тяньвань» активно совмещают производственный процесс с учебным. При этом российские атомщики, по мнению вице-президента компании «Атомстройэкспорт» А. Решетникова³⁶¹, не сомневаются, что в скором времени китайцы сделают энергоблок собственной конструкции с мощностью 1300 МВт. Китайские заказчики на каждом этапе производственного процесса требуют обоснований и гарантий надежности, замечают недоработки в технической документации, успевая при этом

³⁵⁸ Емельяненко А. Один строим — два в уме. Тяньваньская АЭС стала для российских атомщиков и машиностроителей трудным экзаменом на профессиональную состоятельность // Российская газета. — 2007. — № 61п (4324). — 26 марта.

³⁵⁹ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сооружении на территории КНР атомной электростанции и предоставлении Россией КНР государственного кредита (Шохин А.Н. — Хуан Ичэн). — Ст. 14. — 1992. — 18 дек.; Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. — М., 1999. — С. 163.

³⁶⁰ Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области охраны прав интеллектуальной собственности (Сосковец О.Н. — Цянь Цичэн). 25 апреля 1996. — Там же. — С. 340.

³⁶¹ Емельяненко А. Один строим — два в уме. Тяньваньская АЭС стала для российских атомщиков и машиностроителей трудным экзаменом на профессиональную состоятельность // Российская газета. — 2007. — № 61п (4324). 26 марта.

предъявить российской стороне штрафные санкции за просрочку введения первого блока станции в эксплуатацию, связанную с техническими проблемами, обнаруженными после горячей обкатки оборудования, а также с дефектами в главных циркуляционных насосах и с некачественными сварными швами на трубопроводах и в других частях оборудования. При этом китайская сторона не торопится утвердить тендер для второй очереди третьего и четвертого энергоблоков. Новая тендерная заявка «Атомстройэкспорта» отклонена в пользу американской компании Westinghouse Electric по причине дополнительных условий тендерного комитета КНР, включающих стопроцентную передачу технологий. «Как отмечают эксперты Nuclear.ru, Китай стал первым заказчиком американской реакторной установки третьего поколения AP1000 мощностью 1100 Мвт, а победа Westinghouse на китайском рынке носит стратегический и политический характер. При этом не секрет, что и американское правительство, и правительства Франции, Германии готовы предоставить кредиты своим фирмам — до 2,5 миллиардов долларов. Так что не надо думать, что только российское правительство кредитует строительство АЭС в Китае»³⁶².

Таким образом, сложности российских атомщиков при осуществлении совместных крупномасштабных проектов в КНР говорят не только о разных подходах к производственному процессу, но и связаны с проблемой международной конкуренции на китайских рынках высоких технологий, в которой не исключаются элементы политического подхода Китая к решению экономических задач. Они также указывают на необходимость перехода российской экономики к новой техногенной культуре, приближенной к мировым стандартам. «По оценке многих специалистов, развитие ядерных технологий — это та область, в которой мы опережаем многих других. Однако для успешного продвижения вперед нужны большие усилия, затраты и немало времени. Первый опытный

³⁶² «Ко времени пуска первого энергоблока Россия израсходовала 1,35 миллиардов долларов — на оба энергоблока, ещё 1,8 миллиардов — вклад Китая. А цена, которую AREVA назначила за один только энергоблок в Финляндии — 3,5 миллиардов. На тендере они подняли цену сразу на 500 миллионов евро!». — Там же.

высокотемпературный ядерный реактор, который позволит получить водородное топливо, заработает в 2015 году, а пуск первой установки по производству термоядерного топлива (это международный проект, в котором участвует и Россия) планируется лишь в 2025 году. Истощение ресурсов нефти и газа вынуждает активно развивать не только атомную энергетику, но и другие альтернативные источники энергии, связанные, в частности, с ветром, солнцем, биотопливом и т.д.»³⁶³.

Надо признать, что отношения международных субъектов, России и Китая, выступающих в качестве торгово-экономических и инвестиционных партнеров, настолько специфичны, что задают сложную систему параметров взаимодействия, ведущих к новому характеру кооперационных и интеграционных связей с особым механизмом действия, с одной стороны, свойственных их политической эволюции, а, с другой стороны, неотделимых от общего течения интеграционных процессов в АТР. Прослеживается возможность государств самим определять степень, глубину и темпы развития интеграционных связей с соседними странами. В то же время несогласованность действий отдельных сторон будет лишь расшатывать мировой политический и экономический порядок, к новому содержанию которого стремятся РФ и КНР, и тормозить интеграционные процессы, ослабляя возможности международного сообщества противостоять новым вызовам и угрозам. Поэтому качественно новый уровень развития интеграции в АТР позволяет говорить и о новой парадигме российско-китайского сотрудничества, его наполнении новым содержанием с учетом региональных и глобальных преимуществ Китая, его связей с крупнейшими инвесторами, а также интеграционными особенностями региона. Все чаще речь идет о стратегической парадигме развития и соразвития России и Китая³⁶⁴. Если порой раздаются голоса о серьезных рисках России в динамично развивающемся торгово-экономическом

³⁶³ Пляйс Я.А. Системная модернизация — императив для современной России // Мир и политика. — 2009. — № 9 (36). Сент. — С. 25.

³⁶⁴ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай — Россия 2050: стратегия соразвития. — М., 2006.

и инвестиционном сотрудничестве с Китаем, в том числе о рисках вытеснения высокотехнологической продукции с китайских рынков, то это не столько вопрос двусторонних отношений, сколько проблема состояния российской промышленности и её конкурентоспособности на мировых рынках, а также политической воли российского руководства и дипломатии целенаправленно развивать восточноазиатское направление внешней политики РФ.

Китай, в отличие от России, вступив в 2001 году в ВТО без особых потерь, приобрел интеграционные преимущества, не лишив себя торгового суверенитета и имея при этом три голоса за счет Сянган и Аомэнь. России ещё только предстоит, предусмотрев меры защиты своих национальных интересов на глобальном торговом рынке, стать его полноправным участником посредством вступления в ВТО, на долю которого приходится свыше 95 % мирового внешнеторгового оборота.

Китай рассматривает членство в ВТО как совершенно обязательное условие интеграции в мировую хозяйственную систему. Речь идет не только о формировании механизма адаптации китайской экономики к новым условиям развития глобальных интеграционных связей, выработке методики защиты интересов китайских производителей на внутреннем рынке от внешнего влияния глобальных потоков, завоевании внешних рынков сбыта китайской продукции и расширении сферы специализации и кооперации в мировом хозяйстве. Вопрос рассматривается в более широком интеграционном контексте, конечным итогом которого является возможность Китая участвовать в разработке международных правил регулирования внешнеэкономическими и торговыми связями на глобальном уровне в рамках Всемирной торговой организации, а, следовательно, повысить свой потенциал международного влияния³⁶⁵. Акцент КНР направлен, во-первых, на стратегическое использование эффектив-

³⁶⁵ Китай в рейтинге стран по индексу потенциала международного влияния занимает 2-е место после США. Россия — 7-е место соответственно после США, Китая, Японии, Германии, Франции и Великобритании. Мельвилль А.Ю. и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М., 2007. — С. 168.

ных глобальных инструментов регулирования торговыми операциями в своих национальных интересах. «Многосторонняя торговая система по своей сути использует тонкие политические средства, стремясь к соблюдению хрупкого баланса интересов между ее членами, поэтому решения ВТО как использование международных механизмов урегулирования споров не позволяют изменить систему прав государств посредством обычных судебных решений»³⁶⁶. Во-вторых, на международном уровне акцентируется восточноазиатская специфика делового общения, системы менеджмента, трудовых отношений, потребительского рынка и бизнес-структур. В-третьих, параллельно активизируется региональная и субрегиональная политика КНР по координации взаимоотношений с географически близкими и крупными экономическими партнерами в СВА (Япония, Южная Корея), со странами АСЕАН в ЮВА, а также с Россией. Например, на основе правил международной стандартизации товаров и услуг Китай после вступления в ВТО стал вправе применять дискриминационные меры и антидемпинговые процедуры в отношении РФ. «Членство КНР в ВТО затруднило переговорный процесс по вступлению России в эту организацию. По сравнению с США и странами ЕС, Китай требует полностью снять барьеры по доступу на рынок услуг, отменить экспортные и значительно понизить импортные пошлины на промышленную продукцию, а также обеспечить свободный доступ в страну китайской рабочей силы и льготные условия для учреждения китайских компаний, при этом все мероприятия провести в период 2–3 года. Настойчивые требования и заявления Пекина о возможности работать в России без лицензии и регистрации и даже занимать посты, «закрытые» для иностранных граждан, могут привести к падению российско-китайского взаимного товарооборота»³⁶⁷. В настоящее время подобные проблемы, подпитываемые китаецентристским пониманием

³⁶⁶ Пэн Сюй. Юридический аспект урегулирования споров в ВТО. – Пекин, 2008. – С. 129 // 彭淑. 论世界贸易组织争端解决中的司法造法. 北京, 2008年. 129页.

³⁶⁷ Александрова М.В. Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. – М., 2005. – С. 141.

национального интереса КНР, урегулированы на основе позиции российской стороны.

Другими словами, главная суть китайского подхода к международным организациям, в том числе к ВТО, состоит не только в решении вопросов первостепенной важности для КНР по продвижению китайских товаров на мировые рынки, но и в его стратегическом интеграционном интересе. Причем Китай, первоначально концентрируясь на вопросах либерализации внешнеэкономических связей и международных условиях торговли, умеет извлечь выгоды из международного разделения труда и оставить за собой право самому определять глубину интеграции с соседними странами. «Политическая дипломатия и экономическая дипломатия — взаимосочетаемые понятия. Политика и экономика взаимосвязаны и оказывают друг на друга влияние»³⁶⁸.

Какова особенность факторов укрепления и активизации интеграционных связей в АТР, возникших в новых условиях преодоления кризиса мировой финансовой системы? Новые факторы в региональном сотрудничестве, как правило, способствуют развитию новых тенденций в качестве альтернативного поиска восточноазиатских стран в снятии глобальных рисков и нетрадиционных вызовов, а также ведут к образованию и новых параметров взаимодействия, которые расширяют границы проявления интеграционных процессов, выходящих за рамки Восточной Азии как неотъемлемой части АТР.

Качественно новый этап в развитии интеграционных процессов в АТР с активным участием РФ и КНР обозначился в период преодоления глобального финансового и экономического кризиса. В новых условиях проявилась потребность в углублении регионального сотрудничества России и Китая на основе близких позиций по актуальным международным вопросам. Коллективному поиску перспектив выхода из мирового кризиса и дальнейшего развития по реформированию глобальной финансовой архитектуры способствовало инициативное предложение Китая, России

³⁶⁸ У Цзяньминь. Из дипломатической практики. – Пекин, 2007. – С. 168 // 吴建民. 外交案例. 北京, 2007年. 168页.

и Казахстана по созданию глобальной ресурсной валюты, не связанной к конкретному государству. Инициативное предложение о создании новой единой мировой валюты под эгидой МВФ внес управляющий китайского ЦБ Чжоу Сяочуань в начале 2009 года в связи с обеспокоенностью премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о судьбе валютных резервов в Китае, большая часть которых хранится в американских ценных бумагах.

Современный финансовый кризис явился первым кризисом общемирового масштаба международных финансовых институтов, а в более широком плане он продемонстрировал кризис западной либеральной модели рыночного хозяйства, которая до сих пор и довольно длительное время считалась лучше других приспособленной к глобальным процессам. Однако восточноазиатские страны столкнулись с общими региональными проблемами уже во второй раз, если за точку отсчета брать ситуацию в период Азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг.³⁶⁹. Поэтому нельзя сказать, что мировой кризис вызвал шок в странах АТР. Напротив, восточноазиатские страны более активно приступили к ускоренной реализации тех коллективных проектов и планов, которые предлагались ранее.

В частности, еще в мае 2000 г. на ежегодной конференции Азиатского Банка развития были предложены и частично реализованы так называемые «Чиангмайские инициативы» АСЕАН + 3. Теперь они послужили реальной предпосылкой по созданию Азиатского регионального банка валютных резервов 2009 года. Ранее эти инициативы были несколько заторможены по причине их недостаточной актуальности. Еще в 2006 г. эксперты Всемирного банка считали интеграцию азиатской валюты далекой перспективой: «Все годы, прошедшие после финансового кризиса в ЮВА Азиатский банк развития и другие структуры неизменно изучали возмож-

³⁶⁹ «Во время Азиатского финансового кризиса 1997–98 гг. Китай сохранил стабильность юаня, сыграл активную роль в кризисной ситуации, а также оказал экономическую помощь соседним странам». *Паттен Крис*. Не только дипломат. Горькая правда о международных делах. – Шанхай, 2008. – С. 253 // 彭定康. 非一般的外交家—关于国际事务的逆耳忠言. 上海, 2008年. 253页.

ность интеграции азиатской валюты. С учетом наличия многих проблем в области интеграции в сферах торговли и услуг пока еще не время говорить об интеграции азиатской валюты»³⁷⁰. Однако мировой кризис ускорил процессы развития валютной интеграции в АТР. Наиболее значимые изменения в региональном и субрегиональном сотрудничестве произошли за счет коллективных усилий по снижению рисков глобального кризиса. Координация усилий восточноазиатских стран проявилась наиболее отчетливо и вновь возродила утраченный ранее интерес развитых стран к азиатской модели развития, значительное место в которой занимает регулирующая роль государства.

Консолидация азиатских стран в новых условиях приобрела более отчетливый характер, развиваясь в контексте региональной стилистики консенсуса в сфере принятия решений и общих шагов в практическом направлении. Именно режим коллективного согласования не позволил азиатским странам отделиться друг от друга, несмотря на самостоятельные антикризисные действия внутри национальных экономик, и дал им возможность, благодаря коллективному голосу, разговаривать на равных с высокоразвитыми державами.

В условиях кризиса «национальная экономика Китая избежала резкого спада благодаря проводимой правительством с ноября прошлого года активной финансовой политике и в меру раскованной денежной политике»³⁷¹, по мнению управляющего китайского Центрального банка Чжоу Сяочуаня. Премьер-министр Монголии Санжийн Баяр сказал о том, что «как старый друг Китая наша страна приветствует эти меры китайского правительства»³⁷², которые весь-

³⁷⁰ *Хофман Берт*. Интервью главного экономиста Всемирного банка Берта Хофмана Агентству Синьхуа. 24 апреля 2006. – <http://www.russian.china.org.cn>

³⁷¹ *Чжоу Сяочуань*. Заявление управляющего китайского ЦБ Чжоу Сяочуаня на подфоруме «Реформа международной финансовой системы: роль экономических субъектов с нарождающимися рынками» в рамках ежегодного совещания Боаоского азиатского форума. 20 апреля 2009. – <http://www.partnery.cn>

³⁷² *Санжийн Баяр*. Интервью Агентству Синьхуа. 20 апреля 2009. – <http://www.partnery.cn>

ма поучительны и для других стран. Россия активизировала региональное сотрудничество с Китаем и диалоговое партнерство в рамках Россия-АСЕАН³⁷³ как высшей формы интеграционных связей асеановских стран с внерегиональными государствами, с Региональным форумом АСЕАН по безопасности (АРФ), а также с АСЕАН + 1 (Китай) и АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Республика Корея).

Наиболее заметные качественные изменения в развитии региональных интеграционных процессов произошли именно в валютно-финансовой сфере в условиях преодоления глобальных последствий мирового кризиса. Эти изменения имеют не только экономические, но и политические следствия. Создание Азиатского регионального банка валютных резервов (АРБВР) в конце 2009 г. — важный фактор стабилизации по сохранению финансовой устойчивости, укреплению уверенности в азиатских рынках и остановке экономического спада в регионе. АРБВР — это в то же время и убедительный пример углубления региональной интеграции в АТР.

Об официальном открытии АРБВР говорится в Совместном коммюнике министров финансов Китая, Японии, Республики Корея и стран АСЕАН, подписанном на ежегодной сессии Азиатского банка развития (АБР), проходящей на индонезийском острове Бали 2 мая 2009 года. Региональный интеграционный процесс развивается постепенно. Самое первое предложение об учреждении Азиатского валютного фонда с капиталом 10 млрд долларов США было высказано Японией еще в 1997 г. на Манильской встрече ми-

³⁷³ «Приоритетными направлениями сотрудничества по линии Россия — АСЕАН является энергетика, наука и технологии, чрезвычайное реагирование, туризм, а также совместное противодействие новым вызовам и угрозам. В настоящее время сторонами ведется проработка вопросов налаживания взаимодействия в этих областях, в том числе с участием таких российских компаний, как ОАО «Газпром», госкорпорация «Росатом», ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС». Министры обмениваются мнениями о перспективах развития взаимовыгодной кооперации на данных направлениях». *Нестеренко А.* Интервью официального представителя МИД России А. Нестеренко РИА Новости в связи с предстоящим участием главы МИД РФ Сергея Лаврова в министерском совещании Россия — АСЕАН и 16-й сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности. 20 июля 2009. — <http://www.rian.ru>

нистов финансов в рамках АТЭС, видимо, по аналогии с Арабским валютным фондом 1976 г., призванным обеспечить стабилизацию валютных курсов в регионе на основе предоставления займов, либо с Латиноамериканским резервным фондом 1991 г., который использовал механизмы координации денежной, валютной и финансовой политики. Однако японская инициатива была заблокирована США, Китаем и МВФ по политическим соображениям, а Россия еще только вступила в АТЭС в этот период и не имела права совещательного голоса. Вполне понятно, что особое положение крупнейших стран-кредиторов МВФ³⁷⁴ позволяет использовать данный институт для оказания экономического и политического давления на другие страны. Вновь прозвучала идея создания общего фонда валютных резервов в мае 2007 г., но уже в русле совместных «Чиангмайских инициатив» об усилении финансового сотрудничества в Восточной Азии. На основе Пхукетского (Специальное заседание министров финансов АСЕАН + 3 на тайландском острове Пхукет) Соглашения 22 февраля 2009 г. было принято решение об увеличении размеров резервного фонда до 120 млрд долларов США. В Балийском Соглашении 2 мая 2009 г. определены размеры долевого участия в Азиатском региональном банке валютных резервов.

³⁷⁴ «МВФ определяет условия членства государства в этой организации, включая размер квоты (средства, которые страна вносит в бюджет Фонда). На основе квоты страны определяется размер ее возможных заимствований, а также число голосов (voting power), которыми располагает страна при принятии МВФ коллективных решений. Например, США располагают 17,08 % голосов (квота — 17,40 %), Япония — 6,13 % голосов (квота — 6,24 %), Германия — 5,99 % голосов (квота — 6,09 %), Великобритания — 4,95 % голосов (квота — 5,03 %), Франция — 4,95 % (квота — 5,03 %). В настоящее время членами МВФ являются 184 государства (данные на середину октября 2006 г.)... Россия стала членом МВФ в мае 1992 г. на начало сентября 2006 г. Россия располагала 2,74 % голосов (по данному показателю Россия занимает 10-е место среди членов Фонда; ее опередили страны «большой семерки», Саудовская Аравия и Китай) при квоте 2,79 %». *Мельвиль А.Ю. и др.* Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. — М., 2007. — С. 116. — <http://www.imf.org>

Надо сказать, что основной капитал АРБВР в 120 млрд долларов США является мощным антикризисным средством для всего региона Восточной Азии. Общая сумма взносов северо-восточной «тройки» составляет 96 млрд долларов США (80 % суммарного валютного запаса АРБВР), из них Китай и Япония внесли по 38,1 млрд долларов США, а Южная Корея — 19,2 млрд долларов США. Доля стран АСЕАН составила 20 %. Сумма взносов и процентное содержание долевого участия определяет ключевую роль КНР, Японии и РК в создании региональной финансовой системы. В регионе концентрируется внимание на укрепляющей роли Китая, имеющего большой объем валютных резервов и потому не нуждающегося во внешней финансовой помощи. Разработанный подробный план и правила совместных финансовых механизмов участников АРБВР характеризуют и новый этап практического сближения лидирующего «треугольника» (Китай, Япония и Республика Корея) в решении общих валютно-финансовых проблем. К тому же сближение северо-восточных государств в определенной мере способствует и снятию формализации, сохраняющейся в субрегиональных связях порой из-за нестыковки хозяйственных и политических систем, а также торговых и иных противоречий³⁷⁵. Усиление интеграции в Восточной Азии окажет влияние на политику внерегиональных держав, а функционирование АРБВР в свою очередь потребует от российских банков внесения корректив в их стратегию регионального сотрудничества.

Создание АРБВР отвечает основным ключевым целям. Во-первых, в краткосрочной перспективе шаги восточноазиатских стран в сфере углубления финансового сотрудничества в АТР являются ответом на глобальные вызовы по сокращению рисков мирового финансового кризиса. Во-вторых, это создание регионального фи-

³⁷⁵ «Социалистический настрой Китая очень странен: вы не можете одинаково гибко относиться ко всем людям, если к Америке проявляется мягкость, а в отношении Японии — непримиримость. Из-за этого ощущения двойственности, утрачивается возможность истинного понимания и восприятия друг друга». *Ян Даоцинън*. Стратегия Ясуо Фукуда: Отступление во имя наступления. — Пекин, 2008. — С. 96 // 杨道金. 以退为进: 福田康夫传. 北京, 2008年. 96页.

нансового института нового типа с использованием коллективных механизмов финансовой помощи и новой структурой контроля при развитии тесного сотрудничества с АБР и Секретариатом АСЕАН, включая более качественный мониторинг финансовых и экономических ситуаций в регионе. В-третьих — превращение вновь созданного АРБВР в независимую региональную финансовую структуру, дополняющую механизмы уже существующих международно-финансовых организаций, таких, как Международный валютный фонд и Всемирный банк, состоящий из пяти кредитных институтов: Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная ассоциация развития (МАР), Международная финансовая корпорация (МФК), Международное агентство по инвестиционным гарантиям (МАИГ), Международный центр по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС).

В-четвертых, в стратегическом плане — это движение к валютной интеграции в Восточной Азии, которое вносит в актуальную повестку дня вопрос создания необходимых условий для формирования собственной азиатской валютной единицы. Реальные планы по углублению уровня интеграционного взаимодействия в АТР зависят, с одной стороны, от степени зрелости этих процессов, в которых отражаются не только экономические и политические интересы азиатских государств, но и их противоречия, а, с другой стороны, от способности китайского юаня стать главной валютой региона. Превосходно знающий специфику Гонконга и западных рынков Крис Паттен скептически оценивает возможности юаня: «Я сомневаюсь, что юань, если серьезно оценивать его возможности в экономике Китая, сможет стать реальной влиятельной силой в конкурирующей среде глобального рынка»³⁷⁶. При этом не следует забывать о потенциальных возможностях японской иены³⁷⁷,

³⁷⁶ *Паттен Крис*. Не только дипломат. Вся правда о международных делах. — Шанхай, 2008. — С. 253 // 彭定康. 非一般的外交家—关于国际事务的逆耳忠言. 上海, 2008年. 253页.

³⁷⁷ «Исходя из современной экономической ситуации и с учетом таких факторов, как масштабы экономики и перспективы рынка, Китай и Япония неизбежно станут странами, направляющими процесс валютной интеграции в Азиатском регионе, то есть японская иена и китайский юань имеют

а также российского рубля, поскольку КНР, Япония и РФ по своим валютным запасам входят в первую тройку лидеров. Четвертое место принадлежит Тайваню, на экономику которого продолжает оказывать влияние Япония как экономический лидер АТР и в то же время влияние Китая крепнет год от года. Несмотря на временные трудности России, в стратегической перспективе не исключается возможность повышения внимания к российскому рублю при условии стабилизации его конвертируемости посредством включения рубля в расчетно-платежную систему экспортного оборота и все большего участия российских банков в формирующемся процессе валютной интеграции в АТР. Недаром дальновидный Китай, пока еще как единственная страна в мире, уже исчисляет часть своих резервов в российских рублях. В общем стратегическом плане Китай не ждет, а формирует новые связи и задает ускоренные темпы развития и в межконтинентальной финансовой сфере. Буквально по истечению нескольких месяцев после Екатеринбургского саммита БРИК Китай активен и в использовании потенциала этой новой платформы сотрудничества: Китай и Бразилия переходят на расчеты в юанях. Китай также планирует расширение зоны влияния юаня на Гонконг, Турцию и Россию.

возможность стать главными валютами Азиатского региона. Хотя экономика Японии сильна, она не добилась еще доверия со стороны азиатских соседей. Япония — это великая экономическая держава. Японская иена практически стала международной валютой. Экономическая мощь позволяет Японии предоставлять кредиты и гарантии по кредитам Индонезии, Южной Кореи, Малайзии, Филиппинам. Немалое число японских ученых все еще питает иллюзии о создании восточноазиатской «зоны иены». Кроме того, Япония ранее выдвигала проект создания Азиатского валютного фонда, однако в этом предложении ничего не говорилось о механизме координации обменных курсов валют, т. е. Япония однозначно не выразила своего намерения стабилизировать курс иены. Восточная Азия на деле по-прежнему остается районом, в котором имеет широкое хождение американский доллар, а японская иена в Азии никогда не рассматривалась другими государствами в качестве резервной валюты и важного платежного средства в международных торговых сделках». *Сюй Чжимин* Практика и поиски / Пер с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. — М., 2007. — С. 31.

На китайском финансовом рынке уже сложилась конфигурация российских банковских структур, которую представляют Внешэкономбанк, Сбербанк РФ и ВТБ. Российские банки сотрудничают с Государственным банком развития Китая, Промышленно-торговым банком Китая, Строительным банком, Экспортно-импортным банком и другими ведущими банками КНР. Только Внешэкономбанк, например, еще в 2006 году заключил с Государственным банком развития Китая кредитные соглашения на сумму в 1 млрд долларов США. Денежные средства открытых кредитных линий преимущественно направляются на поддержку российского промышленного экспорта и развитие импортозамещающих производств, инвестиционных программ в энергетической сфере, деревообрабатывающей промышленности, сельском хозяйстве и в инфраструктурных проектах. Российско-китайское сотрудничество в кредитно-банковской и валютно-финансовой сфере, содействуя развитию регионов Дальнего Востока РФ и продвижению высокотехнологичной и капиталоемкой экспортной продукции на китайский рынок, способно в перспективе внести изменения в мировую экономическую систему. Россия имеет перспективу стать новым полюсом влияния в АТР, участвуя в формировании нового финансового и экономического порядка, в котором Запад с его опорой на традиционные институты ВТО, Всемирный Банк, МВФ перестанет быть единственным мировым центром влияния.

В целом можно сказать, что расширение регионального контекста посредством создания Азиатского регионального банка валютных резервов в качестве нового механизма сотрудничества и интеграции в АТР является весомым вкладом восточноазиатских стран в решении международной проблемы построения нового мирового финансового, экономического и политического порядка. Новый региональный финансовый институт (АРБВР) имеет актуальное значение не только для оказания помощи азиатским странам, испытывающим временные трудности, но и для ускоренного экономического развития региона путем более расширенного использования региональных валют для внешней торговли и инвестиций. Посредством механизмов АРБВР в целях рециклирования

избыточных региональных сбережений будут скорректированы и расширены долгосрочные инвестиционные мегапроекты, необходимые для интеграционного сближения всей Восточной Азии как обширной экономической и политической части АТР. Финансовые вливания АРБВР необходимы для создания стратегической инфраструктурной платформы в регионе, включая все виды транспорта в целях комплексного использования транзитного и межстранового потенциала — автостреды, высокоскоростные железные дороги, глубоководные морские порты, международные аэропорты; единую систему электроснабжения и сети сырьевых энергоносителей и прочее. Для России есть необходимость активного участия в созданных проектах регионального финансового и экономического сотрудничества.

Ряд предпринятых шагов восточноазиатских стран к более активному задействованию региональных механизмов сотрудничества в валютно-финансовой сфере, открывающих более широкие перспективы интеграции в АТР, оживил международный интерес к азиатскому сотрудничеству в мировой политике. В частности, активно идет интеграционный процесс в субрегионе бассейна реки Меконг³⁷⁸, имеющей выход в Южно-Китайское море, а также огромные, пока не использованные гидроэнергетические ресурсы (75 млн кВт). Основной структурой для сотрудничества по бассейну реки Меконг является Комиссия по реке Меконг, имеющая статус международной организации, созданной на основе Соглашения³⁷⁹ четырех государств (Камбоджа, Лаос, Таиланд, Вьетнам)

³⁷⁸ «Япония уже начала проводить план сотрудничества в районе бассейна реки Меконг. В январе 2008 г. Япония провела встречу с министрами иностранных дел пяти стран бассейна реки Меконг, на которой было объявлено о крупномасштабном плане экономической помощи, о плане строительства «экономического коридора Восток – Запад», пересекающего Мьянму, Таиланд, Вьетнам, о приглашении в течение пяти лет десяти тысяч молодых людей стран бассейна реки Меконг совершить визит в Японию и др.». Жэньминь жибао. Он-лайн Китай. 3 августа 2009. – <http://russian.people.com.cn/>

³⁷⁹ Соглашение о сотрудничестве по длительному развитию бассейна реки Меконг. 5 апреля 1995. – <http://www.cawater-info.net/library/rus/water/mekong.pdf>

по длительному развитию бассейна реки Меконг. Одной из составляющих частей регионального взаимодействия являются саммиты (GMS) представителей шести прибрежных стран (Камбоджа, Лаос, Вьетнам, Таиланд, Мьянма, провинция Юньнань в КНР), которые проходят один раз в три года. Первый саммит (GMS-1) прошел в 2002 году в Камбодже (Пномпень), второй (GMS-2) — в 2005 году в Китае (Кунмен), третий (GMS-3) — в 2008 году в Лаосе (Вьентьян). В повестке дня последнего саммита (GMS-3) особое внимание уделено активизации транспортных связей, расширению торгового рынка и повышению конкурентоспособности субрегиона, созданию благоприятных условий³⁸⁰ для торгового обмена.

В свою очередь США, преследуя политические цели, предлагают свой план развития бассейна реки Меконг с созданием отношений партнерства между Комиссией по реке Меконг и Комиссией по реке Миссисипи. При этом новое правительство США в лице Госсекретаря Хилари Клинтон 23 июля 2009 г. на 16-й сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности (АРФ), проходящего на таиландском острове Пхукет, присоединилось к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии от 1976 г., создавшего основу интеграционного процесса в субрегионе. Китайская газета «Жэньминь жибао» на этом основании приходит к выводу, что позиция США к интеграции в Восточной Азии изменилась. «В повестке дня правительства Обамы Азия вне очереди, на первом месте стоят вопросы развития. Разработка плана развития бассейна реки Меконг показала, какое особое внимание уделяет администрация

³⁸⁰ «Несмотря на глобальный экономический кризис Китай не намерен тормозить создание зоны свободной торговли (ЗСТ) со странами АСЕАН. Как заявил первый посол КНР при АСЕАН Сюе Ханьцин, соглашение начнет действовать по плану в 2010 г. К 2010 г. Китай собирается отменить торговые пошлины для Брунея, Малайзии, Индонезии, Сингапура, Таиланда и Филиппин, а к 2015 г. установить такой же режим наибольшего благоприятствования с Вьетнамом, Камбоджей, Лаосом и Мьянмой. Основное внимание сторон уделено сельскому хозяйству, энергетике, информационным и коммуникационным технологиям, транспорту, туризму, защите окружающей среды, а также освоению дельты реки Меконг». Китай ставит на АСЕАН. РБК daily. 20 января 2009. – <http://rbcdaily.ru/>

Барак Обама вопросам развития... По отношению к интеграции в Восточной Азии США перешли от пассивного наблюдения к активному участию, от ориентации на двустороннее сотрудничество к вхождению в механизм регионального сотрудничества»³⁸¹.

Однако столь ли однозначна политика «вхождения» США в механизм регионального сотрудничества с точки зрения факторов ускорения интеграции в Восточной Азии, а не их замедления посредством консервирования новых интеграционных идей, инициатив и проектов? Несомненно, региональное сотрудничество, ориентированное на связи с третьими странами и внерегиональными участниками выступает в роли ускоряющих факторов в укреплении интеграционных связей в АТР. С точки зрения мировой политики международное экономическое сотрудничество способствует разрешению политических противоречий между государствами, переводя геополитические разногласия в геоэкономическую плоскость. В этом плане по аналогии перспективным интеграционным пространством является и Экономическая зона в бассейне реки Туманная в регионе Северо-Восточной Азии, включающая тихоокеанское побережье России, а также КНР, КНДР и Монголию. Четыре государства 6 декабря 1995 г. подписали ряд документов³⁸² в Нью-Йорке, что указывает на заинтересованность Америки не только в ЮВА, но и в СВА. «В Район экономического развития бассейна реки Туманная входят: свободная экономическая и торговая зона «Раджин-Сонбон» в КНДР; Яньбянь-Корейская автономная область в КНР, включая особые экономические

³⁸¹ Три крупных изменения в политике США в Восточной Азии. Жэньминь жибао. Он-лайн Китай, 2009. 3 авг. – <http://russian.people.com.cn>

³⁸² Соглашение о создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии от 6 декабря 1995 г.; Соглашение о создании Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной от 6 декабря 1995 г. и Меморандум о взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии от 6 декабря 1995 г. Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг. / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999. – С. 321–332.

зоны Яньцзи и Хуньчунь; г. Владивосток и свободная экономическая зона Находка в РФ, включая г. Восточный, города и порты Приморского края, расположенные к югу от указанных городов»³⁸³.

Но надо признать, что проблема международного экономического сотрудничества и дальнейшего развития перспектив интеграции в Восточной Азии и в АТР в целом глубока и противоречива. Пока основной формой реализации сотрудничества являются взаимная торговля и инвестиции, в каждой из которых есть свои проблемы. Подводные камни кроются не только в глубине однотипных экономических моделей развития восточноазиатских стран, усиливающих их конкуренцию за рынки сбыта экспортной продукции и привлечения иностранных инвестиций, но и концентрируются на уровнях их расхождений во взглядах на пути интеграционного сближения как друг с другом, так и с внерегиональными участниками. В региональных процессах трудно сохранять баланс взаимовыгодного развития хозяйственных и иных связей, включая в том числе и актуальную на сегодняшний день сферу обращения финансовыми и товарными потоками в Восточной Азии. Американский фактор влияния сказывается как на выборе политических, экономических, военных, коалиционных или, наоборот, интеграционных предпочтений отдельных азиатских стран, дифференциация экономического развития которых довольно широка, так и на коллективных возможностях, когда национальные интересы сопричастных государств могут вступить в полосу противоречий, которые далеко не всегда разрешались в пользу региональных отношений посредством глобальных механизмов управления с участием США. По всей видимости, недооценка влияния американского фактора в Восточной Азии и в АТР полна противоречий.

Успешность тех или иных интеграционных инициатив — результат длительного и поэтапного развития. Создание основ для развития регионального сотрудничества и интеграции нового типа

³⁸³ Разграничение района экономического развития бассейна реки Туманная. Приложение 1 // Меморандум о взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманная и Северо-Восточной Азии. – Там же. – С. 332.

немыслимо без координации позиций по актуальным международным вопросам, представляющих общий интерес. В настоящее время Китай выступает за постепенную оптимизацию различных форм и механизмов регионального сотрудничества в АТР посредством интенсификации конструктивного диалога. Эффективной платформой для проведения диалога между азиатскими странами, а также между Востоком и Западом становится Боаоский азиатский форум (БАФ) — неправительственная международная организация, объединяющая 26 стран³⁸⁴. Идея создания Азиатского форума как платформы для экономического диалога, а также местоположение штаб-квартиры в Боао провинции Хайнань на берегу Южно-Китайского моря принадлежит совместной инициативе трех тихоокеанских государств (Филиппины, Австралия, Япония) 1998 года. На первом заседании Боаоского азиатского форума 26–27 февраля 2001 года принята Декларация Азиатского форума Боао, руководящие принципы Устава Азиатского форума Боао и другие программные документы. На ежегодных совещаниях БАФ обсуждаются основные мировые проблемы преимущественно экономического характера в аспекте азиатских проблем развития. Азиатскую экономическую платформу диалога — БАФ порой сравнивают со Всемирным экономическим форумом (ВЭФ — World Economic Forum, WEF), известного как Давосский форум³⁸⁵, на котором собираются ключевые фигуры бизнеса, политики, науки, культуры и религии для обсуждения глобальных проблем. Именно в контексте паназиатских механизмов БАФ проявляет яркие и специфические черты. Боаоский азиатский форум позитивно влияет на региональ-

³⁸⁴ В Боаоский азиатский форум входят: Австралия, Бангладеш, Бруней, Индия, Индонезия, Иран, Казахстан, Камбоджа, Китай, Киргизия, Лаос, Малайзия, Монголия, Мьянма, Непал, Пакистан, Филиппины, Япония, Республика Корея, Сингапур, Шри-Ланка, Таджикистан, Таиланд, Туркменистан, Узбекистан и Вьетнам.

³⁸⁵ Давосский форум — крупнейшая международная неправительственная организация основана в 1971 году, переименована в 1987 году во Всемирный экономический форум с тем, чтобы подчеркнуть её глобальный характер, участниками которого стал арабский мир и Латинская Америка, а с 1979 года — Китай.

ное сотрудничество и дополняет другие неправительственные экономические форумы, к которым можно отнести Всемирный форум китайских предпринимателей, а также Международную конференцию политических партий Азии, включающую более двухсот представителей азиатских стран. В практическом плане подобные международные форумы несут в себе мощный интегрирующий элемент и пользуются правительственной поддержкой заинтересованных стран.

Реализация совместных планов в АТР, начиная с заявления министров финансов группы АСЕАН + 3 об усилении финансового сотрудничества в Восточной Азии, расширения сети своповых соглашений (swop arrangements) как субрегиональных двусторонних соглашений о свободе торговли (ССТ), создания зон свободной торговли (ЗСТ) на двусторонней основе, согласно «Чиангмайским инициативам», и заканчивая формированием Азиатского регионального банка валютных резервов, а также с учетом потенциала неправительственных международных форумов — это только начало, первые шаги региональной интеграции в АТР. «Восточная Азия переживает большие изменения, большое развитие, а также канун великого расцвета. На это есть следующие причины. Во-первых, Восточная Азия развивается в мирном периоде. Во-вторых, страны Восточной Азии развиваются по верному пути, когда национальные экономики стимулируют друг друга. В-третьих, Восточная Азия сейчас и потом, в ближайшие 30 лет, будет яркой точкой в развитии мировой экономики. Экономисты прогнозируют, что с 2000 по 2030 гг. мировая экономика увеличится на 3 %, а рост экономики Восточной Азии — на 5,2%. В эти тридцать лет Восточная Азия будет самым активным и самым крупным, успешно развивающимся регионом из трех экономических регионов мира. Я могу привести некоторые сравнения: НАФТА занимает площадь 21 млн кв. км, население — 400 млн человек, ВВП — 11 трлн долларов США; площадь ЕС — 4 млн кв. км, население — 450 млн человек, ВВП — 11 трлн долларов США; тринадцать государств Восточной Азии занимают 15 млн кв. км, население — 2 млрд человек, ВВП — 7 трлн долларов США. Население региона Восточной Азии в 5 раз превышает население НАФТА, в 4 раза ЕС, возмож-

ности развития очень большие, а также укрепляется тенденция экономического роста, поэтому нет никаких сомнений в том, что потенциал развития Восточной Азии в сравнении с двумя другими регионами трудно переоценить»³⁸⁶.

Можно сказать, что Восточная Азия совершает качественный переход от внутрирегиональной уязвимости в отношении внешних факторов влияния к повышению сопротивляемости за счет задействования новых механизмов сотрудничества и интеграционного сближения; а также переход от политических деклараций о намерениях расширять взаимодействие к реальному его углублению. Однако о сопряженности коллективных усилий в АТР в отношении интеграционных процессов говорить пока рано. В регионе все еще сохраняется различная степень заинтересованности отдельных азиатских стран, а также их вовлеченности в общерегиональные процессы. Но уже в меньшей степени проявляется разновекторное движение восточноазиатских стран при неодинаковой динамике их участия в интеграционных процессах. При этом более четко обозначилась тенденция сближения асеановских стран вокруг наиболее развитых северо-восточных стран — Китая, Японии и Республики Корея. Но также рано и говорить о реальном бескомпромиссном сближении «тройки» в контексте их борьбы за завоевание лидирующих позиций в регионе. России предстоит сложный процесс включения в уже существующие формы и механизмы сотрудничества в АТР с учетом специфики, параметров взаимодействия и динамики развития. Совместный потенциал России и Китая на основе их взаимной заинтересованности вселяет оптимизм и открывает более широкие горизонты развития регионального сотрудничества и интеграции.

³⁸⁶ У Цзяньминь. Дипломатия и международные отношения: взгляд и мнения У Цзяньмина. — Пекин, 2006. — С. 159–160 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年. 159–160页.

Заключение

Политологическое исследование перспектив развития региональной интеграции с участием России и Китая в качестве углубленного анализа двусторонних отношений и основных тенденций интеграционного процесса в АТР завершим обобщением.

Региональная интеграция — одна из важнейших тенденций в условиях экономической глобализации. Современный этап развития единого мирохозяйственного комплекса подтверждает положительное влияние глобализации. Интеграция национальных экономик выводит государства на международную арену, отводя им соответствующее место в иерархии соперничающих государств и позволяет им играть роль полноправных субъектов международных экономических и политических отношений. Обоснованием позитивной тенденции служит активизация регионального и межрегионального сотрудничества в Восточной Азии и шире в АТР. Это создание зон свободной торговли (ЗСТ) на двусторонней основе, субрегиональных соглашений о свободе торговли (ССТ) в ЮВА, экономическое сближение лидирующей тройки (Китай, Япония и Южная Корея) в СВА, а также поиск нового формата евразийского диалога (АСЕМ), углубление сотрудничества между РФ и КНР и расширение интеграционного влияния Китая в системе международных связей.

Вместе с тем глобализация имеет негативные тенденции. Это углубляющаяся тенденция раскола мира на региональные и субрегиональные торгово-экономические блоки с несколькими локальными зонами интеграции. Обострение проблемы сосуществования двух миров: индустриального мира Запада и Азиатского мира развивающихся стран. Неспособность многих государств, в том числе и азиатских, построить демократическое общество и одновременно создать эффективную национальную систему хозяйства. В Восточной Азии активизируются процессы регионализации и обособления, связанные с критическим отношением восточноазиатских стран к концепции «открытого регионализма», кризисом доверия к международным организациям (АТЭС — особенно после Азиатского финансового кризиса, к мировым финансовым институтам

— в период глобального финансового кризиса) и усилением сепаратистских основ международного взаимодействия более на двусторонней основе, чем в многостороннем формате.

Специфика восточноазиатской интеграции, в отличие от западноевропейской, заключается в разных исторических предпосылках, политических условиях и качественной составляющей развивающихся интеграционных процессов. В концептуальном отношении восточноазиатская интеграция противопоставлена транснациональной идее развития европейского интеграционного процесса. В структурно-логическом плане интеграция в Восточной Азии направлена больше на соединение усилий отдельных стран с сохранением высокой степени государственного регулирования в экономике, а не на построение единого сообщества, предполагающего передачу суверенных прав государств-членов наднациональным органам. К тому же с азиатских позиций европейское сообщество — это достаточно аморфная структура, размывающая государственные границы и суверенитет, хотя и имеющая высокую степень институциональной организованности. В Восточной Азии — разные уровни и подуровни сотрудничества и интеграции, разносторонняя либерализация национальных экономик, разная глубина включения отдельных государств в региональные процессы, что приводит не к статической, а к динамично изменяющейся конфигурации интеграционных отношений, тенденций и перспектив.

Восточноазиатский регионализм как совокупность интеграционных и вместе с тем антиунификационных движений, всё более определенно заявляет о себе. Он формирует предпосылки для постановки общих вопросов с учетом взаимных региональных потребностей. Регионализм в Азии приобретает все более устойчивые экономическо-политические формы. Интеграционные инициативы по поводу создания Восточноазиатской зоны свободной торговли, общего евразийского рынка как альтернативы азиатского варианта Европейского Союза носят ярко выраженный политический контекст. Однако их паназиатский характер может выступить в роли негативного фактора, усиливающего тенденции обособления, консервирующего прогрессивные идеи и в целом замедляющего интеграционные процессы. В условиях глобализации восточноазиатский

регионализм — противоречивый процесс самоопределения и достижения регионом статуса институциональности и легитимности. В практическом плане идет процесс ориентации на особую роль Китая, наиболее проявляющуюся в периоды очередных региональных и глобальных кризисов. С теоретической точки зрения противоречивый характер восточноазиатского регионализма отодвигает процесс формирования крупных региональных интеграционных комплексов в единую глобальную систему мирового хозяйства на более отдаленную и мало предсказуемую перспективу.

Россия и Китай — две крупнейшие континентальные державы АТР решают сходные задачи, в которых проблема роли и места, а также влияния на международной арене является актуальной. Говоря о стратегии сотрудничества России с Китаем и другими азиатскими странами, есть необходимость учитывать в интеграционных процессах глобальный и вместе с тем региональный контекст российских национальных интересов. Другими словами, проблема интеграционного вовлечения России как в концептуальном, так и в практическом планах должна согласовывать и глобальную и региональную составляющую стратегии взаимодействия и сотрудничества. Причём региональная составляющая сотрудничества и дальнейшей интеграции выступает важным элементом, влияющим на определение роли и места РФ и КНР в интеграционных процессах в АТР. Вполне понятно, что парадигма участия России в интеграционном сотрудничестве с Китаем и другими азиатскими странами должна строиться на укреплении взаимовыгодных связей в соответствии с её внешнеполитическими приоритетами и национальными интересами.

Оценивая геостратегические тенденции и геополитические реалии в Восточной Азии и в АТР можно отметить, что России необходимо полномасштабное включение в процессы региональной интеграции. Однако в процессах экономической интеграции и международного разделения труда необходимо учесть негативное воздействие геоэкономических факторов, направленных на закрепление топливно-сырьевой специализации России на мировом рынке вплоть до свёртывания российского экспорта, совместных крупномасштабных проектов и потери азиатских рынков в силу её слабой

конкурентоспособности и технологической отсталости. В настоящее время остаётся нерешенной проблема использования перспективных направлений экономического сотрудничества России с восточноазиатскими государствами с учётом преимуществ регионов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера, потенциальной способности российских транспортных систем (БАМ, Транссиб, Северный морской путь, а также роль дальневосточных тихоокеанских портов) как связующего моста Евразии и Америки; российских воздушных авиалиний, расширяющих доступ авиаперевозок от Юго-Восточной Азии к северным территориям США. При этом необходимым является внедрение новых пограничных технологий и новейших логистических центров в комплексной инфраструктуре перспективных аэропортов Сибири. Возможности нереализованного интеграционного потенциала России масштабны.

А каков потенциал интеграции Китая? Можно ли сегодня говорить о том, что процесс структурирования Китая как доминирующей азиатской державы уже начался? Прогноз не однозначен. Но в любом случае подобный процесс Китаю ещё надо пройти. В течение нескольких десятилетий КНР интегрировалась в мировое экономическое пространство в качестве «обрабатывающей фабрики» и добилась результатов. На мировых рынках преобладают китайские потребительские товары самого широкого спектра. Теперь Китай финансово окреп и настроен на глобальную экспансию в качестве участника в доминирующих сегментах мировой экономики. В условиях мировой рецессии китайская экономика начинает играть роль балансира в глобальной хозяйственной системе, частично компенсируя общее падение рынков стран Европы и США.

В новых условиях смещения центра мировой активности в АТР Китай осуществляет модернизацию экономики как основы сотрудничества и интеграции. Сотрудничество предполагает процесс уменьшения дискриминационных ограничений между национальными экономиками как ослабление трудностей и увеличение возможностей в развитии взаимосоприкасаемых сфер. Интеграция ведет к уничтожению дискриминации взаимосопряженных хозяйственных единиц, изменяя подчиненное положение успешно интегрированной национальной экономики. Другими словами,

в сотрудничестве основной контент — это взаимосоприкасаемые сферы, а в интеграции — взаимосопряженные хозяйственные единицы. Активное развитие регионального процесса происходит вследствие кумулятивного эффекта от расширения экономического пространства и ресурсной базы, от реаллокации товаров и услуг на рынке, от использования новых типов инвестиционных товаров, связанных с НИОКР, а также других динамических эффектов интеграции. Интеграция, в отличие от сотрудничества, имеет довольно широкий диапазон развития от либерализации рынка до конвергенции воспроизводственных процессов с использованием технологических схем и инновационных механизмов, со специализацией и кооперацией. Способен ли Китай к подобной интеграции «жесткого типа»?

Основной шаг Китая в том, что он прежде всего развивал не государственную экономику, а частное производство с созданием условий для успешной конкуренции на внешних рынках. В стране огромное население, которое надо трудоустроить, создать различные виды трудовой и предпринимательской деятельности, виды собственности и сформировать благоприятную среду для бизнеса. В Китае основным местом трудоустройства становится именно негосударственное предприятие. Постепенно формируется и новая бизнес-парадигма китайских хозяйственных субъектов, более сплоченных в цивилизационном плане и приспособляющихся к международным условиям внешних рынков. Для России сегодня и особенно в будущем есть необходимость говорить о новой парадигме бизнес-сообщества, более сопряженной с национальными интересами и приоритетами страны. КНР предусматривает новые возможности для роста в самых разнообразных областях производства и движется к интеграции с Гонконгом, Макао и Тайванем. Во внутриэкономическом плане нормальное функционирование рыночной экономики — это развитие «пяти единых планирований». Во внешнеэкономическом — государственная поддержка предпринимателей и повышение инвестиционной привлекательности страны. Однако государственное регулирование рыночной экономики не панацея от всех бед. Макроэкономическое регулирование сверху приводит к так называемой своеобразной вилке: де-

лаешь одно — получается совсем другое. Отсюда противоречивые стороны развития реформ: подстегивание темпов экономического роста с максимальной долей накопления ВВП и перекосы в распределении национального дохода; критическая инвестиционная нагрузка и зависимость экономики КНР от сырьевых ресурсов, рынков сбыта готовой продукции и мировой конъюнктуры, а также «перегрев» экономики и запаздывание включения факторов производства (капитал, технологии и знания) в рыночные отношения. Для Китая немаловажна еще одна проблема — это проблема специфики статистического учета в экономической политике, нуждающаяся в унификации статистической информации. Сегодня довольно часто ругают статистику КНР, напрямую связанную с разработкой адекватных подходов к реализации законов экономики в жизнь. Между тем роль аналитической статистической методологии как ключевой компоненты различных вариантов стратегий развития КНР и корреляции прогнозов в контексте международных проблем будет возрастать по мере роста его геополитического влияния в регионе и в мире. Национальная специфика Китая огромна как в плане возможностей, так и проблем экономической политики, формирующей основы интеграции в АТР. Одним словом, и Россия и Китай имеют нереализованный потенциал сотрудничества и интеграции.

В сложнейшей цепочке межцивилизационных связей взаимодействие двух соседних государств, России и Китая, с учетом их позитивного влияния на сопредельные страны имеет историческую перспективу. Цивилизационное сближение РФ и КНР сочетает сходство позиций по актуальным международным вопросам и специфику стоящих перед ними задач в контексте их национальных приоритетов, взаимного уважения особенностей и выбора пути преобразований внутривосточного строительства. Созидательные параметры российской и китайской цивилизаций способствуют созданию консолидирующего потенциала двух государств, к коллективному голосу которых прислушивается все большее число стран Азиатско-Тихоокеанского региона и мира.

Обновление цивилизационных символов посредством межкультурного синтеза и механизмов международного диалога дополняет и расширяет спектр интеграционных процессов в регионе.

Немаловажен тот факт, что в настоящее время непрерывная пяти-тысячелетняя китайская цивилизация проходит этап своего национального возрождения. Национальная идея возрождения Китая, базирующаяся на традициях политической культуры и обогащенная идеями построения гармоничного общества и гармонизации отношений с окружающим миром, сплачивает китайский социум внутри страны и за рубежом. Азиатский мир консолидируется в политическом, экономическом и цивилизационном отношении, используя при этом паназиатские механизмы влияния с опорой на конфуцианские ценности, перекликающиеся с буддийскими традиционными элементами. Новые цивилизационные символы стратегического взаимодействия России и Китая рассматриваются через гуманитарное измерение принципов гуманизма, созидания, развития и соразвития и постепенно привносятся в практику международного сотрудничества и интеграции в АТР.

В отношении реализации цивилизационного потенциала России и Китая как перспектив региональной интеграции необходимо учитывать противоречивые моменты. Во-первых, повышение роли техногенной парадигмы в развитии мира способствует повышению уровня и качества жизни народов двух стран, но заглушает влияние цивилизационного фактора, что в свою очередь тормозит использование потенциала РФ и КНР в контексте увеличения возможностей регионального сближения и интеграции. Во-вторых, индустриальный алгоритм хозяйственной деятельности способствует совершенствованию техногенной культуры производства, но ведет к обострению противоречий между восточной и западной цивилизациями. В технологическом отношении именно западные страны занимают лидирующие позиции, а Китай, хотя и ускоряясь, все же развивается пока по догоняющей модели. России предстоит противоречивый процесс восстановления технологической составляющей экономического развития. Для полноценного включения РФ в процессы региональной интеграции есть необходимость опираться на мобилизационные возможности цивилизационного фактора, которые имеют непреходящее значение для судьбы многонационального российского народа. Россия на базе своих цивилизационных ценностей может создать опережающие механизмы

деятельности и выйти на одну из ведущих ролей в переходе мирового сообщества к устойчивому развитию. В-третьих, паназиатский характер интеграционных инициатив и процессов в Восточной Азии и стереотипы азиатской системы ценностей, используемые КНР во внешней политике, способны не только ускорять, но и тормозить региональные процессы. Это китаецентристский характер представлений; цепкая негативная память в отношении Запада и Японии; субъективные представления о миропорядке с тенденцией сохранения амбициозных марксистско-маоистских претензий («догнать» и «перегнать») ускоренного наращивания совокупного потенциала государственной и военной мощи; национальное понимание справедливости (не исключается силовой фактор в политике при определенных условиях); глобальная проекция китайских ценностей с усилением националистических тенденций о превосходстве китайской нации. В-четвертых, консолидация азиатского мира на цивилизационной основе способствует развитию региональной интеграции, но ее форсирование может привести к накоплению конфликтного потенциала на культурно-этнической почве разного менталитета и схем поведения многонациональных народов РФ, КНР и сопредельных стран. Если процессы трансформации идут гораздо медленнее, чем расширение зоны китайской культурной традиции, то начинаются процессы отторжения и противопоставления отдельных частей пока только формирующейся интеграционной системы в АТР. В таком случае теряется способность государств согласовывать свои позиции. Поэтому позитивное направление цивилизационной эволюции России и Китая может лежать в плоскости постепенного расширения культурно-цивилизационного пространства при более гармоничном включении обеих стран в интеграционные процессы.

К началу XXI века Россия и Китай достигли понимания и единства взглядов в непростой истории двусторонних отношений, в которой наблюдались и периоды подъемов (50-е, 90-е гг.) и периоды спадов (60–70-е гг.) вплоть до конфронтации и недоверия. В российско-китайских отношениях был заложен политический фундамент, создана международно-правовая договорная основа и экономическая база для дальнейшего развития регионального со-

трудничества. К этому времени наметились объективные факторы стратегического сближения. Это соответствие сотрудничества России и Китая национальным интересам обеих стран, экономическим потребностям развития, их стремлению к стабильности в Азии и в мире и наличию традиционной доминанты дружбы между соседними народами.

Совместные документы в совокупности представляют собой единую комплексную систему политического и международно-правового характера, отражающую состояние российско-китайского регионального сотрудничества. Количество и периодичность документов свидетельствуют о высокой динамике, непрерывности и регулярности российско-китайских связей, а их содержание фиксирует уровень и проблемы двусторонних отношений. Совместные декларации как официальное провозглашение от первых лиц двух государств политических принципов и основ межгосударственного взаимодействия подчеркивают актуальность развития российско-китайских отношений и отражают взаимный политический, военно-политический, экономический и международный интерес двух государств. Совместные заявления — официальные обращения глав государств с сообщением о важнейшем и значительном в состоянии российско-китайских отношений. Совместное коммюнике — широкий обмен мнениями глав правительств по вопросам российско-китайских экономических отношений и международным проблемам. Каждый из документов фиксирует определенную фазу в развитии российско-китайских отношений, отражая постепенный переходом от начального уровня отношений к новому, более качественному уровню, а также смену политических и концептуальных парадигм. По мере возникновения новых форм сотрудничества, а также перемен в системе международных отношений появляются возможности для изменения и дополнения законодательных и концептуальных основ межгосударственных отношений РФ и КНР.

В экономическом плане основными ориентирами двустороннего взаимодействия выступает динамичная триада: крупномасштабное, межрегиональное и приграничное сотрудничество. Крупномасштабные совместные проекты — основной резерв подъема и

укрепления связей России и Китая, затрагивающий стратегические аспекты, а также важнейший показатель современного высокотехнологического уровня сотрудничества двух крупнейших экономик Евразийского континента и их возможностей для успешной интеграции в динамично развивающемся Азиатско-Тихоокеанском регионе. Межрегиональное сотрудничество как развитие между отдельными российскими регионами и китайскими провинциями — один из эффективных путей дальнейшего расширения двусторонних отношений и поиска новых форм взаимодействия, учитывающих местные особенности и специфику условий российских регионов и китайских провинций. Приграничное сотрудничество — составная часть российско-китайских отношений, выступающая в роли важнейшего фактора дальнейшего развития и использования возможностей интеграции России в системе региональных и мирохозяйственных связей.

В контексте исследования возможностей и развития региональной интеграции с участием РФ и КНР открываются не только новые перспективы, но и появляются проблемы объективного и субъективного характера. Объективные причины обусловлены влиянием международной ситуации в АТР и в мировой экономической системе: уже сложившаяся жесткая международная конкуренция на китайских рынках, неблагоприятная конъюнктура для российских экспортных товаров на мировых рынках, частые колебания мировых цен на углеводородное сырье и сложность реформирования национальных экономик РФ и КНР в рыночных условиях. К субъективным причинам относятся явления, мешающие созданию благоприятных условий для развития и тормозящие взаимные процессы сотрудничества. Китайская сторона в качестве субъективных причин называет неблагоприятный инвестиционный климат в России, в то время как КНР пропагандирует свою страну как лучшего создателя инвестиционного климата в мире. К этому относятся частые перемены в российском законодательстве по экономическим, финансовым и таможенным вопросам, проблема легализации китайских рынков в РФ и текущие вопросы таможенного регулирования.

Россия и Китай стоят перед необходимостью выбора новой модели сотрудничества и интеграции. Однако использование совместного потенциала должно увязываться с национальными интересами обоих государств, учетом специфики отдельных российских регионов и китайских провинций и путем использования взаимных выгод и преимуществ международного разделения труда. Когда речь идет о возможностях и перспективах внешней политики КНР в российском направлении есть необходимость иметь в виду геополитические мотивы Китая. Как правило, геополитическая составляющая отражает новые реалии в расстановке сил и новые стратегии в борьбе за экономическое пространство, а специфические ее категории неотделимы от геостратегии с акцентом на анализ сил и роль государства на международной арене. В стратегическом плане Россия и Китай имеют перспективы по обеспечению национальных интересов и развитию региональной интеграции в АТР.

Интеграционные процессы как процессы сближения России, Китая и центральноазиатских государств все более заметны в современном мире. Их сближение создает реальные предпосылки для будущей полноценной интеграции стран ЦА, очерчивающей новые контуры и новые границы региона. Центральная Азия как вновь образованный регион объединяет разноплановые в экономическом отношении государства, которые отличаются политическими, стратегическими и в меньшей степени этническими и конфессиональными доминантами. Поэтому регион выступает одновременно в трех обликах. Первый облик ЦА предстает в виде достаточно целостного в территориальном отношении региона, вновь восстанавливающего свои границы и в то же время не выходящего за пределы постсоветского пространства. Второй облик ЦА характеризуется с точки зрения раздробленности его этнической структуры, структурной дезадаптированности отдельных частей как ранее единого целого в составе бывшего СССР и своеобразного структурного разлома на стыке интересов глобальных и макрорегиональных игроков. Третий облик ЦА в аспекте проявления интеграционных тенденций приобретает все более выраженные черты ареала трансграничного и приграничного торгово-экономического сотрудничества.

Политическая обстановка в Центральной Азии вышла из под контроля России и стала открытой для влияния соседнего Китая. Во влиянии российского фактора на условия стабилизации в Центральной Азии прослеживается формирование нестабильных уровней взаимодействия постсоветских государств, расположенных вокруг России на разноудаленных и меняющихся сферах реинтеграционной конфигурации. Необходимым условием стабилизации на постсоветском пространстве является, по крайней мере, сохранение уровня уже достигнутых международных договоренностей как в двустороннем плане, так и в многостороннем, а затем терпеливое их продвижение к практической реализации. Воздействие китайского фактора оценивается позитивно на создание политических и экономических условий стабильности в регионе. Вместе с тем в стратегическом плане китайский фактор может иметь негативные следствия в межгосударственных отношениях со странами ЦА и РФ. Основные параметры китайского фактора включают в контекст межгосударственных взаимоотношений жесткую конкурентную борьбу за национальные интересы на международной арене. В стратегической перспективе Китай не намерен отступать. Он не делает исключений ни для партнеров по стратегическому взаимодействию, ни для других лидирующих игроков на региональной и глобальной арене. Центральная Азия, несмотря на проблемы, движется больше к интеграции с участием России и Китая, чем к обособленной регионализации либо к разнородной конфигурации отдельных изолированных государств. В то же время отдельные государства дистанцируются от России в сторону исламского мира.

ШОС является организацией нового типа XXI века с открытым интеграционным пространством Восточной Евразии. В позитивном плане прогнозируются перспективы ШОС по стабилизации региональных процессов в АТР и по усилению ее роли на мировой арене. Мировой финансовый кризис, обнаживший региональные, национальные и глобальные проблемы, продемонстрировал слабый уровень многостороннего сотрудничества, а, следовательно, низкую степень развития региональной интеграции. В посткризисный период ШОС получает возможность стать дополнительным полюсом многополярного мира.

Совместное проведение региональных саммитов ШОС и БРИК всколыхнуло мировую общественность. ШОС и БРИК — это свидетельство мощных внутренних течений региональных процессов в АТР, вызревающих по обе стороны Тихого океана. Но пока только просматривается символический смысл евразийско-латиноамериканского альянса будущего многополярного мира. Его евразийская составляющая, концентрируемая в ШОС и подпитываемая латиноамериканской компонентой в лице БРИК, объединяет два огромных континента: Восточную Евразию и Латинскую Америку. Единый трансгрессивный процесс, сужающий необъятные просторы Тихого океана, повышает значимость крупнейших региональных держав в решении глобальных проблем, выдвигая Россию, Китай, Индию и Бразилию на авансцену мировой политики.

Вместе с тем в адрес ШОС раздается неоднозначная критика, выражающая различные мнения. Диапазон мнений варьируется от политического скепсиса по принижению ее возможностей с дискредитацией результатов деятельности, намерений и целей до попыток раскола ШОС вплоть до вооруженных акций и инцидентов в соседних странах.

Характерной особенностью интеграционных процессов в рамках ШОС, на наш взгляд, является изменение модели и акцентов взаимодействия государств-участников. В политологическом исследовании возможностей и развития региональной интеграции в АТР отмечаются основные особенности трансформации процессов на геополитическом пространстве ШОС. Во-первых, изменение значимости регионального аспекта в решении глобальных проблем, что усиливает сходное восприятие общих угроз. В АТР речь может идти о кардинальной смене соотношения ролей в региональных и глобальных формах управления. Это основной лейтмотив, который рассматривается не только в ШОС, но и на сингапурском, двадцать первом саммите АТЭС — 2009, а также на других международных азиатских форумах и встречах. Во-вторых, изменение логики межгосударственного взаимодействия в рамках ШОС, все больше ориентированной на обновление интеграционной политики национальных государств. С чем связан реальный результат совместного развития и появление новых форм, меха-

низмов и способов решения общих актуальных проблем. Однако тактика национальных государств-членов ШОС также изменяется. В частности, центр тяжести отдельных государств переносится на использование различных источников и средств, в том числе и вне-региональных, в обеспечении национальных интересов, а также на получение дополнительных и даже доминирующих возможностей по расширению национальных рынков сбыта и завоеванию стратегических региональных сырьевых рынков. Внимание отдельных государств перемещается с содержания многостороннего сотрудничества на формы и способы индивидуального позиционирования на международной арене и конкурирующем региональном рынке. Это влечет за собой активное вторжение влиятельных мировых держав и центров в пространство региональных интересов ШОС. Ведет к утрате (частичной либо полной в случае тех или иных критических ситуаций, в том числе и военных) стратегической зоны приоритетного влияния государствами-членами ШОС, можно добавить, государствами-наблюдателями и государствами-партнерами по диалогу. В свою очередь процессы сближения в рамках ШОС замедляются, что влияет на активность и заинтересованность отдельных её участников и вносит диссонанс в работу Организации. Пессимистический контекст прогнозов перспектив ШОС не исключает вариантов поглощения этой Организации путем создания альтернативных интеграционных группировок, имеющих более мощную финансовую поддержку со стороны глобальных центров экономического влияния и силы. Более оптимистическая постановка проблемы позволяет оценить ШОС как попытку выработать новую интеграционную стратегию развития и соразвития с принципиально отличной от Запада и без участия США концепцией безопасности, сотрудничества и политической стабильности в АТР.

Региональное сотрудничество России и Китая развивается в сложнейших условиях эпохи усиления экономического неравенства в глобальной экономике и мировой политике. С одной стороны, закономерность развития мировой системы, приближающейся по степени взаимозависимости к единой макроструктуре, формирует необходимость активизации интеграционных связей в АТР с учас-

тием РФ и КНР. С другой стороны, влияние глобального рынка порождает не только центростремительные, но и центробежные тенденции в развитии интеграционных связей. Процесс концентрации высокотехнологических производительных сил в небольшом числе развитых стран ещё больше увеличивает разрыв. Тем не менее темпы развития многонаселенной Азии всё заметнее становятся выше темпов стареющей Европы.

Россия и Китай создали благоприятные условия для двустороннего сотрудничества. Они имеют возможность участвовать в общественном разделении труда, которое уже не укладывается в упрощенную схему международной торговли, все больше требуя развития межстрановой кооперации и специализации производств со сложными региональными и мировыми финансовыми отношениями, подверженным кризисам. На перспективы их участия влияет целый комплекс факторов, в том числе и новых, возникших в условиях рецессии мировой финансовой системы. Интеграционный смысл изменившейся парадигмы международной конкурентоспособности страны в глобальной экономике состоит не только в преимуществах крупного и широко диверсифицированного хозяйства, но и в достаточно высокой степени инвестиционной привлекательности. Надо признать, что интеграционных преимуществ у Китая больше, чем у России. Китай умеет извлечь выгоды из международного разделения труда и оставить за собой право самому определять глубину интеграции с соседними странами.

В новых условиях преодоления глобального кризиса обозначились свои особенности факторов укрепления и активизации интеграционных связей в АТР. Важным фактором укрепления связей послужило создание Азиатского регионального банка валютных резервов (АРБВР) в конце 2009 года — новой региональной финансовой структуры, дополняющей механизмы мировых финансовых институтов. В стратегическом плане — это движение к валютной интеграции в Восточной Азии. АРБВР имеет актуальное значение не только для оказания помощи азиатским странам, но и для ускоренного экономического развития региона. Посредством механизмов АРБВР в целях рециклирования избыточных региональных сбережений будут скорректированы и расширены долгосрочные

инвестиционные мегапроекты, необходимые для сближения всей Восточной Азии как части АТР. Прежде всего это создание стратегической инфраструктурной платформы в регионе, включая все виды транспорта в целях комплексного использования транзитного и межстранового потенциала — автострады, высокоскоростные железные дороги, глубоководные морские порты, международные аэропорты, единую систему электроснабжения и сети сырьевых энергоносителей и прочее. В концептуальном плане подобная стратегия развития крупнейшего азиатского региона сопрягается с интеграционной стратегией России, включающей в модернизацию все стороны жизнедеятельности государства. Можно сказать, что Восточная Азия как обширный экономический мегаполис АТР совершает качественный переход от внутрирегиональной уязвимости в отношении внешних факторов влияния к повышению сопротивляемости за счет новых механизмов сотрудничества и интеграционного сближения. Для России есть острая необходимость участия в масштабных проектах регионального финансового и экономического сотрудничества в АТР. Россия сегодня демонстрирует готовность к инициированию новых интеграционных проектов. Но ей предстоит не менее сложный процесс реализации и агрегации национальных интересов в АТР и в мире.

Россия и Китай — самостоятельные субъекты мировой политики, а их взаимоотношения стратегического партнёрства XXI века выступают важным политическим измерением современных интеграционных процессов в регионе. Стратегическое взаимодействие двух крупнейших держав Евразии РФ и КНР — начальная стадия интеграции как составная часть многостороннего интеграционного процесса в АТР. Его политический контекст заключен в объединяющем и интегрирующем потенциале двух стран, включающих в региональные интеграционные процессы. Это возможность консолидации усилий по развитию и укреплению мирных, равноправных отношений двух политически независимых партнеров, способных в перспективе выступить в роли системообразующего фактора региональной интеграции в крупнейшем Азиатско-Тихоокеанском регионе, в котором переплетаются интересы многих индустриально и финансово развитых государств мира.

Литература

Документы и материалы на русском языке

1. Генеральное соглашение о сотрудничестве между Федеральным государственным унитарным предприятием «Производственное объединение «Уральский оптико-механический завод имени Э.С. Яламова» (Российская Федерация) и Китайской национальной компанией по экспорту и импорту авиационных технологий. 24 мая 2008.
2. Декларация специальной конференции по Афганистану под эгидой Шанхайской организации сотрудничества. 27 марта 2009.
3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. 16 июля 2001.
4. Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР. 14 февраля 1950.
5. Екатеринбургская декларация глав государств-членов ШОС (п.1). Екатеринбург. 16 июня 2009.
6. Заявление государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. 27 марта 2009.
7. Конвенция ШОС против терроризма. Екатеринбург. 16 июня 2009.
8. Конституция Китайской Народной Республики (принята на 5-й сессии Всекитайского собрания народных представителей пятого созыва 4 декабря 1982 г., поправки в ее текст вносились тем же органом на ежегодных сессиях в 1988, 1993, 1999 и 2004 гг.).
9. Концепция взаимодействия государств-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Июль 2005.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации. 12 июля 2008.

11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. 17 ноября 2008.
12. *Лавров С.В.* Выступление Министра иностранных дел России на 63-й сессии ГА ООН. Нью-Йорк. 27 сентября 2008.
13. *Лавров С.В.* Стенограмма выступления и ответов на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С.В. Лаврова по итогам переговоров с Министром иностранных дел Китая Ян Цзечи. – М., 27 апреля 2009.
14. *Медведев Д.А.* Интервью китайским СМИ. 15 июня 2009.
15. *Медведев Д.А.* Лекция в Пекинском университете и ответы на вопросы студентов и преподавателей. 24 мая 2008.
16. *Медведев Д.А.* Послание Президента РФ Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009.
17. *Медведев Д.А.* Россия, вперед! 10 сентября 2009.
18. Меморандум между Администрацией Томской области Российской Федерации и Яньтайской северо-западной компанией лесного хозяйства (Китайская Народная Республика) о создании на территории Томской области комплексного лесопромышленного предприятия с объемом заготовки и комплексной переработки до 4,5 тысяч куб. м в год. 24 мая 2008.
19. Меморандум многосторонних переговоров по подготовке Соглашения по разработке технико-экономического обоснования проекта строительства трубопровода с Ковыктинского газоконденсатного месторождения в КНР через территорию Монголии, а также до возможных потребителей в третьих странах. 25 декабря 1997.
20. Меморандум о взаимопонимании между Открытым акционерным обществом Банк ВТБ и Строительным банком Китая. 24 мая 2008.
21. Меморандум о взаимопонимании между Правительствами РФ и Правительством КНР об основных принципах подготовки технико-экономического обоснования проекта строительства газопровода для транспортировки газа из Восточно-Сибирско-

- го региона РФ в КНР, а также до возможных потребителей в третьих странах и разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения в РФ. 10 ноября 1997.
22. Меморандум о взаимопонимании по руководящим принципам охраны окружающей среды в районе экономического развития бассейна реки Туманная и Северо-Восточной Азии. 6 декабря 1995.
23. Меморандум о развитии сотрудничества между Открытым акционерным обществом «Вертолеты России» и Китайской национальной компанией по импорту и экспорту авиационных технологий. 24 мая 2008.
24. Меморандум переговоров между РАО «Газпром» и КННК о реализации проекта поставки российского природного газа в Восточные районы КНР. 25 декабря 1997.
25. *Нестеренко А.* Интервью официального представителя МИД России А. Нестеренко РИА Новости в связи с предстоящим участием главы МИД РФ Сергея Лаврова в министерском совещании Россия — АСЕАН и 16-й сессии Регионального форума АСЕАН по безопасности. 20 июля 2009.
26. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 56/589. 12 декабря 2001 .
27. Пекинская декларация Международной конференции политических партий Азии. Сентябрь 2004.
28. Пекинская декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Путин В.В. — Цзян Цзэминь). 18 июля 2000.
29. План действий государств-членов Шанхайской организации сотрудничества и Исламской Республики Афганистан по проблемам борьбы с терроризмом, незаконным оборотом наркотиков и организованной преступностью. 27 марта 2009.
30. План совместных действий Федерального агентства по туризму (Российская Федерация) и Государственного управления по делам туризма Китайской Народной Республики на период 2008–2010 гг. по реализации Соглашения между Правитель-

- ством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о сотрудничестве в области туризма. 3 ноября 1993.
31. Программа сотрудничества государств-членов ШОС по борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом на 2007–2009 гг., соответственно на 2010–2012 гг.
 32. Протокол второго заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. 16 февраля 1998.
 33. Протокол переговоров между правительственными делегациями РФ и КНР. 27 декабря 1991.
 34. Протокол по подготовке ТЭО для строительства газопровода для транспортировки природного газа, добываемого на Ковыктинском газоконденсатном месторождении в Иркутской области РФ, в КНР, а также до возможных потребителей в третьих странах и разработки Ковыктинского газоконденсатного месторождения. 11 ноября 1997.
 35. Протокол третьего заседания российско-китайской комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств. 25 февраля 1999.
 36. Регламент Исполнительного комитета РАТС ШОС. Май 2003.
 37. Совместная декларация государств-членов ШОС. Душанбе. 28 августа 2008.
 38. Совместная декларация Кыргызской Республики и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества. 14 августа 2007.
 39. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики по основным международным вопросам. 24 мая 2008.
 40. Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 21 марта 2006.
 41. Совместное заявление по итогам российско-китайской встречи на высшем уровне «Российско-китайские отношения на пороге XXI века. Москва. 23 ноября 1998.

42. Совместное заявление Республики Казахстан и Китайской Народной Республики. 16 апреля 2009.
43. Совместное коммюнике между правительством Республики Узбекистан и правительством Китайской Народной Республики. 3 ноября 2007.
44. Совместное коммюнике по итогам заседания Совета глав государств – членов ШОС. Екатеринбург. 16 июня 2009.
45. Совместное российско-китайское коммюнике об итогах встречи на высшем уровне в Пекине. 24 мая 2008.
46. Соглашения об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Народной Республикой. 2 октября 1949.
47. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в сооружении на территории КНР атомной электростанции и предоставлении Россией КНР государственного кредита. 18 декабря 1992.
48. Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в области охраны прав интеллектуальной собственности. 25 апреля 1996.
49. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой об укреплении доверия в военной области в районе границы. Шанхай. 26 апреля 1996.
50. Соглашение между Российской Федерацией, Республикой Казахстан, Киргизской Республикой, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы. 24 апреля 1997.
51. Соглашение о базовых условиях контрактов на оказание технического содействия в сооружении четвертой очереди газоцентрифужного завода в Китайской Народной Республике и поставкам начиная с 2010 года в течение 11 лет российских услуг по обогащению урана и/или обогащенного уранового продукта в Китайскую Народную Республику между Открытым внешне-экономическим акционерным обществом «Техснабэкспорт» и Китайской компанией индустрии атомной энергии. 24 мая 2008.

52. Соглашение о подготовке кадров для антитеррористических формирований государств-членов ШОС. 16 июня 2009.
53. Соглашение о создании Консультативной комиссии по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной и Северо-Восточной Азии. 6 декабря 1995.
54. Соглашение о создании Координационного комитета по развитию района экономического развития бассейна реки Туманной. 6 декабря 1995.
55. Соглашение о создании Региональной антитеррористической структуры. Июнь 2002.
56. Соглашение о создании Таможенного союза между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан. 27 ноября 2009.
57. Соглашение о сотрудничестве в области газовой промышленности между РАО «Газпром» и Китайской национальной нефтегазовой корпорацией. 9 августа 1997.
58. Соглашение о сотрудничестве по длительному развитию бассейна реки Меконг (Камбоджа, Лаос, Таиланд и Вьетнам). 5 апреля 1995.
59. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. 7 июля 2002.
60. *Цзян Юй*. Очередная пресс-конференция МИД КНР. 23 сентября 2008.
61. Энергетическая стратегия России на период до 2030 года. 13 ноября 2009.

Документы и материалы на китайском языке

1. Доклады Государственного комитета по делам развития и реформ КНР за 2008-2009 гг. // 中华人民共和国国家发展和改革委员会 <http://www.sdpc.gov.cn/>
2. Голубая книга по экономике Китая 2008 // 中国经济蓝皮书 2008. <http://blog.ourzb.com/>
3. Китайский статистический справочник // 中国统计摘要. <http://www.chinayearbook.com/>

4. Материалы китайской социальной статистики 2007 // 中国统计资料2007. <http://www.stats.gov.cn/>
5. Материалы переписи населения КНР // 中国人口普查资料. <http://www.stats.gov.cn/>
6. Правительствонные Доклады о модернизации Китая 2007 // 中国现代化报告2007. <http://cn.chinagate.cn/>
7. Правительствонные Доклады о модернизации Китая 2008 // 中国现代化报告2008. <http://cn.chinagate.cn/>
8. Правительствонные Доклады о модернизации Китая 2009 // 中国现代化报告2009. <http://cn.chinagate.cn/>
9. Статистический ежегодник Китая 2006 // 中国统计年鉴 2006. <http://www.stats.gov.cn/>
10. Статистический ежегодник Китая 2007 // 中国统计年鉴 2007. <http://www.stats.gov.cn/>
11. Статистический ежегодник Китая 2008 // 中国统计年鉴 2008. <http://www.stats.gov.cn/>
12. Статистический ежегодник Китая 2009 // 中国统计年鉴 2009. <http://www.stats.gov.cn/>

Литература на русском языке

1. *Агафонов Г.Д.* Правовые аспекты проблем морепользования в АТР и их влияние на морскую деятельность России. – М., 2004.
2. *Агафонов Г.Д.* Стратегическая ситуация в АТР и морская политика России на Тихоокеанском региональном направлении. – М., 2005.
3. *Агафонов Г.Д.* Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии. – М., 2007.
4. *Азроянц Э.А.* Глобализация: катастрофа или путь к развитию? Современные тенденции мирового развития и политические амбиции. – М., 2002.
5. *Александрова М.В.* Экономическое взаимодействие регионов России и Китая в период реформ. – М., 2005.

6. *Алфимов М.* Интеграция — объективное требование // Стратегия России. — 2007. — № 10 (46). — Окт.
7. *Асадуллаев И.* Есть ли почва для возникновения исламского государства в Таджикистане? 17 февраля 2009. <http://www.easttime.ru/analitic/1/10/573>
8. *Аурилене Е.Е.* Российская диаспора в Китае: Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай (1920-50-е гг.): Монография. — Хабаровск, 2003.
9. *Бабурин С.Н.* Территориальные режимы и территориальные споры: государственно-правовые проблемы. — М., 2001.
10. *Бабурин С.Н., Бессонов Б.Н., Доброхотов Л.Н., Тоцкий В.П.* Политология: Курс лекций. — М., 2007.
11. *Бабурин С.Н., Небренчин С.М.* Кризис: Россия спасет мир? — М., 2009.
12. *Багдасаров С.* Центральная Азия — ключевой регион мировой политики // Русский Журнал, 1997–2008. <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Centr-azia.html>
13. *Бажанов Е.П.* Китай от Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М., 2007.
14. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? // Мир и политика. №8 (35). Август 2009.
15. *Бажанов Е.П., Бажанова Н.Е.* Куда идет человечество? О тенденциях международных отношений XXI века. — М., 2009.
16. *Башина О.Э., Спириин А.А.* Общая теория статистики: Статистическая методология в изучении коммерческой деятельности. — М., 2005.
17. *Бежин Л.* Дракон, играющий с жемчужиной // Российская газета. — 2007. — № 61п (4324). — 26 марта.
18. *Бергер Я.М.* Экономическая стратегия Китая. — М., 2009.
19. *Бирюков М.М.* Европейская интеграция: международно-правовой подход. — М., 2004.
20. *Блумхен С.И.* Общество и государство в Китае: XXXVII научная конференция: К 100-летию со дня рождения Л.И. Думана. — М., 2007.

21. *Бобо Ло.* Выступление на семинаре «Российско-китайские отношения: проблемы и перспективы» в рамках программы «Азиатская безопасность» в Московском Центре Карнеги / Москва. 8 июня 2004. — <http://www.carnegie.ru/ru/pubs/media/70663.htm>
22. *Богатуров А.Д.* Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). — М., 1997.
23. *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е.* Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. — М., 2002.
24. *Болятко А.В.* Россия и АТР: Безопасность, сотрудничество, развитие. — М., 2003. — Вып. 3.
25. *Бордачев Т.* Кризис развития Европейского Союза и Россия // Современная Европа. — 2006. — № 1.
26. *Боришполец К.* Международное сотрудничество в Центральной Азии: интересы и перспективы // Центральноазиатский вектор международной политики. Аналитические записки. — 2007. — Вып. 4 (24). — Июнь.
27. *Боришполец К.П.* Методы политических исследований: Учеб. пособие для вузов. — М., 2005.
28. *Борох О.Н.* Дискуссии о характере социально-экономических преобразований в Китае // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация» / Под ред. Л.В. Никифорова. — М., 2007.
29. *Буров В.Г.* Социалистическая? Народная! // Литературная газета. — 2007. — № 42 (6142). — 17 окт. — <http://www.lgz.ru/>
30. *Буров В.Г.* Модернизация тайваньского общества / <http://lib.prometey.org/?id=12823>
31. *Буров В.Г.* Поднебесная принадлежит всем // Литературная газета. — 2009. — № 36 (6240). — 9 сент. — <http://www.lgz.ru/>
32. *Ван Шаогуан, Ху Аньган, Дин Юаньчжу.* Самое серьезное предупреждение: социальная нестабильность за фасадом экономического процветания. — Пекин, 2002.
33. *Василенко И.А.* Геополитика современного мира: Учеб. пособие. — М., 2006.

34. *Василенко И.А.* Искусство международных переговоров в бизнесе и в политике. – М., 2009.
35. *Василенко И.А.* Политические переговоры. – М., 2006.
36. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. – М., 2005.
37. *Виноградский Б.Б., Сизов В.С.* Менеджмент в китайской традиции: учебное пособие. – М., 2007.
38. *Воробьев В.Я.* Интервью специального представителя Президента России по делам Шанхайской организации сотрудничества журналу «Дипломат» // Дипломат. – 2006. – № 6 (146).
39. *Воскресенский А.* Большая Восточная Азия // Стратегия России. – 2006. – № 8 (32). Авг.
40. Восточная Азия между регионализмом и глобализмом / Под ред. Г.И. Чуфрина. – М., 2004.
41. *Вэнь Цзябао.* Придерживаться политики реформ и открытости, неуклонно следуя по пути мирного развития // Доклад на общеполитической дискуссии в рамках 63-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН / Нью-Йорк. 24 сентября 2008.
42. *Гаджиев К.С.* Политология (основной курс): Учебник. – М., 2007.
43. *Галенович Ю.М.* Взгляд на Россию из Китая. Прошлое и настоящее России и наших отношений с Китаем в трактовке китайских ученых. – М., 2010.
44. *Галенович Ю.М.* Девиз Ху Цзиньтао: социальная гармония в Китае. – М., 2006.
45. *Галенович Ю.М.* Российско-китайские отношения (конец XIX – начало XXI в.). – М., 2007.
46. *Галкин Ф.А.* Европейская интеграция и Россия: региональный аспект. – СПб., 2005.
47. *Ганишин В.Г.* Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). – М., 2004.

48. *Ганишин В.Г.* Формирование гражданского общества в России и Китае. – М., 2007.
49. География национальной безопасности Китая / Под ред. Е.Н. Румянцева, П.М. Кожина. – РАН, Ин-т Дальн. Вост. – М., 2007. – ЭИ № 7 (140).
50. Геополитическое положение России: представление и реальность / Под ред. В.А. Колосовой. – М., 2000.
51. *Гладков И.С.* Внешние торговые связи России и Евросоюза в контексте расширения ЕС. ДИЕ РАН № 161. – М., 2005.
52. Глобализация мирового хозяйства: Учеб. пособие / Под ред. М.Н. Осьмовой. – М., 2010.
53. *Горст И.* Богатый нефтью, далекий и сложный регион Центральную Азию не обошли стороной толчки, сотрясающие остальной мир // The Financial Times. – Великобритания. – 2008. – 30 окт. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php>
54. *Гранберг А.Г., Данилов-Данильян В.И., Циканов М.М., Шопхоев Е.С.* Стратегия и проблемы устойчивого развития России в XXI веке. – М., 2002.
55. *Гране Марсель.* Китайская мысль / Пер. с фр. В.Б. Иорданского. – М., 2004.
56. *Громогласова Е., Стрежнева М.* Признаки нового этапа в институциональной эволюции ЕС (Открытый метод координации) // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 9.
57. *Гудошников Л.М.* Политическая система и право КНР в процессе реформ 1978–2005. – М., 2007.
58. *Гудошников Л.М.* Современное законодательство Китайской Народной Республики. – М., 2004.
59. *Девятков А.П.* Китайская грамота (Страна иных измерений) // Лебедь. Независимый альманах. – 2001. – № 241. – 14 окт. – <http://www.lebed.com>
60. *Десягин М.Г.* Основы политики модернизации в условиях глобального финансового кризиса // Мир и политика. – 2008. – № 11 (26). Ноябрь.

61. Долгов К.М. Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре. – М., 2004.
62. Долгов К.М. Философские измерения политики, дипломатии и культуры: В 5 т. – М., 2006.
63. Доронин Б.Г. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. – СПб., 2002.
64. Духовная культура Китая: энциклопедия: В 5 т. / Под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2006, 2007, 2008, 2009.
65. Емельяненко А. Один строим — два в уме. Тяньваньская АЭС стала для российских атомщиков и машиностроителей трудным экзаменом на профессиональную состоятельность // Российская газета. – 2007. – № 61п (4324). – 26 марта.
66. Задерей Н.В. Обзор исследований по проблеме развития Шанхайской организации сотрудничества // Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008.
67. Иманалиев М. Центральная Азия — традиционно ведомый регион // Интервью. Фергана.ру. 4 ноября 2008. – <http://www.fergana.ru/article.php>
68. Исаев Б.А., Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: Учеб. пособие. – СПб., 2008.
69. Каменнов П.Б. КНР: военная политика на рубеже веков. – М., 2008.
70. Капто А.С. Международный контекст нравственных проблем современной России // Мир и политика. – 2008. – № 9 (24). – Сент.
71. Капто А.С. На изломе века: записки политика и дипломата. – М., 2006.
72. Каррон де ла Каррьер Г. Экономическая дипломатия. Дипломат и рынок / Пер. с фр. О.И. Пичугина. – М., 2003.
73. Китай в мировой и региональной политике (История и современность) / Под ред. Е.И. Сафроновой. – М., 2006.

74. Китай в мировой и региональной политике. (История и современность) / Ред.-сост. Е.И. Сафронова. – М., 2005; 2007.
75. Китай ставит на АСЕАН. РБК daily. 20 января 2009. – <http://rbcdaily.ru>
76. Китай: внутривластные и социальные проблемы / Под ред. Е.Н. Румянцева, П.М. Кожина / РАН, Ин-т Дальн. Вост. – М., 2006. – ЭИ № 12.
77. Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. – М., 2007.
78. Китай: поиск гармонии. К 75-летию академика М.Л. Титаренко. – М., 2009.
79. Китай: проблемы внешней военной политики / Под ред. Е.Н. Румянцева, П.М. Кожина / РАН, Ин-т Дальн. Вост. – М., 2006. – ЭИ № 11.
80. Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. Политика, экономика, культура / Под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007.
81. Китайская Народная Республика в 2004–2005 гг. Политика, экономика, культура / Под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2005.
82. Китайско-русский словарь / Под ред. Ся Чжунъи. – М., 2003.
83. Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008.
84. КНР – США: тенденции политических перемен в Азиатском регионе: Сб. / Сост. А.В. Скородумов / РАН, Ин-т Дальн. Вост. – М., 2003. – ЭИ № 2.
85. КНР: духовный мир поколения реформ / Под ред. Е.Н. Румянцева, П.М. Кожина / РАН, Ин-т Дальн. Вост. – М., 2006. – ЭИ № 4.
86. Козырев В.М. Основы современной экономики. – М., 2009.
87. Кондратьева Н.Б. Сближение социально-экономического развития европейских стран в условиях интеграции. Иллюзия и реальность. – М., 2003.
88. Кондрашова Л.И. Региональная политика: опыт России и Китая. – М., 2007.

89. *Конрад Н.И.* О смысле истории: Запад и Восток. – М., 1972.
90. Конфуцианский трактат «Чжун юн» / Под ред. А.Е. Лукьянова. – М., 2003.
91. *Крупянка М.И. Арешидзе Л.Г.* Восточная Азия после «холодной войны»: зона конфронтации или сотрудничества? – М., 2006.
92. *Кудров Л.Г.* Экономика «Трех Европ» на подъеме (Сопоставительный анализ) / ДИЕ РАН. – М., 2005. – № 159.
93. *Кузнецов В.И.* Международное право. – М., 2001.
94. *Кузнецов В.С.* Буддийский фактор во внешней политике КНР. – М., 2006.
95. *Кузык Б.Н., Титаренко М.Л.* Китай — Россия 2050: стратегия сораствления. – М., 2006.
96. *Кузьмина Е.* Особенности государственного развития Центральноазиатского региона на современном этапе // Центральноазиатский вектор международной политики. Аналитические записки. – М., 2007. – Вып. 4 (24). – Июнь.
97. *Кьеза Дж.* Война империй: Восток – Запад. Раздел сфер влияния / Пер. с ит. Н. Мироновой. – М., 2006.
98. *Ларин А.Г.* Мигранты на российских просторах: не угроза, а благо // Российская газета. – 2007. – № 61 п(4324). 26 марта.
99. *Ларин В.Л.* Выдержки из выступлений на международной конференции на высоком уровне по китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству // Партнеры. – 2004. – № 22. Июль.
100. *Лебедев С.А., Ильин В.В., Лазарев Ф.В., Лесков А.В.* Введение в историю и философию науки: Учеб. пособие для вузов. – М., 2007.
101. *Лебедева М.М.* Мировая политика: Учебник для вузов. – М., 2006.
102. *Линь Ганн.* Импульс развития по А. Смит и современная китайская экономика // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова. – М., 2007.
103. *Ло Вэйдун.* Выдержки из выступлений на международной конференции на высоком уровне по китайско-российскому торгово-экономическому сотрудничеству // Партнеры. – 2004. – № 22. – Июль.
104. *Лузянин С.Г.* Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. – М., 2009.
105. *Лукашук И.И.* Право международной ответственности. – М., 2004.
106. *Лукин А.В.* Россия и ШОС // Аналитические записки. – 2007. – Вып. 6 (26). – Июль.
107. *Лукин А.В.* ШОС: итоги российского представительства // Международная жизнь. – 2009. – № 9.
108. *Луков В.Б.* Россия в клубе лидеров. Монография. – М., 2002.
109. *Лукьянов Ф.* К новой концепции интеграции // Стратегия России. – 2006. – № 11 (35). – Ноябрь.
110. *Лю Гучан.* Первые пять лет ШОС // Дипломат. – 2006. – № 6 (146). – Июнь.
111. *Лю Шучэн.* Экономический рост и динамика развития КНР // Под ред. Л.В. Никифорова. Китай и Россия: социально-экономическая трансформация. – М., 2007.
112. *Макушкин А.* Дискуссия. Спасет ли Китай мир? // Международная жизнь. – 2009. – № 9.
113. *Мальтус Т. Р.* Опыт о законе народонаселения. Антология экономической классики. – М., 1993. – Т. 2.
114. *Малявин В.В.* Искусство управления. – М., 2003.
115. *Мамаев И., Колоколов Е.* Исторический очерк Китая. – М., 2003.
116. *Мамаева Н.Л.* Партия и власть: Компартия Китая и проблемы реформ политической системы. – М. 2007.
117. *Мартынов А.С.* Конфуцианство. «Лунь юй»: В 2 т. / Пер. А.С. Мартынова. – СПб., 2001.
118. *Маслов А.* Осторожно, Китай! Интервью E-xecutive. 25.09.2009. <http://www.e-xecutive.ru/knowledge/announcement/1140286>
119. *Маслов А.* Расширение российско-китайских связей по всем направлениям. 08.07.2009. – <http://russian.china.org.cn/index.htm>

120. *Маслов А.* У Университета ШОС сначала будут пять направлений. 09.07.2009. – <http://russian.china.org.cn/index.htm>
121. *Маслов А.А.* Тайный код Конфуция: Что пытался передать Великий Учитель? – М., 2005.
122. *Международная экономическая интеграция* / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2006.
123. *Международные отношения: теории, конфликты, движения, организации* / Под ред. П.А. Цыганкова. – М., 2008.
124. *Международные экономические отношения: Учебник* / Под ред. Н.Н. Ливенцева. – М., 2001.
125. *Мельвиль А.Ю.* и др. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. – М., 2007.
126. Мэн-цзы. Собрание классических текстов. – Пекин. 1956. – Т. 1.
127. *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика: Учебник для студ. вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение». – М., 2007.
128. *Никитина Ю.* Организация Договора о коллективной безопасности: проблемы обеспечения региональной безопасности в Центральной Азии // Центральноазиатский вектор международной политики. Аналитические записки. – М., 2007. – Вып. 4 (24). – Июнь.
129. *Николаев М.Е.* Россия – Китай: от разногласий прошлого к гармоничному будущему. – М., 2006.
130. *Овчинников В.* Время изучать китайский язык // Российская газета. – 2007. – № 61п (4324). 26 марта.
131. *Овчинников В.* Прощание с китайским послом // Российская газета. Центр. вып. – 2009. – № 4945 (121). – 3 июля.
132. *Петровский В.Е.* Азиатско-тихоокеанские режимы безопасности после «холодной войны»: эволюция, перспективы российского участия. – М., 1998.

133. *Пляйс Я.А.* Системная модернизация — императив для современной России // Мир и политика. – 2009. – № 9 (36). – Сент.
134. *Подолько Е.О.* Эволюция внешнеполитических концепций Китайской Народной Республики. Монография. – М., 2006.
135. *Попова И.Ф.* Политическая практика и идеология раннетанского Китая. – М., 1999.
136. *Портяков В.Я.* От Цзян Цзэминя к Ху Цзиньтао: Китайская Народная Республика в начале XXI в.: Очерки. – М., 2006.
137. *Потапов М.А.* Внешнеэкономическая модель развития стран Восточной Азии. – М., 2004.
138. *Прудников М.Н.* История государства, права и судопроизводства зарубежных стран: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 030500 «Юриспруденция». – М., 2007.
139. *Пядышев Б.Д.* Пекин выбирает «ось удобства» // Международная жизнь. – 2009. – № 9.
140. *Рогачев И.А.* Российско-китайские отношения в конце XX – начале XXI века. – М., 2005.
141. *Романов И., Забаев И., Чернов В.* Геополитика России. Стратегия восточных территорий. – М., 2008.
142. *Санжуйн Баяр.* Интервью Агентству Синьхуа. – 2009. – 20 апр. – <http://www.partnery.cn>
143. *Сафонов И.А.* Россия в общеевропейском процессе экономической интеграции. – М., 2005.
144. *Сафранчук И.* Наши интересы в Центральной Азии // Стратегия России. – 2007. – № 11 (47). – Ноябрь.
145. *Сборник российско-китайских договоров. 1949–1999 гг.* / Г.Б. Карасин и др. – М., 1999.
146. *Смирнов Д.А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. – М., 2005.
147. *Сойер Ральф Д.* Бай чжань ци люэ. Сто неканонических стратегий. Сражения и тактика в военном деле Древнего Китая / Пер. с англ. С.В. Иванова. – СПб., 2007.

148. *Соколенко В.Г.* Глобальное управление. Эпоха выживания Homo Sapiens. – М., 2000.
149. *Степанов Е.Д.* Политика начинается с границы: Некоторые вопросы пограничной политики КНР второй половины XX в. – М., 2007.
150. *Сюй Чжимин.* Практика и поиски / Пер. с кит. яз. под ред. М.Л. Титаренко. – М., 2007.
151. *Таранова Э.* Центральная Азия не взорвется. Битва за регион только началась // РИА Новости. 15 апреля 2008. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php>
152. *Тельбизов В.В.* Дэн Сяопин. Принципы политической теории и практики. – М., 2006.
153. *Титаренко М.Л.* // Клименко А.Ф. Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. – М., 2008.
154. *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. – М., 2008.
155. *Титаренко М.Л.* Китай: цивилизация и реформы. – М., 1999.
156. *Титаренко М.Л.* Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – М., 2005.
157. *Титаренко М.Л.* Россия: безопасность через сотрудничество. Восточноазиатский вектор. – М., 2003.
158. *Титаренко М.Л.* Экономика Китая вступает в XXI в. – М., 2004.
159. *Тоцкий В.П.* В тисках бюрократического эгоизма // Национальные интересы. – 2007. – № 1 (48).
160. *Тоцкий В.П.* Российский бюрократизм эпохи постмодернизма: основные черты и особенности // Национальные интересы. – 2006. – № 6 (47).
161. *Тоцкий В.П.* Русский язык и геополитические интересы России // Национальные интересы. – 2007. – № 4 (51).
162. *Тоцкий В.П.* Уроки 1917 года для современных россиян // Национальные интересы. – 2007. – № 2 (49).

163. Три крупных изменения в политике США в Восточной Азии. Жэньминь жибао. Он-лайн Китай. 3 августа 2009. – <http://russian.people.com.cn>
164. *Усов В.Н.* История КНР: В 2 т. – М., 2006.
165. *Фань Вэнь-Лань.* Древняя история Китая. От первобытно-общинного строя до образования централизованного феодального государства. – М., 1958.
166. *Федоров В.Н.* Организация Объединенных Наций, другие международные организации и их роль в XXI в. – М., 2005.
167. *Философия науки: Учеб. пособие для вузов / Под ред. С.А. Лебедева.* – М., 2007.
168. *Фукуда Ясуо.* К 2030 году по совокупным масштабам экономики Китай опередит США // По материалам Агентства Синьхуа. 19 апреля 2009. – <http://russian/china.org.cn>
169. *Хофман Берт.* Интервью главного экономиста Всемирного банка Берта Хофмана Агентству Синьхуа. 24 апреля 2006. – <http://www.russian.china.org.cn>
170. *Ху Аньган.* Предложения о некоторых важных мерах по продолжению расширения внутреннего спроса. – Пекин, 2003.
171. *Циренищиков В.С.* Европа: тенденции инновационного развития / ДИЕ РАН – М. 2004. – № 136.
172. *Цыганков П.А.* Теория международных отношений. – М., 2005.
173. *Цянь Цичэнь.* Нормализация китайско-советских отношений (часть вторая) // Партнеры. – 2004. – № 24. – Сент.
174. *Черевко К.Е.* Имеются ли у России территориальные долги Китаю? // Мир и политика. – 2008. – № 9 (24). – Сент.; № 10 (25). – Окт.
175. *Чжан Сяошань.* Реформы и развитие сельской экономики Китая // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. – М.: – М., 2007.

176. *Чжао Хунвэй*. Китайская дипломатия в контексте процессов взаимовлияния и соперничества в Восточной Азии // Аналитические записки. – М., 2007. – Вып. 1 (21).
177. *Чжоу Сяочуань*. Заявление управляющего китайского ЦБ Чжоу Сяочуаня на подфоруме «Реформа международной финансовой системы: роль экономических субъектов с нарождающимися рынками» в рамках ежегодного совещания Боаско-го азиатского форума. 20 апреля 2009. – <http://www.partnery.cn>
178. *Чжунци Э*. Тоннель, соединяющий берега // Российская газета. № 61 п(4324). – 2007. – 26 марта.
179. *Чэнь Сяосюй*. Теоретические проблемы переходной экономики // Китай и Россия: социально-экономическая трансформация / Под ред. Л.В. Никифорова, Т.Е. Кузнецовой, М.Б. Гусевой. – М., 2007.
180. *Ю Бин*. Китай все ещё на стороне России. Южная Осетия и «стратегическая двойственность» Пекина. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1220858220>
181. *Юань Кэ*. Мифы древнего Китая / Пер. с кит. Б.Л. Рифтина. – М., 1987.
182. *Яо Цзянь*. Интервью Агентству Синьхуа 27 февраля 2009 // Бизнес в Китае и Гонконге. – 2009. – Вып. № 306. – 4 марта. – <http://www.china-hongkong-business.ru>

Авторефераты

1. *Бальчиндоржиева О.Б.* Особенности модернизации политической системы Китайской Народной Республики: Автореф. дис. ... канд. философ. наук. – Улан-Удэ, 2007.
2. *Бахлова О.В.* Политические механизмы и технологии российско-белорусской интеграции: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2007.
3. *Богучарский М.Е.* Энергетическая дипломатия Европейского Союза: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2005.
4. *Бурганова И.Н.* Политическая интеграция на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / РГПУ им. А.И. Герцена. – М., 2007.

5. *Важнов О.Ю.* Роль военно-технического сотрудничества во внешнеполитической деятельности России (на примере ВТС с Китаем): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2007.
6. *Ветрик С.М.* Проблемы и перспективы интеграционных процессов в условиях глобализации (на примере Содружества Независимых Государств): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2005.
7. *Виноградов А.В.* Китайская модель модернизации: социально-политические и социокультурные аспекты: Автореф. дис. ... докт. полит. наук. – М., 2006.
8. *Воробьев В.П.* Интеграционное взаимодействие стран СНГ в контексте реформирования содружества: политологический анализ: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007.
9. *Гудрун С. Торгейрсдоттир*. История формирования гражданского общества в Китае, России и странах Центральной Азии в новейшее время. Сравнительный анализ: Автореф. дис. ... канд. истор. наук / Ин-т Дальн. Вост. РАН. – М., 2007.
10. *Гумерова Р.А.* Геополитические интересы США, Китая и России в Центральной Азии: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2009.
11. *Жосул Е.В.* Религиозный фактор в процессах политической интеграции и дезинтеграции в Европе: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2008.
12. *Закиева Ш.Б.* Интеграционные процессы в центральноазиатском регионе: интересы Казахстана: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2005.
13. *Имангазиев А.К.* Роль и место стран Центральной Азии в мировой политике (на примере отношений с Россией, КНР и США): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2008.
14. *Ким Чжи Ен*. Энергетическая политика России во взаимоотношениях со странами Северо-Восточной Азии в современных условиях: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2008.

15. Курбонова З.М. Политические аспекты процесса урегулирования государственной границы между Таджикистаном и Китаем: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2009.
16. Кучинская Т.Н. Процессы политических изменений глобализирующегося «китайского региона»: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / Читинский гос. ун-т. – Чита, 2007.
17. Лю И. Современные административные реформы в России и Китае: сравнительный анализ (1993–2006): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2007.
18. Лян Хун-И. Политика России в Азиатско-Тихоокеанском регионе (на примере организации «Азиатско-Тихоокеанского Экономического Сотрудничества»): Автореф. дис. ... канд. полит. наук – М., 2002.
19. Никитина Ю.А. Эволюция механизмов и международно-политических стратегий ОДКБ и ШОС: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГИМО. – М., 2008.
20. Серебрякова Н.В. Шанхайская организация сотрудничества: проблемы политической интеграции в Центральной Азии: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. РУДН. — М., 2007.
21. Сулаймони Шохзода. Формирование структуры региональной безопасности Центральной Азии в контексте трансформации современной системы международных отношений: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГИМО. – М., 2006.
22. Тевосян Г.Н. Взаимная торговля стран-членов Европейского Союза: Автореф. дис. ... канд. эконом. наук. – М., 2006.
23. Чжан Юйсинь. Внешняя политика Китая в контексте трансформации системы международных отношений: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2007.
24. Чже Сун Хун. Геополитический аспект внешней политики России на Дальнем Востоке (2000–2007): Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГУ. – М., 2009.
25. Чжэн Жуньюй. Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом (в рамках ШОС): Автореф. дис. ... полит. наук / МГУ. – М., 2008.

26. Чэнь Юн. Концептуальные основы «отношений нового типа» в многополярном мире и китайско-российское стратегическое сотрудничество: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / МГИМО. – М., 2008.
27. Шитлов С.Б. Роль форума АТЭС в политико-интеграционных процессах Азиатско-Тихоокеанского региона: Автореф. дис. ... канд. полит. наук / ДА МИД РФ. – М., 2007.

Литература на английском языке

1. *Asmus Ronald D.* A little War that shook the World. Georgia, Russia, and the Future of the West. – Macmillan, 2010.
2. *Craig Susan L.* Chinese perceptions of traditional and nontraditional security threats. – Washington, 2007.
3. Economic Reports. 26.07.2007.
4. *Heinrich Jr., Akiho Shibata, Yoshihide Soeya.* UN peace-keeping operation: a guide to Japanese policies. United Nations University Press. – Tokyo, New York, Paris, 1999.
5. *Karrar Hasan H.* The New Silk Road Diplomacy. China's Central Asian Foreign Policy since the Cold War. UBS-press. – Vancouver – Toronto, 2009.

Литература на китайском языке

1. *Ван Юньшэн.* Китай и Япония за 60-летний период: с момента заключения договора 1871 года до событий 18 сентября 1931 года: В 8 т. – Пекин, 2005 // 王芸生. 六十年来中国与日本: 由一八七一年同治订约至一九三一九一八事变。 1-8卷。北京, 2005年。
2. *Е Дучу.* Особенности социализма в Китае: Учеб. пособие. – Пекин, 2007 // 叶笃初. 中国特色社会主义学习读本。北京, 2007年。
3. *Киссинджер Г.* Дипломатия / Пер. с англ. Гу Шэсинь, Линь Тяньгуй. – Хайкоу, 2001 // 基辛格·亨利. 大外交。顾涉馨、林添贵译。海口, 2001年。
4. *Ли Интао.* Феминизм в международных отношениях. – Ханчжоу, 2006 // 李英桃. 女性主义国际关系学。杭州, 2006年。

5. *Лу И, Хуан Цзиньцзы и другие.* Введение в дипломатию. – Пекин, 2008 // 鲁毅, 黄金祺等. 外交学概论. 北京, 2008年.
6. *Маруяма Масао.* Исследование по истории политической мысли Японии / Пер. с яп. Ван Чжунцзян. – Пекин, 2000 // 丸山真(日). 王中江译. 日本政治思想史研究. 北京, 2000年.
7. *Масуми Дзюнносукэ.* Политическая история Японии: В 4 т. / Пер. с яп. Дун Голян и др. – Пекин, 1997 // 升味准之辅(日). 董果良等译. 日本政治史. (全四册). 北京, 1997年.
8. *Медведев Д.А.* Вопросы национального развития России / Пер. с рус. яз. Чэнь Юйжун, Ван Шэнцзы, Ли Цыго. – Пекин, 2008 // 梅德韦杰夫·德·阿; 陈玉荣, 王生滋, 李自国 译审. 俄罗斯国家发展问题. 北京, 2008年.
9. *Общественно-политическая обстановка в Китае* / Под ред. Сяо Ли. – Пекин, 2005 // 中国国情. 肖立编著. 北京, 2005年.
10. *Паттен Крис.* Не только дипломат. Горькая правда о международных делах. – Шанхай, 2008 // 彭定康. 非一般的外交家 – 关于国际事务的逆耳忠言. 上海, 2008年.
11. *Пэн Сюй.* Юридический аспект урегулирования споров в ВТО. – Пекин, 2008 // 彭淑. 论世界贸易组织争端解决中的司法造法. 北京, 2008年.
12. *Сабатье Пол А.* Теория политического процесса. – Пекин, 2006 // 萨巴蒂尔 保罗 А. 政策过程理论. 北京, 2006年.
13. *Сюй Чаолян, Чжан Юйцин, Сюй Цзыюнь.* Победить в Китае: практическое руководство для начинающих. – Пекин, 2008 // 徐朝亮, 张玉清, 须紫云. 赢在中国: 零起点创业实战手册. 北京, 2008年.
14. *Сян Ланьсинь.* Традиции и внешние связи: комментарии китайско-американских отношений в идеологическом аспекте. – Пекин, 2007 // 相蓝欣. 传统与对外关系: 兼评中美关系的意识形态背景. 北京, 2007年.
15. *У Цзяньминь.* Дипломатия и международные отношения: взгляд и мнения У Цзяньмина. – Пекин, 2006 // 吴建民. 外交与国际关系: 吴建民的看法与思考. 北京, 2006年.

16. *У Цзяньминь.* Из дипломатической практики. – Пекин, 2007 // 吴建民. 外交案例. 北京, 2007年.
17. *Цзинь Чжэнкунь.* Дипломатия (Второе издание). – Пекин, 2007 // 金正昆. 外交学(第2版). 北京, 2007年.
18. *Чжу Фэн.* Теория международных отношений и безопасность в Восточной Азии. – Пекин, 2007 // 朱锋. 国际关系理论与东亚安全. 北京, 2007年.
19. *Чэн Цзягуи.* Анализ и прогноз экономической обстановки Китая в 2008 году. Голубая книга по экономике Китая, 2008 // 陈佳贵. 2008年中国经济形势分析与预测. 中国经济蓝皮书. 2008. <http://blog.ourzb.com/2744/2692.html/>
20. *Шэнь Вэньли, Фан Цин.* Основы политологии. Пекин, 2007 // 沈文莉, 方卿. 政治学原理. 北京, 2007年.
21. *Юй Кэпин.* Эмансипация мышления и политический прогресс. – Пекин, 2008 // 俞可平. 思想解放与政治进步. 北京, 2008年.
22. *Ян Даоцзинь.* Стратегия Ясуо Фукуда: Отступление во имя наступления. – Пекин, 2008 // 杨道金. 以退为进: 福田康夫传. 北京, 2008年.

Summary

The monographic book by S.V. Sharko «Russia and China: the possibilities and the development of the regional integration» is dedicated to the actual issues of the perspectives of the regional integration of Russia and China in The Asian-Pacific region. Russia and China are deputized for the independent subjects of the world policy in the aspect of the tendencies and the perspectives of the development of integration in region. The meaning of Russian-Chinese cooperation for developing the multilateral processes and the integration systems of a new type in region was shown in the work. The author ascertains the role and the place of Russia and China in the region, discloses the civilization potential of bilateral cooperation. The specification of economic policy of China was researched in a new way, as The East Asia does the active steps to the monetary integration, that has the political meaning. The comparative analysis of the processes of The East Asian and The West European integration was given.

Научное издание

Шарко Сергей Владимирович

**РОССИЯ И КИТАЙ:
ВОЗМОЖНОСТИ И РАЗВИТИЕ
РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Монография

В авторской редакции

Подписано в печать 5.03.2010. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 17.

Тираж 1000 экз.

Изготовлено фирмой ООО «Ин-кварто»

Компьютерная верстка *Е.Г. Смолян*

119034, Москва, Курсовой переулок, 17.

т. 233-27-98